

В.В. Вязовская

**ОНОМАСТИКА
РОМАНА Н.С. ЛЕСКОВА
“СОБОРЯНЕ”**

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

В. В. Вязовская

ОНОМАСТИКА

РОМАНА Н. С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ»

Воронеж

«Научная книга»

2007

УДК 821.161.1-3:81'373.2
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-44
В 99

Печатается по решению Ученого совета
филологического факультета ВГУ
от 27 сентября 2007 г.

Научный редактор:

доктор филологических наук, проф. *Г. Ф. Ковалев*

Рецензенты:

доктор филологических наук, проф. *В. И. Супрун*
(Волгоградский государственный педагогический университет);
доктор филологических наук, проф. *И. А. Королева*
(Смоленский государственный университет)

В 99 Вязовская, В. В. Ономастика романа Н. С. Лескова «Соборяне» [Текст]: монография / В. В. Вязовская; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Научная книга, 2007. – 174 с.

ISBN 978-5-98222-270-1

В монографии впервые комплексно проанализированы имена собственные в романе выдающегося русского писателя Н. С. Лескова «Соборяне». Надеемся, что книга будет интересна не только специалистам-филологам, но и широкому кругу читателей, среди которых мы видим, прежде всего, школьных учителей русского языка и литературы.

УДК 821.161.1-3:81'373.2
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-44

Книга издана за счет средств автора.

ISBN 978-5-98222-270-1

© Вязовская В.В., 2007

ВВЕДЕНИЕ

Понимание роли имен собственных в художественном тексте и исследование уникальных возможностей ономастического произведения для выражения авторского замысла способствует более точной интерпретации текста, в связи с чем очевидно, что изучение языка художественной литературы невозможно без комплексного анализа онимов, заключенных в том или ином тексте.

Имена собственные в художественном тексте функционально значимы как в номинативном, так и в онтологическом, аксиологическом, эстетическом аспектах. Павел Флоренский отмечал, что «по имени жите, а не имя по житию». А в тексте, продолжал он, имя героя приобретает особое эстетическое значение, оно становится тем фокусом мысли, знаком, который в свернутом виде содержит смысловое ядро образа и его авторскую оценку (Флоренский 1998, с.463).

Каждый писатель, формируя ономастическое пространство текста, использует различные стилистические приемы и текстовые функции имен, основанные на многоплановости значения имен собственных. Выбор имени определяется замыслом автора, который стремится вовлечь читателя в круг ассоциаций и через употребление того или иного имени либо дополнительно охарактеризовать героя или ситуацию, либо создать соответствующий эффект.

По верному замечанию Б.С.Дыхановой, с которым трудно не согласиться, «имя Н.С.Лескова рождает острое ощущение самобытности, яркости языка, на котором говорят его герои. Вспоминается рассказывающий герой, ни в чем не похожий на стремящихся к духовному самоопределению, напряженно ищущих смысл своего существования интеллектуалов Достоевского, Толстого, Тургенева» (Дыханова 1994, с.3).

Н.С.Лесков, по мнению Б.М.Эйхенбаума, был воспринят своей эпохой как эксцентрик, не знающий меры и потому не укладывающийся в систему «классической литературы» (Эйхенбаум 1969, с.330). Так, Ф.М.Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 год полемизировал с Н.С.Лесковым, указывая на неправдоподобность речи его героев, ее перенасыщенность «эссенциями»: «Читатели хохочут и хвалят, и уж кажется бы верно: дословно с натуры записано, но оказывается, что хуже лжи, именно потому, что купец али солдат в романе говорят только *эссенциями*, т.е. как никогда ни один купец и ни один солдат не говорит в натуре» (Достоевский 1895, с.278).

В настоящее время, пожалуй, всех исследователей творчества Н.С.Лескова объединяет мысль П.М.Бицилли о том, что этот писатель «обладал исключительной лингвистической чуткостью и вместе с тем замечательным знанием того языка, каким он пользовался. Никто другой до него не усмотрел, в чем состоят специфические особенности языка» (Бицилли 1996, с.299). Художественный мир Н.С.Лескова, как полагал Б.Эйхенбаум, являет собой «систему бытовых конкретностей и языковых деталей, систему складываний, прикосновений и сцеплений» (Эйхенбаум 1969, с.344).

В ономастическом аспекте творчество Н.С.Лескова остается малоизученным. Частично ономастики писателя касались применительно к истории написания, замысла произведения, раскрытия образа персонажа в своих работах такие ученые-филологи, как Л.П.Гроссман (1945), В.Гебель(1945), Д.С.Лихачев(1987), А.А.Горелов (1988), В.А.Туниманов (1994) и др. Эти работы контурно обозначили неисследованную грань языка Н.С.Лескова и выявили важность и необходимость ее изучения в общем постижении художественного метода этого писателя в дальнейшем.

Все же, несмотря на то, что изучению роли имен собственных в текстах Н.С.Лескова уделяется внимание и в недавно появившихся работах, специально посвященных этому вопросу: Ю.В.Барковской (2005), Т.В.Евсеевко (2002), Н.В.Мудровой (2002), О.М.Хмелевой (2004), в цикле работ В.Н.Наседкиной (2002, 2006, 2007) и некоторых других, многие ученые указывают на недостаточную освещенность проблемы специфики именования персонажей в творчестве этого великого писателя.

Роман «Соборяне» занимает центральное положение в корпусе текстов Н.С.Лескова. Исследователь О.Е.Майорова приходит к выводу, что «последние работы, посвященные творчеству Н.С.Лескова, рожают представление о «Соборях» как о некоем исходном тексте, аккумулировавшем богатство опыта писателя, как неисчерпаемом резервуаре картин и образов, обладающих способностью перетекать в другие произведения» (Майорова 1997, с.27). О.Е.Майорова полагает, что сам писатель, несомненно, считал это произведение ключевым в своем творчестве, часто упоминая его в статьях, письмах и даже в художественных текстах (Там же, с.22). Н.С.Лесков в письме к И.С.Аксакову от 1 января 1867 года обыгрывал эпизод из жизни дья-

кона Ахиллы как травестийную параллель своему собственному положению в литературе (X, 373)*.

Любопытно взглянуть на роман «Соборяне» – своего рода протограф всего зрелого творчества Н.С.Лескова – сквозь призму имён собственных.

В нашем исследовании проанализированы имена собственные, использованные для именования персонажей, а также онимы, обозначающие факты реального физического мира – введенные автором из литературы, истории, философии, религии, фольклора. Общий массив проанализированного материала составил около 300 ономастических единиц, из которых больше половины – собственно антропонимы. Материалом послужил текст романа Н.С.Лескова «Соборяне», а также рукописная редакция романа, переписка писателя, воспоминания его сына и современников.

* Здесь и далее цит. по изданию: Лесков Н.С. Собрание сочинений в XI-ти т. – М.: Художественная литература, 1956–1958.

ГЛАВА I

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОНОМАСТИКИ

1. К ЭТАПАМ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОНОМАСТИКИ

Собственные имена привлекали внимание ученых с давних пор. Историю их возникновения, значение и связь с историей общества, с мировоззрением людей, с окружающей природой, а также метаморфозы, которые происходили с ними на протяжении разных эпох, изучали и изучают представители разных научных дисциплин: филологии, истории, географии, этнографии, психологии.

Имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемыми стиля писателя, одним из средств создания художественного образа. По мнению М.В.Горбаневского, они могут «нести ярко выраженную смысловую нагрузку, и обладать скрытым ассоциативным фоном, и иметь особый звуковой облик, имена и названия способны передавать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху» (Горбаневский 1988, с.3).

С древних времен было известно, что «*nomina sunt omina*», поэтому процедура имянаречения была в высшей степени важна и значительна, и дающий имя приобретал безграничную власть над тем, кого нарекал. Не случайно философ С.Н.Булгаков сравнивал процесс именования с моментом рождения (Булгаков 1998, с.258). Относительно важности имени в художественном тексте П.Флоренский писал: «Признав частности, как можно отвергать главное? <...> объявление всех литературных имен вообще – имени как такового – произвольными и случайными, субъективно придумываемыми и условными знаками типов и художественных образов, было бы вопиющим непониманием художественного творчества. Кто вникал, как зачинаются и рождаются художественные образы и каково внутреннее отношение к ним художника, тому ясно, что объявить имена случайными кличками, а не средоточными ядрами самих образов, – все равно, что обвинить в субъективности и случайности всю словесность, как таковую, по самому роду ее» (Флоренский 1998, с.462).

У каждого писателя свой индивидуальный подход к выбору имени при создании художественного произведения. В психологии творчества накоплена масса примеров того, как был важен, как порой

мучительно трудно давался авторам простой, на первый взгляд, процесс называния своих героев.

Без сомнения, самым знаменитым эпизодом выбора имени в русской литературе может служить эпизод из повести Н.В.Гоголя «Шинель». Имя новорожденному выбирается по святцам. На один день открываются *Моккий*, *Сосий* и *Хоздазат*, на другой – *Трифиллий*, *Дула* и *Варахасий*. Родильница предпочитает назвать новорожденного по отцу, и он получает имя *Акакий*. Как заметил Ф.Тороп, «из перечисленных святых только св. Варахасий чествуется 28 марта, т.е. вскоре после рождения ребенка. Имена же остальных разбросаны в святцах с апреля по июнь. Первоначально Башмачкина предполагалось назвать *Варахасием*, но потом отыскалось более удачное имя-образ. Обрадованный автор даже записал: «никак нельзя было дать другое имя» (Тороп 1999, с.19).

Традиция употребления «говорящих» имен берет свое начало с эпохи классицизма – яркие примеры дает творчество Д.И.Фонвизина, И.А.Крылова, а затем А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя и многих других представителей уже исторического и социально-критического реализма.

У А.П.Чехова имена связаны «со свойством и социальным положением тех, кого они обозначают» (Ковалев 2006, с.13), а фамилии, изобретаемые Н.В.Гоголем, по мнению В.Набокова, – «в сущности клички, которые мы нечаянно застаем в тот самый миг, когда они превращаются в фамилии, а всякую метаморфозу так интересно наблюдать!» (Набоков 1998, с.60).

Р.П.Шагинян и Э.П.Магазаник говорят о своеобразной экспрессии «исторической характерности» и «исторической значительности» некоторых фамилий у Л.Н.Толстого. Подбирая фамилии, писатель хотел, чтобы читатель воспринимал их как фамилии с историческим колоритом. Отсюда у Л.Н.Толстого фамилии, напоминающие подлинные «исторические» аристократические фамилии: *Друбецкой* (Трубецкие), *Болконский* (Волконские) (Шагинян, Магазаник 1958, с.123).

Но, как заметил еще А.Бем, несмотря на то, что подбор имени у каждого писателя индивидуален, все же «выбор имени обусловлен творческим процессом; он происходит в целях облегчения творчества, но еще без учета момента творческого воздействия на читателя или слушателя. Но даже там, где писатель как будто берет первое подвернувшееся имя для наименования действующих лиц, он в этом выборе ограничен. Прежде всего писатель остается в сфере своей языковой структуры, т.е. невольно пользуется имеющимися в распоряжении

языка фактурой и исторически сложившейся семантикой имени» (Бем 1933, с.413).

Академик В.В.Виноградов отмечал, что «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образцах, характеристических функциях и т.п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики литературы» (Виноградов 1963, с.38).

Под *литературной ономастикой* или, как ее еще называют, *поэтической ономастикой*, *литературно-художественной ономастикой*, *поэтикой онима*, возникшей на стыке ономастики со стилистикой, поэтикой, лингвистикой текста, имеют в виду науку, занимающуюся изучением собственных имен в художественном тексте.

Существенную роль в понимании того, как функционирует оним в тексте, сыграло четкое разграничение языка и речи, так как именно в речевой коммуникации собственное имя реализует свой богатый и разнообразный семантический потенциал. Несомненно также, что новая дисциплина могла сложиться только в тот момент, когда лингвистика сместила общий вектор своих интересов с языковой системы, где ономастика поневоле занимает достаточно скромное место, на речь, где имя в силу своей лингвистической природы становится эффективным инструментом порождения и конденсации разнообразных смыслов. Когда выработанные в рамках структурализма строгие научные методы были перенесены на исследование речевых феноменов, это послужило одной из важнейших предпосылок становления и развития литературной ономастики (Фомин 2004, с.111).

О.И.Фонякова, автор монографии «Имя собственное в художественном тексте», пишет, что «литературная ономастика исследует «отражение элементов реальной и вымышленной ономастики (совокупность которых составляет ономастикон художественного текста) – на основе их индивидуального преломления и применения в творчестве каждого писателя и отдельного текста. Это преломление можно рассматривать как взаимосвязь диалектических категорий «общего» (языковое) – «отдельного» (речевое)) и «особенного» (индивидуальное) в семантико-стилистической системе языка писателя, элементом которой являются имена собственные» (Фонякова 1990, с.7).

Уже античная литература, по мнению А.А.Фомина, предоставляла тот материал, на основе которого в принципе было возможно возникновение специальной науки о собственных именах в художественном тексте: «в античной литературе собственные имена играют важную роль, решая не только собственно лингвистические задачи, но и

выполняя ряд художественных функций, присущих и современной нам литературной онимии» (Фомин 2004, с.109).

В русской литературе одним из первых, кого привлекли имена собственные как особый лексический разряд, был М.В.Ломоносов. Он рассмотрел в собственных именах «такие же свойства, какие мы наблюдаем у имен нарицательных, в связи с чем его исследования в области риторики привели к определению художественных, эстетических возможностей имени собственного» (Кондратьева 1967, с.99). М.В.Ломоносов писал о том, что «имя собственное может быть переведено и внушать разные идеи, и это свойство следует использовать в поэзии <...> знаменование имени подать может пространные идеи самой вещи, когда через перевод или через предложение слов произведения разделена будет на свои виды и части, и купно ее свойства, действия и страдания, и обстоятельства к тому присовокуплены будут» (Ломоносов 1952, с.27).

М.В.Ломоносов рассматривал имена собственные как «одну из деталей общего художественного плана произведения, в связи с чем в своих поэтических опытах он воспользовался не только торжественным и монументальным арсеналом греческой и римской мифологии, давшим благодатную почву для воплощения его теории «трех штилей» в жизнь, но и собственными историческими именами и географическими названиями» (Кондратьева 1967, с.100). Таким образом, М.В.Ломоносов видел в именах собственных один из мощных текстовых и стилеобразующих факторов.

Первые критики начинают обращаться к именам в связи с интерпретацией образа того или иного персонажа. Так, В.Г.Белинский, трактуя образы Онегина и Печорина, замечал: «Иногда в самом имени, которое истинный поэт дает своему герою, есть разумная необходимость» (Белинский 1954, с.265).

Ряд немногочисленных работ, непосредственно посвященных именам собственным, появился в начале XX века. Именно в это время впервые ставится вопрос об имени как самостоятельном объекте изучения: В.И.Чернышев (1908), Л.В.Васильев (1909), А.Г.Горнфельд (1912).

Проблемой имени сначала интересовались в основном литературоведы – А.Л.Бем, П.М.Бицилли, М.С.Альтман и другие. Особый вклад в развитие ономастики внес А.Л.Бем, который еще в 1933 году в своей работе «Личные имена у Достоевского» поставил центральный вопрос ономастики: «... *какова функция личного имени в творчестве*, покрывается ли она вполне тем, что имеет место в разговорном языке или структура языка поэтического вносит функциональное изменение

и в применении к наименованию. *Другими словами, есть ли особая поэтика личного имени?»* (Бем 1933, с.410). Одним из первых А.Бем на материале личных имен Ф.М. Достоевского положил начало развитию одного из направлений литературной ономастики, являющегося перспективным на данном этапе, – составлению ономастического словаря писателя.

А.С.Бушмин в своей работе «Имя литературного героя» обозначил основные функции имени собственного в тексте: «Что же касается, в частности, такого элемента, как собственное имя персонажа, то и оно в подлинно художественном произведении выступает не только в номинативном значении, не просто как знак простого различия. Оно выполняет функции индивидуально-эмоциональной, психологической, типологической, социальной характеристики действующего лица. Собственные имена, употребленные в различных формах, участвуют в пластической лепке образов и в формировании производимого ими впечатления.<...> Одним словом, имя персонажа – и как таковое, и еще более как форма, в которой оно применено, существенный семантический и эмоционально-экспрессивный элемент в целостной структуре литературного произведения» (Бушмин 1971, с.86).

Важную роль сыграли и работы представителей формальной школы – Ю.Н.Тынянова (1929, 1946), Б.М.Эйхенбаума (1919), В.В.Виноградова (1929, 1941, 1946), и иных ученых, рассматривающих имя собственное на материале произведений А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского и других писателей. Так, Ю.Н.Тынянов справедливо заметил, что «в художественном произведении нет неговорящих имен... Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» (Тынянов 1929, с.27).

Исследования лингвистов «в этом направлении ономастики практически начинаются со второй половины XX века, хотя и ранее случались небольшие заметки по литературной ономастике» (Ковалев 2006_а, с.3). Одним из первых лингвистов, заинтересовавшихся проблемой имени в тексте, был В.И.Чернышев (1908), рассмотревший антропонимы персонажей сказок А.С.Пушкина.

Осознание того, что собственное имя является лингвистической единицей, функционирующей в специфическом контексте и выполняющей специфические задачи, объединяет большинство исследователей: В.Н.Михайлов (1965, 1981), Э.Б.Магазаник (1978), Ю.А.Карпенко (1986), О.И.Фонякова (1990). Работы этих ученых, выполненные на

обширном материале русской литературы, затрагивали и общие вопросы поэтики собственного имени, и основные теоретические понятия.

В совместной работе Р.П.Шагинян и Э.П.Магазаника были описаны способы характеристического использования собственных имен, а также обрисована тенденция развития поэтической ономастики, состоящая «в значительном обогащении возможностей «словарной» и «контекстовой» выразительности косвенно-характеристических имен собственных, в возникновении все более усложняющихся связей и «сцеплений» между этими векторами их выразительности» (Шагинян, Магазаник 1958, с.125).

В начале 80-х годов XX века В.А.Никонов высказал мысль о необходимости создания теории имен персонажей, которая не разработана ни в России, ни за рубежом, а также выделил основные теоретические проблемы, без решения которых невозможно было бы создать данную теорию. Ученый полагал, что «имена персонажей художественного произведения можно рассматривать только в их соотношении с несколькими системами: 1) с антропонимической системой периода, изображаемого в произведении, 2) с антропонимической системой, современной автору, 3) со стилем произведения, 4) с литературной традицией» (Никонов 1971, с.418). В.А.Никонов поднимает вопрос о «безымянности» персонажей: «Если имя персонажа важно и необходимо для создания художественного образа, то как быть с персонажами безымянными, которым имя заменяют местоимения Я, Ты, Он, Она или нарицательные Женщина, Старик, Царь, 1-й крестьянин, 2-й крестьянин? Но это и есть имена. Местоимения и нарицательные стали здесь именами собственными и сама замена неслучайна. <...> При всех различных причинах «безымянности» она передает авторское отношение к персонажам» (Там же, с.411).

Исследователь В.Н.Михайлов отмечал в своей статье «Специфика собственных имен в художественном тексте», что «входя в тот или иной структурно-содержательный комплекс, речеконпозиционный, тематический контекст, собственные имена многосторонне способствуют формированию образной структуры произведения, реализации конкретной художественной задачи: характеристике персонажей, созданию образа автора, выражению идейной позиции писателя» (Михайлов 1987, с.82).

Показательна и монография О.И.Фоняковой «Имя собственное в художественном тексте» (1990) о художественной значимости поэтического имени как знака ономастического пространства текста, проявляющейся в его форме (фонетической, морфологической), и значении

(номинативном, социально-коннотативном, словообразовательном, контекстуальном, эстетическом).

Существенными для литературной ономастики стали труды А.Б.Пеньковского (1999), В.И.Супруна (2000) и В.М. Калинкина (1999), вобравшие в себя идеи предшествующих работ и показавшие многоаспектность современной русской ономастики, разнообразие ее интересов и различное понимание ею своих задач. Так, В. М.Калинкин главную задачу своей монографии «Поэтика онима» видит в создании и теоретическом осмыслении поэтики онима как особого научного направления. Автор предлагает использовать термин *поэтоним* для обозначения собственных имен, функционирующих в художественном тексте. Поэтонимы – это всегда и только балансирующие по оси апеллятив – онима *поэтические имена*, запечатленные и остановленные воспринимающим сознанием в некое мгновение своего извечного движения. Динамический характер семантики поэтонимов, как замечает В.М.Калинкин, их способность аккумулировать все формы информации, относящейся к именуемым объектам, сделали их чрезвычайно привлекательным средством образности (Калинкин 1999).

Продуктивна на современном этапе и работа воронежской ономастической школы под руководством Г.Ф. Ковалева, «в которой принято не просто исследовать ономастику, использованную тем или иным писателем, а проследить еще и *отношение писателя к имени*: как сам писатель относится к своему имени, как он относится к именам собратьев по перу, к именам персонажей своих и чужих произведений. <...> Специфика исследований связана с поиском деталей в творчестве писателя, помогающих вскрыть его ономастический замысел того или иного автора, ономастический вкус автора через работу с его черновиками, вариантами и даже с совершенно косвенными источниками» (Ковалев 2006, с.6)

В последнее время исследование свойств ономастического материала приобретает очертания варианта лингвокогнитивного анализа, объединяющего исследовательские приемы когнитивной лингвистики, лингвопоэтики и ономастики. И поэтому немаловажным становится метод концептуализации, направленный на выявление внутрисистемных взаимосвязей онимов на уровнях вертикали и горизонтали текста (Ковалев 2002, с.48). К числу сравнительно новых подходов к исследованию собственных имен в литературном тексте может быть отнесен опыт изучения онимного пространства художественных произведений (Калинкин 2002, с.38).

Обобщающих работ по литературной ономастике еще очень мало, поскольку это молодая, недавно заявившая о себе область лингви-

стики. По мнению А.К.Матвеева, специфичность статуса собственных имен в языке и их многообразие повлияли и на судьбы ономастической терминологии. Поэтому открытым является и терминологический вопрос, несмотря на претендующий на нормативность словарь ономастических терминов Н.В.Подольской (1988) (Матвеев 2005, с.5). Очевидной является и неравномерность интереса к разрядам литературных онимов: в центре внимания находится антропонимия, когда как исследования по литературным топонимам, зоонимам, астронимам и другим разрядам оказываются на периферии изучения.

Таким образом, в настоящее время никем из исследователей не подвергается сомнению важная роль имен собственных в организации содержательной структуры художественного текста. Оним, выступая в произведении в качестве особого лингвистического средства порождения разнообразных смыслов, привлекает к себе внимание и лингвистов, и литературоведов. Однако, как признает А.А.Фомин, «немалое количество работ и ценных наблюдений над функционированием собственных имен в конкретных текстах еще не привели к формированию стройной и последовательной теории литературной ономастики, объясняющей многие факты художественной практики. Накопление материала, апробация различных методов исследования, происходящие на данном этапе развития литературной ономастики, подготавливают этап теоретического осмысления ее проблем, который пока остается делом будущего» (Фомин 2003, с. 167).

2. ОНОМАСТИКА Н.С.ЛЕСКОВА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

На современном этапе в ономастическом аспекте творчество Н.С.Лескова представляется еще недостаточно изученным. Многие исследователи лишь частично затрагивали проблему имен лесковских персонажей в своих работах.

Литературоведы первыми, говоря об оригинальности, непохожести языка Н.С.Лескова, вскользь касались и имен его персонажей. И поэтому необходимость и важность специального изучения ономастики этого писателя была отмечена в работах литературоведческого характера, посвященных его творчеству – Л.П.Гроссмана (1945), В.Гебель (1945), А.А.Горелова (1988), Д.С.Лихачева (1987), и других.

Как известно, манера письма Н.С.Лескова воспринималась его современниками отрицательно. Одним из первых в 1891 году отозвался критик М.Протопопов в своей статье «Больной талант» (Собрание сочинений Н.С.Лескова. Десять томов. Спб., 1889–1891 г.): «У

г.Лескова много оригинальности, которая была бы его крупным достоинством, если бы – такова уж вечная и горькая судьба этого писателя – ее не портило оригинальничье автора. Не пересолить г.Лесков никак не может» (Протопопов 1902, с.186). В таком же ключе М.Протопопов подходит и к оценке имен лесковских персонажей: «Точно не доверяя разумению читателя, он спешит разукрасить своего героя чисто внешними и почти всегда безвкусными атрибутами, т.е. или назовет его каким-нибудь *сверхъестественным именем* (*Шерамур, Ванскок, Овцебык*), или заставит изъясняться каким-то вычурным каламбурным языком» (Там же, с.187). При этом проницательно подмеченная критиком языковая игра Н.С.Лескова с именем расценивается лишь как введение читателя в заблуждение: «г.Лесков спешит удивить нас своим... юмором, что ли, и представляет такой диалог: «Звезда-стражница, звезда все видит, она видела, как Кавель Кавеля убил. Месяц увидел, да испугался, как христианская кровь брызнула, и сейчас спрятался, а звезда все над Кавелем плыла, Богу злодея показывала.

– Кавеля?

– Нет, Кавеля.

– Да ведь кто кого убил-то: Кавель Кавеля?

– Нет, Кавель Кавеля?

– Врешь, Кавель Кавеля.

Спор становится очень затруднительным, только было слышно: «*Кавель Кавеля*», – нет, *Кавель Кавеля*». На чьей стороне была правда ветхозаветного факта, различить было невозможно, и дело грозило дойти до брани» (Там же).

По мнению М.Протопопова, «может быть, найдутся такие читатели, которым эта сцена покажется забавной, и они отдадут честь остроумию автора, но вряд ли найдутся такие, которые серьезно поверят в самую возможность таких удивительных препирательств. Гориллы и оранг-утаны лучше понимают друг друга, нежели мужики г. Лескова, и *сам автор, конечно, это сознает*» (Протопопов 1902, с.189). Но, вместе с тем, пророчески звучат в этом плане слова великого писателя XIX века Ф.М.Достоевского: у Н.С.Лескова свой язык, который «производит какой-то особенный эффект (и это должно очень хорошо чувствоваться образованным читателем)» (Цит. по: Виноградов 1961, с.571).

И, действительно, эта замеченная современниками Н.С.Лескова языковая игра с читателем, ставшая камнем преткновения в оценке его творчества, впоследствии и определит его как великого мастера изящных лингвистических находок.

В XX веке одним из первых ученых, кто поднял вопрос об отношении Н.С.Лескова к имени, был Л.П.Гроссман в своей монографии «Жизнь – Творчество – Поэтика». По его мнению, на писателе не могла не сказаться та среда, в которой он вырос: «к впечатлениям детства относятся столь детально развёрнутые впоследствии Лесковым сведения о происхождении фамилий русского духовенства <...>. К этому же источнику восходит, вероятно, интерес Лескова к старинным русским именам, как *Пересвет*, *Ростислав*, *Боголеп*, *Воин*, *Разумник*, *Рогнеда*» (Гроссман 1945, с.272).

Важной является и проблема псевдонимов Н.С.Лескова, затронутая в статье В.А.Туниманова (1994) и в книге Андрея Лескова, сына писателя, «Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям» (1954). Андрей Лесков отмечает, что одним первых псевдонимов отца был *Стебницкий*. Эта псевдонимная подпись впервые появилась 25 марта 1862 г. под первой беллетристической работой – «Погасшее дело» (позже «Засуха»). Держалась она до 14 августа 1869 года. П.В.Быков, библиограф Лескова, так объясняет этот псевдоним: «Это <...> сложилось само собой, вернее переделалось... Он взял, собственно, «*Степницкий*», от слова степь, степной, мол, человек. Он ведь долго жил в Пензенской, степной губернии. Ну, вот и выбрал... А потом как-то глухое «п» само перешло в ясное «б», ну и вышло – «*Стебницкий*» (Цит. по: Лесков 1954, с.82).

Но Андрей Лесков не принимает такого объяснения, связывая этот псевдоним отца с фамилией гимназического учителя Н.С.Лескова – *Иллариона Матвеевича Сребницкого*. По его мнению, за заменой «рцы» на «тако» стоят «отроческие воспоминания и литературное просвещение, глубоко запавшая за многое благодарность» писателя своему учителю (Лесков 1954, с.83). На наш взгляд, такое объяснение может иметь определенные основания, если учесть пристрастие Н.С.Лескова к автобиографическим реалиям. Возможно, что этому псевдониму близки и следующие: «*М. С.*», «*С.*», «*М. Стебницкий*», «*Н. Лесков-Стебницкий*» и «*М. Лесков-Стебницкий*». Среди других условных подписей и псевдонимов Андрей Лесков выделяет: «*Фрейшиц*», «*В.Пересветов*», «*Николай Понукалов*», «*Николай Горохов*», «*Кто-то*», «*Дм. М-ев*», «*Н.*», «*Член общества*», «*Псаломщик*», «*Свящ. П. Касторский*», «*Дивьянк*», «*М.П.*», «*Б.Протозанов*», «*Николай –ов*», «*Н. Л.*», «*Н. Л-в*», «*Любитель старины*», «*Проезжий*», «*Любитель часов*», «*N.L.*», «*Автор заметки № 82*» («Петербургская газета», 1187, № 86), «*Л.*» (Там же).

По всей вероятности псевдоним «Николай Горохов» имеет отношение к селу Горохово, в котором родился и провёл свое детство

писатель, а криптоним «N.L.» связан с семейной реликвией рода Н.С.Лескова – железной печаткой, на которой выгравированы эти латинские буквы. Псевдоним «Любитель часов» указывает на одно из увлечений Н.С.Лескова – коллекционирование часов. Также писатель иногда подписывался *ересиархом* (смирненным и лжесмирненным) и старцем, иногда предельно расширяя свою власть: «*Ересиарх Ингерманладский и всея России*» (Туниманов 1994, с.52).

Бесценный материал предоставил исследователь В.А.Туниманов, собравший и изучивший условные подписи, псевдонимы и, что немаловажно, клички, прозвища, определения других людей по письмам писателя: «*Пыляич*», (М.И.Пыляев), «*шамбелян*», «*Бобоша*», «*хлыщ*» (Б.М.Маркевич), церковин сын Тертый» (Т.И.Филлипов), «*форейтор*» (Н.А.Любимов), «*отец Пэтр*» (переписчик П.А.Богословский), «*Поша*», «*Не-Гайдуков*» (П.И.Бирюков), «*фрейшиц*» (В.А.Фаресов), «*нигилист*» (А.К.Шеллер-Михайлов), «*Модестыч*» (А.М.Хирьяков), «*Николавра*», «*Безешник*» (Н.Н.Ге), «*благочинный из Россоши*» (В.Г.Чертков), «*генерал интендантского ведомства*», «*опахальщик*» (С.Н.Шубинский), «*подкузьмич*», «*солдат*» (П.К.Мартыанов), «*старичок-милочок*» (А.П.Милуков), «*важный пристав*» (Е.М.Феокистов), «*Тер-Пигор*» (С.Н.Терпигоров), «*Мимочка*», «*пренепорочная Лидия*» (Л.И.Веселитская), «*Пержан*» (Иоанн Кронштадский), «*раб божий Ивантий*» (И.И. Горбунов-Посадов), «*граф*», «*Гришка Скоробрешко*» (Г. П. Данилевский), «*Висюша*» (В.В.Комаров) и др. (Туниманов 1994, с.50).

Вынесен в отдельные рубрики обзор фамилий персонажей и главней произведений Н.С.Лескова в монографии В.Гебель «Н.С.Лесков. В творческой лаборатории». Автор монографии утверждает, что «фамилии и имена действующих лиц, так же как и заглавия и эпиграфы, подготавливались писателем обычно еще до написания произведения» (Гебель 1945, с.108). Так же, по мнению В.Гебель, «имена и фамилии зачастую выполняли в произведении сюжетную функцию». Например, рассказ «Штопальщик» в сюжетном плане целиком построен на совпадении фамилии *Лепутин*, принадлежавшей и знатному барину, и мастеровому-портному» (Там же, с.110).

К подобному выводу приходит В.Семенов, анализируя путь духовного становления героя в повести «Детские годы» (Из воспоминаний Микулы Праотцева) (1874). В этой повести Н.С.Лесков обыгрывает странную фамилию своего персонажа – *Праотцев*, напоминая старую французскую поговорку: «Дитя – это отец будущего человека». По мнению В.Семенова, *Праотцев* – это будущий человек в высоком

значении слова, олицетворение духовного становления подлинного творца (Семенов 1981, с.161).

Ярким доказательством одной из центральных тенденций всего творчества Н.С.Лескова – стремление к документализации для достижения эффекта правдоподобности – являются результаты работ исследователей, касающихся и ономастической системы этого писателя, например, Р.М.Алексиной (1997), А.М.Лужановского (1980), Н.Шахова (1990) и других, которые отмечают приверженность Н.С.Лескова к автобиографическим онимам.

«Самый лучший часовщик у нас немец Керн почитается <...> к нему через Орлицкий мост надо на Болховскую ехать <...>» (VIII, 123–124), рассказывает один из действующих лиц рассказа «Грабеж» (1887), «орловский старожил» (VIII, 113), вспоминающий «историю, имевшую лет за пятьдесят перед этим» (VIII, 112). Р.М.Алексина находит, что «Осип Керн действительно жил в Орле на Болховской улице и был баденским подданным» (Алексина 1997, с.594). А криптоним эпизодической, но довольно подробно обрисованной писателем героини повести «Юдоль» – княгини Д*, разъясняется через ближайший контекст: княгиня Д* – это знатная дама, жившая в Послове «в замкнутом одиночестве» и «занимавшая перед тем видную «позицию», но вдруг чем-то кому-то не угодившая и удаленная (IX, 281). Как утверждает Р.М.Алексина, в этой характеристике значимо каждое слово. Селом Пословым владела *Прасковья Николаевна Давыдова*, вдова полковника Владимира Денисова (сына Давыдова), приходившегося дядей поэту-партизану Денису Давыдову, а также родным братом генерал-майору флигель-адъютанту Л.Д.Давыдову (отцу декабриста В.Л.Давыдова). И становятся прозрачными фразы автора: «жила в замкнутом одиночестве <...> чем-то кому-то не угодившая и удаленная. Говорили <...> что «душа ее не тут», – она живет в «недостижимых сферах» (IX, 281). Р.М.Алексина полагает, что здесь Н.С.Лесков намекал на ее сочувствие декабристам, и то обстоятельство, что он полностью фамилии не раскрыл, представляется не случайным (Алексина 1997, с.596).

А.М.Ранчин в своей работе «Две редакции «Очерков в письмах» Н.С.Лескова «Русское общество в Париже» (1863–1867)» подробно разбирает различного рода разночтения, связанные с именами персонажей в редакциях текстов. Например, «в журнальной и книжной редакциях «Очерков в письмах» «замены» криптонима на имя, неопределенного обозначения героя (типа «один студент», «один военный») на криптоним, сокращенные имя и фамилию <...> всегда не случайны и могут многое сообщить об изменении взглядов и настроений писате-

ля в период с 1863 по 1867 г. В предисловии к первому письму в редакции 1863 г. Н.С.Лесков писал: «А насчет собственных имен, ручаюсь, что ни одного собственного имени в собственном смысле здесь не употреблено. Все имена изменены так, что если кто-нибудь и узнает себя в моем письме, то уж не найдет оснований ко начатию судебного процесса. А если кто вздумает сердиться, то пусть себе сердится, что ж до этого и вам, и мне. Без этого ведь не проживешь» (Цит. по: Ранчин 2000, с.266). В книжном варианте «Очерков в письмах» этих рассуждений нет, что, по мнению А.М.Ранчина, свидетельствует об изменении авторской установки – теперь Лесков рассчитывал на узнаваемость своих персонажей (Там же).

Имена героев, по мнению автора статьи, иногда раскрывались, чтобы разоблачить, вывести на чистую воду аморального человека. В очерках описан «беспринципный пройдоха, студент Петербургского университета, связанный с революционно-демократическими организациями *П.А.К-ч* – очевидно, Павел Александрович Косач (род. 1839). Между тем, в первой редакции, где, кстати, о Косаче повествуется менее подробно, он «зашифрован» иным, не столь легко разгадываемым криптонимом: «*П.А.-ч*» и «*П.А.*». Иногда прямое называние персонажа или замена трудно раскрываемых криптонимов более прозрачно связаны с чисто информативными целями: писатель стремился подчеркнуть достоверность очерков, документальный характер повествования. Так, в рассказе «об общественном суде» над Косачем упоминаются его участники и, в частности, офицер *Лукошко*; в журнальной редакции – просто «драгунский офицер» и «лейб-драгун». Кроме того, в первоначальной редакции сообщалось, что П.А. «прибил русского студента *А-га*, когда тот больной лежал».; в книжном тексте приведена иная фамилия – «*Сео-в*». В изложении этого эпизода во второй редакции очерков впервые назван еще ряд имен (в частности русские священники *Васильев* и *Прилежаев*). В другом случае, «студент *С.*» заменен на «студент *Се-ков*» и даны инициалы «одного скучнейшего резонера, либерала и пустозвона» (Ранчин 2000, с.266).

Таким образом, как замечают в своих работах А.М.Ранчин, Р.М.Алексина, вводя онимы реальных людей в пространство художественного текста, писатель часто стремился так организовать форму повествования, чтобы она могла вызвать у читателя иллюзию достоверности, естественности, иллюзию правды.

Другой исследователь, А.В.Кузьмин, в своей работе «Об именах персонажей Н.С.Лескова» (2004) относительно группы персонажей с именами реальных людей отмечает, что, «работая с именами реальных людей, Н.С.Лесков тяготел к их апокрифизации, включению их в вы-

мышленные истории или додумыванию реальных случаев, наделению их чертами, которые необходимы для создания идеологического пространства текста» (Кузьмин 2004, с. 167).

Вымышленные имена персонажей Н.С.Лескова, по заявлению А.В. Кузьмина, «имеют идеологическую подкладку и либо могут заключать в себе в сжатом виде основную сюжетную линию произведения, либо поддерживать одну из главных идей текста, либо просто акцентировать какую-то характерную черту персонажа» (Кузьмин 2004, с. 165). К числу таких имен исследователь относит следующие имена: *Катерина Львовна Измайлова, Маничка Норк, Гуго Пекторалис, Стюарт Яковлевич Ден, Гильдегарда Васильевна*.

А.В.Кузьмин не обходит вниманием имена персонажей Н.С.Лескова и в своей монографии «Иноородец в творчестве Лескова: проблема изображения и оценки», правда, посвященной проблеме этнических характеров и межкультурных контактов в творчестве этого писателя. Анализируя рассказ «Железная воля» (1876), исследователь приходит к выводу, что «взгляд автора на героя не только поучителен, но и ироничен, что проявляется, в частности, в наименовании героя – *Гуго Пекторалис*. Имя это может быть переведено на русский как «большие легкие» – то есть дышать бы и дышать ему полной грудью, а он блином подавился, не оправдав тем самым своего громкого имени» (Кузьмин 2003, с. 59). А намек на замкнутость главного героя рассказа «Язвительный» (1863) на определенной системе и идее, по мнению А.В.Кузьмина, «возможно, заключен в его назывании в тексте: *Ден* и *язвительный*. В переводе с английского *den* означает *нора; замкнутое, уединенное помещение, комната*, тогда как однокоренным словом к язвительному является диалектное *язвец* – барсук. Подобно зверьку, зарывающемуся в нору, Ден отгораживается своей системой от внешнего мира, не замечая тех условий, по которым этот мир живет» (Там же, с. 61).

О.С.Клишина в качестве одной из особенностей антропонимикона Н.С.Лескова называет «ее привязку к этнофору» (Клишина 2002, с. 110). Так, имя *Иван* очень часто используют для обозначения русского человека. Эта особенность подмечена героем «Очарованного странника» Флягиным у «татар» – казахов: «У них все если взрослый русский человек – так *Иван*, а женщина – *Наташа*, а мальчишек они *Кольками* кличут». Причем порой антропонимические особенности подчас ставят в тупик иностранца. Анекдотический пример тому – удивление немца при знакомстве с русским Иваном Ивановичем Ивановым: «Я снай: *Иван* – мощна, *Иваниш* – возмощна, а *Иваноф* – не дольшна» (Там же).

В.В.Леденева в текстах Н.С.Лескова в качестве лексических единиц, являющихся «знаками-прагмемами, у многих из которых ясно высвечивается этнокультурный компонент в семантическом содержании», приводит и оним: «Да старуха-то эта... ваша Камчатка... Ведь она жимолостная...» – «Какая Камчатка» – «Так ты у нее спроси, что это она сама Камчатка или за ее других посылают в Камчатку [Лесков 1958:452]. *Камчатка* – «неприятная женщина» – «окказионализм-семантема, основанный на негативной ассоциации с названием географического объекта, связанного для русских с местом ссылки, преступления» (Леденева 2000, с.175).

А.Б.Пеньковский считает, что Н.С.Лесков продолжает и традицию использования имен собственных для обозначения абстрактных понятий, действий или предметов: «нельзя всем построить собственные домики и безмятежно жить в них, пока двужильный *Захват Иванович* сидит на большой коробке да похваливается, а свободная человеческая душа ему молится» (II, 170). Здесь именем *Захват Иванович* определяется конкретный класс российского общества – чиновники.

Этот же прием именованья встречается в творчестве многих русских классиков. Например, у Н.В.Гоголя «профессиональный шулер Ихарев любовно называет свою колоду крапленых карт *Аделаидой Ивановной*: «Вот она заповедная колодишка – просто перл! За то ж ей и имя дано: да, *Аделаида Ивановна*. Послужи-ка ты мне, душенька, так как послужила сестрица твоя, выиграй мне так же восемьдесят тысяч, так я тебе, приехавши в деревню, мраморный памятник поставлю» (Н.В.Гоголь. Игроки. Ч.II, 1836–1842); у Н.А.Некрасова – «...Он снял саблю и сказав, «Подождите здесь, *Софья Ивановна!*», поставил ее в угол» (Н.А.Некрасов. Очерки литературной жизни, 1845)» (Пеньковский 2004, с.320).

Одним из быстро развивающихся направлений последнего десятилетия стало изучение «евангельского текста» в литературе. Евангельский текст в художественной структуре произведения и религиозные проблемы подлежат осмыслению в работах российских и зарубежных ученых. И ономастика здесь дает ценнейшие наблюдения и способствует более полному прочтению творческого наследия Н.С.Лескова.

Небезынтересными в этом плане являются работы Ю.В.Барковской (2002, 2004), П.Н.Долженкова (2002), В.С.Пушкаревой (2000), О.М.Хмелевой (2004), посвященные анализу онимов Н.С.Лескова в свете религиозных представлений.

В.С.Пушкарева рассматривает христианскую символику имени главного героя повести «Очарованный странник». О.М.Хмелева в своей работе «Библейские имена в концептуальном пространстве «Соборян»

Н.С. Лескова» полагает, что обращение писателя к конкретным библейским именам «позволяет поднять взаимоотношения персонажей хроники до уровня макрокосмических отношений и раздвинуть пространство текста до пространства Универсального Бытия» (Хмелева 2004, с.245). Кроме того, добавляет автор работы, «каждый оним представляет собой развернутую концептуальную метафору и значительно расширяет семантику языковой единицы» (Там же). А Ю.В.Барковская считает, что библейские имена выявляют «вертикальные связи лесковских текстов» (Барковская 2005, с.18).

Важность и перспективность исследования онимов в произведениях Н.С.Лескова подтверждают результаты диссертационной работы Ю.В.Барковской «Мифологические и христианские имена собственные в поздних текстах Н.С.Лескова» (2005). Данная работа посвящена вопросу о составе и роли ономастикона как части идиолексикона в раскрытии особенностей языковой личности автора, культурно-исторических познаний, религиозного кредо, шире – мировоззрения писателя.

Отметим цикл работ В.Н.Наседкиной (2002, 2006, 2007), затрагивающий роль имени собственного в повести Н.С.Лескова «Очарованный странник». В.Н.Наседкина, подробно анализируя каждый компонент антропонима главного героя *Ивана Северьяновича Флягина*, выявляет высокую степень ассоциативности каждого из них и антропонима в целом (Наседкина 2007, с.79–98). А, рассматривая идею утверждения мира на Кавказе «насилием и всегубительством», автор статьи отмечает, что одним из ее носителей являлся солдат по имени *Петр Сердюков*: «имя собственное *Сердюков* представляет собой русифицированную украинскую фамилию *Сердюк*, в свою очередь, восходящую к имени нарицательному *сердюк*, которое в украинском языке имело значение «телохранитель гетмана». В этой фамилии содержится намёк на то, что её носитель служит своему царю, отстаивает на Кавказе с оружием в руках захватнические интересы Российской империи» (Наседкина 2006, с.301, 304).

В свете того, что в настоящее время почти все исследования направлены в основном на антропонимикон текста, актуальным является анализ В.Н.Наседкиной названия иконы «*Благое молчание*» как лингвистического средства выражения авторского подтекста в повести Н.С.Лескова «Очарованный странник». По мнению В.Н.Наседкиной, этот оним наряду с другими средствами формирует центральную идею спасения русского человека: «Спасение для России, по Лескову, кроется, прежде всего, в бережном отношении к историческому прошлому её народа, в ориентации «на изначально обретенные и органически

усвоенные идеалы, характеризующие русскую культуру», в её святынях» (Наседкина 2006, с.302).

Подробному описанию функций этого разряда онимов посвящена работа «Наименования икон в произведениях Н.С.Лескова» Л.Ю.Еловской (Еловская 2001).

Важность обращения к ономастической системе писателя в интерпретации текста подтверждают работы, связанные с историко-лингвистическим комментированием «странных слов» – «загадок», которые Н.С.Лесков, «играя со словом, оставил потомкам, над разрешением которых быются до сих пор» (Ковалева 2000, с.99). Так, Е.В.Ковалева в своем исследовании «Ложное комментирование художественного текста (на материале произведений Н.С.Лескова)», разъясняя значение слова *драбант* ‘всякий человек высокого и крепкого телосложения’, увязав его с прозвищем героя – *Петр Пустынник*, корректирует существующее толкование этого слова комментатором романа «Некуда» Н.И.Тотубалиным (Ковалева 2000, с.101–103).

Несмотря на относительно недавно появившийся интерес к онимии Н.С.Лескова, особо отметим работу Ю.Н.Ковалевой «Онимы как средство формирования концепта «путь» в повести Н.С.Лескова «Запечатленный ангел», затронувшую одну из актуальных на современном этапе и малоизученных проблем ономастики – хронотопичность онимов в художественном тексте. В центре внимания Ю.Н.Ковалевой – сакральные онимы, формирующие время и пространство до вечности и бесконечности – сакральный хронотоп: вечности («по сторонам бога Саваофа семь крылатых архистратигов»), Ветхого Завета («Моисей со скрижалю»), Евангелия («избиение младенцев»). Автор статьи приходит к выводу, что «любой сакральный оним хронотопичен, т.к. восходит к Священной истории, которая отражает процесс реализации воли Провидения, ведущего людей к объединению и, в конечном счете, к спасению, что и составляет содержание концепта «путь» в повести Н.С.Лескова. Не случайно герой-рассказчик говорит о себе и своих товарищах: «Путь свой... мы проходили... точно иудеи в своих странствиях пустынных с Моисеем» (Ковалева 2002, с.72).

Прозвищные наименования персонажей Н.С.Лескова рассматриваются в работах Д.С.Лихачева (1987), В.Гёбель (1945), Т.В.Евсеев (2002), Н.В.Мудровой (2002), А.В.Кузьмина (2004).

При создании этих онимов писатель использует разные способы. Н.В.Мудрова связывает аллюзивный характер прозвища Катерины Львовны Измайловой *леди Макбет* с трагедией В.Шекспира «Макбет», действующее лицо которой – жена шотландского короля – столь же

страстна и преступна, как и героиня повести Н.С.Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (Мудрова 2002, с.61).

Прозвище у Н.С.Лескова, по мнению Т.В.Евсеевко, «может быть напрямую связано с характером героя. Например, прозвище *Дукач* в повести «Некрещенный поп» носит человек за свой сварливый и тяжелый характер» (Евсеевко 2002, с.21), а в романе «Некуда» прозвище героя *Корнишон* говорит о беспечности и юности его носителя в связи с ассоциацией: корнишон – мелкий незрелый огурец, а второе его прозвище *Сердечкин* – о влюбчивости (Там же).

Отметим статью исследовательницы Н.М.Синяевой, посвященную роли топонима Петербург в контексте повести «Дама и фефела» (2002), а также другие работы о топонимах в текстах Н.С.Лескова – А.Федосова (2005), Н.Шахова (1990).

Одной из проблем ономастики Н.С.Лескова являются переводы онимов в его произведениях за рубежом. Поэтому актуальным является обращение Н.В.Мудровой к особенностям онимов в повести Н.С.Лескова «Левша» в переводах на английский язык (Мудрова 2002).

Ярким доказательством возросшего интереса к ономастической системе писателя является и немалое количество работ по онимам Н.С.Лескова – более сорока, в недавно вышедшем библиографическом указателе Г.Ф.Ковалева «Библиография ономастики русской литературы» (2006_а). Но все же, несмотря на это, А.А.Фомин в статье «Литературная ономастика в России: итоги и перспективы», сопоставив работы по авторам одного хронологического периода, пришел к выводу, что проза Н.С.Лескова в ономастическом плане изучена гораздо хуже, чем проза Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, М.Горького. И заполнение этой лакуны, по его мнению, – дело будущего (Фомин 2004, с.116).

Обзорные работы Вильяма Эджертон «Лесков в Англии и Америке» (2000), Данило Кавайона «Творчество Лескова в Италии» (2000), Инесс Мюллер де Морог «Лесков во Франции и в романской Швейцарии» (2000) свидетельствуют о большом внимании не только переводчиков, но и филологов. Однако все работы, посвященные творчеству Н.С.Лескова, как правило, литературоведческого характера и, порой, не лишены лингвистических казусов. Так, рецензент лондонского «Книжника» С.И.Лоуренс холодно отозвался о «Соборных», назвав их «запутанной историей, да еще со множеством действующих лиц, эксцентричных, какими являются, как кажется, в большинстве рядовые русские люди». Этот критик, не знавший, что русские, кроме имени, пользуются в обращении и отчеством, еще жалуется на «со-

вершенно сбивающую с толку русскую манеру называть человека то по фамилии, то по имени» (Цит. по: Эджертон 2000, с.491). Биатрикс Люсия Эджертон Толмаш, как замечает американский исследователь Вильям Эджертон, в книге «Эскизы русской жизни, главным образом крестьянской» (*Russian Sketches, Chiefly of pleasant Life*), в которую вошел перевод «Запечатленного ангела» «фамилию писателя транслирует почему-то «Лисков» (Эджертон 2000, с.487).

Имен собственных в текстах различного жанра Н.С.Лескова касаются многие исследователи относительно языка и стиля, идейно-тематического единства произведений. В основном эти работы направлены на антропонимикон текста. Онимы других разрядов привлекают внимание ученых редко. Видимо, это связано с тем, что в XIX и даже в XX столетии признание Н.С.Лескова произошло не сразу. Однако выделившийся в последнее десятилетие круг работ, специально посвященный ономастической системе этого писателя, обозначил перспективность и важность ее дальнейшего комплексного изучения.

ГЛАВА II Н.С.ЛЕСКОВ И ИМЯ

«Имя человеческое не пустой совсем звук: певец «Одиссеи» недаром сказал, что «в минуту рождения каждый имя свое себе в сладостный дар получает».

Н.С.Лесков

В русской литературе имя Н.С.Лескова пользуется заслуженным признанием. Яркие сюжеты, богатая фантазия и, конечно же, оригинальный язык – главные черты таланта писателя, произведения которого вошли в сокровищницу русской национальной культуры. Как соратники этого мастера пера, так и его критики признавали его «особость», непохожесть, которую в первую очередь связывали с его необычной стилистической манерой. Л.Толстой в беседе с М.Горьким выразился очень характерно по этому поводу: «Язык он знал чудесно, до фокусов» (Горький 1951, с.288).

Данная стилистическая манера Н.С.Лескова сформировалась не только благодаря его наблюдениям над живой русской речью, но и, конечно же, интересу к книге как источнику знаний. Л.Н.Афонин, сделавший обзор личной библиотеки Н.С.Лескова, пришел к выводу, что этот писатель, «пожалуй, как никто другой из русских литераторов – его современников – был не только страстным библиофилом, но и авторитетным знатоком, исследователем книги, особенно старопечатных и редких изданий, а также бесцензурной, «потаенной» литературы» (Афонин 1977, с.131). По оценке И.А.Шляпкина, после Н.С.Лескова «осталась библиотека, заключавшая в себе до трех тысяч томов» (Шляпкин 1895, с.211). Поэтому любопытно посмотреть, как Н.С.Лесков, отличающийся своей небывалой широтой кругозора, воспринимал имена в жизни и в пространстве художественного текста.

Как многих великих писателей, Н.С.Лескова интересовала история происхождения своего рода. Андрей Лесков отмечал, что отец, «по натуре «тайнодум», не вел дневников, не делал келейных записей. Это ему не было по духу. Десятки лет писатель не останавливался на мысли о необходимости дать личное жизнеописание, разбрасывая в своих произведениях много автобиографичного, но почти с творческой вольностью. С годами, в заботе о предотвращении грубых погрешностей в будущих своих биографиях, он стал давать скупые и малоговорящие

схемки своей жизни, проходившие в печать или остававшиеся у кого-нибудь на руках» (Лесков 1954, с.7).

Биографы Н.С.Лескова выделяют три наиболее содержательные и интересные заметки из ряда аналогичных заметок, написанных писателем в 80–90-е годы XIX века.

В «Автобиографической заметке» 1885 года писатель отмечает: «По происхождению я принадлежу к потомственному дворянству Орловской губернии, но дворянство наше молодое и незначительное, приобретено моим отцом по чину коллежского асессора. Род наш собственно происходит из духовенства, и тут за ним есть своего рода почетная линия. Мой дед священник Димитрий Лесков и его отец, дед и прадед, были священниками в селе Лесках, которое находится в Кара-чаевском или Трубчевском уезде Орловской губернии» (XI, 7). Здесь же писатель и указывает на этимологию своей фамилии: «От этого села *«Лески»* и вышла наша родовая фамилия – Лесковы» (Там же).

Близок к этой «заметке» и черновой, собственноручный набросок Н.С.Лескова, подаренный им П.В. Быкову в 1889 – 1890 годах: «Из дворян Орловской губернии. Отец Семен Дмитриевич Лесков. Мать Марья Петровна из рода Алферьевых. Родился 4 февр. 1831 г. в селе Горохове, принадлежавшем дяде Н. С–ча Лескова – Михаилу Андреевичу, имевшему в свое время очень видное положение среди орловского дворянства» (XI, 16). Известны и краткие заметки, данные писателем в письмах к А.Н.Толиверовой-Пешковой, П.И.Вейнбергу и т.д.

Н.С.Лесков указывал на свое дворянское происхождение во всех официальных документах, но в статьях и очерках зло вышучивал чье бы то ни было стремление к повышению своей родовитости, напряженно проявлявшееся в его родных, Лесковых и Алферьевых. Позднее сам он начинает говорить о своем дворянстве как о «молодом», «колокольном», «незначительном», и с явным удовольствием пишет М.О.Меньшикову в письме от 10 июня 1893 года: «У нас с вами, оказывается, одинаковое происхождение по линии плотского родства (попы и дворянская захудаль)» (Цит. по: Лесков 1954, с.17).

Андрей Лесков, сын писателя, упоминает о сохранившейся семейной реликвии отца – железной печатке, с вырезанными на ней крестом, якорем, саблей, латинским «N» и русским «Л» по сторонам дворянской короны. С этой печаткой связан один случай, о котором он вспоминает: «Должно быть, в 1890 году пришел я как-то, рано утром, в воскресенье, к отцу. Чтобы потолковать без посторонних. «А вот, кстати, – сказал он, протягивая мне в ходе беседы блокнотный, исписанный его рукою, листок. – Прочти». На нем стояло:

«Лесковы. (1626)

Предок сего рода, Семен Семенов Лесков, по писцовым книгам 7134 / 1626 года владел недвижимым имением в Белозерском уезде Новгородской губернии, называемом Христова Гора. Потомки его служили российскому престолу в военной службе и состояли в разных чинах. (Герб. XII, 61).

Двор[янские] роды, внес[енные] в общ[ий] Герб[овник] Всероссийской Империи]

Составил гр[аф] Александр Бобринский, ч. II, стр. 129»

«Видишь, – продолжал он, когда я пробежал строки, – Семен Семенов! Совпадение? Может, и нет! Случилось, что старые роды, захудея, теряли вотчины, беднели, шли в духовенство, а то сползали и до однодворческого крестьянства. Ну, да это так, шутки ради я тебе выписал на память. Наш род, как у худородного греческого полководца Ификрата, – с меня начнется, да, вероятно, на мне и кончится» (Лесков 1954, с.18).

Особое любопытство к своей истории, своим корням и, конечно, к семейным тайнам демонстрирует и воспоминание писателя о драматической истории имени своей бабушки по материнской линии – *Акилины Колобовой*.

Бабушка писателя родилась в 1790 году в Москве в зажиточной купеческой семье Колобовых. Родители хотели назвать её *Александрой*, но священник окрестил младенца *Акилиной*, потому что день рождения девочки пришелся по святцам на день св. Акулины. Отец «слышать не мог неблагозвучного имени новорожденной, видя в нем поругание своей купеческой именитости и избыточности. Бросился к архиерею – тщетно! Тогда он строго-настрого приказал всем в доме облагороженно называть девочку *Александрой*, раз навсегда забыв оскорблявшую его *«Акулину»*. Тайна эта соблюдалась всеми, и особенно ревниво хранила ее сама не любившая своего крестного имени бабушка». Подлинное ее имя открылось лишь на панихиде» (Лесков 1954, с.43).

Действительно, имя *Акулина* воспринималось как простонародное и не могло быть «безболезненно» воспринято в купеческой семье. Эту семейную драму писатель затронул в своей повести «Несмертельный Голован», в которой рассказал об этой истории, не изменяя ни имён, ни фамилий.

Вообще в первое десятилетие своего писательства Н.С.Лесков неоднократно упоминал в автобиографических заметках, повестях и письмах о дворянстве своего рода.

Мать писателя, Марья Петровна, принадлежала к роду Алферьевых, итальянского происхождения. Но позже сам Н.С.Лесков развен-

чивает миф по поводу этого иностранного происхождения: «Моя матушка происходила из <...> рода Алферьевых, и мы с детства привыкли знать, что «Алферьевы итальянского происхождения». О дяде моем, недавно скончавшемся профессоре Киевского университета С.П.Алферьеве, который был смолodu недурен собой, так и говорили, что в нем «видна тонкая итальянская порода (Он имел мелкие черты ярославского типа). И везде, где я ни встречал Алферьевых благородного звания, все они охотно сказывались «от Альфиери, хотя все они между собой не родня и пришли от небытия на свете в различных местах общероссийского рассеяния» (XI, 118).

Писателя волновал вопрос – «Как так повсеместно размножился в России италианец Альфиери, словно еврейский Коген, что и не счесть его потомков?». Ответ на этот вопрос Лескову подсказала надпись, которую он увидел на оконной ставне в уездном городке Пензенской губернии – «портново-Алферьев». Последовавший затем разговор писателя с хозяином этой вывески – портным Алферьевым – привел к тому, что Лесков узнал, что фамилию портному дал поп, окрестив его отца Алфёром: «Стал поп крестить и нарек *Алфёр*. Как отец с дядей разделились, наш двор и стали «Алферьев двор» звать» (XI, 120). Но Н.С.Лесков не остановился на этом и узнал, что в «полном месяцеслове» *Алфёра* нет, но зато есть *Елиферий* – «византиец, усекнутый мечом при Максимине, очевидно, и есть для нас *Алфёр!*» (Там же). Итак, писатель открывает секрет «итальянского» происхождения рода Алферьевых.

Не был равнодушен Н.С.Лесков и к своему будущему поколению. Своего первенца он нарекает *Дмитрием* в честь мудрого и уважаемого за твердость деда, по его совету и указанию «в нисходящем потомстве появилось даже такое богатое исторически-русским звучанием имя, как *Ярослав!*» (Лесков 1954, с.222).

Волновали Н.С.Лескова не только имена его родословной. В 80-е годы XIX века он с сожалением пишет в своей статье «Жития, как литературный источник», вышедшей в «Новом времени» за 1882 год, «об исчезновении таких приятных и звучных чисто русских имен, как *Пересвет, Ростислав, Боголеп, Олег, Разумник, Мстислав*» (Лесков 1882). Вообще ценности, красоте и непременно национальности имен писатель не раз уделял внимание в печати, в частности, в таких статьях, как «О русских именах» (Новости и биржевая газета, 1883, №245), «Календарь графа Толстого» (Русское богатство, 1887, №2).

В 1883 году в статье «О русских именах» он поднимает вопрос о том, «как выйти из тесного круга однозвучных и чуждых по происхождению *крестных имен. Вани, Маши, Пети, Феди, Кости, Сережи,*

Коли и *Саши* до такой степени часто повторяются в нашем именословии, что они даже как бы перестают быть именами собственными, а сделались нарицательными» (Лесков 1883, с.2). А при наречении Н.С.Лесков призывает людей использовать славянские имена, «которые оживили бы наше именословие прекрасными родными звуками», при этом большой помощью для родителей будет знакомство с «Крестным календарем» (Там же).

В другой своей статье «Календарь графа Толстого», появившейся в 1887 году в журнале «Русское богатство», писатель резко указывает на неполноту раздела об именах в «Календаре с пословицами» Л.Н.Толстого, вышедшего в том же году: «Отдел этот не представляет ничего оригинального, хотя, впрочем, число имен довольно полно, но, однако, без того пополнения, какое бы небесполезно было в русском народном календаре. Много труднопроизносимых имен греческого и римского происхождения и нет приятных слуху и понятных по значению старорусских имен славянского происхождения <...> Граф Л.Н.Толстой это упустил, или пренебрег этим, кажется, напрасно» (Лесков 1887, с.195, 196).

Очень внимателен Н.С.Лесков и к именам в работах его коллег. Так, рецензируя работу Николая Барсукова, посвященную канонизированным святым, он делает очень верную поправку: «Одно из имен святых вписано с неправильностью в начертании, – это на 401 столбце «Николай Святоша кн. Черниговский». Он *не* Николай, а *Никола*» (Лесков 1882).

Неблагозвучие же имен вызывало в Н.С.Лескове подчас курьёзные взрывы негодования. Как вспоминал его сын, «однажды А.Н.Толиверова-Пешкова, приглашая писателя на вечеринку, вздумала соблазнять тем, что у нее будет какой-то *Феодосий Аполлосович*. Н.С.Лесков, отвечая на письмо, возмущенно завершал его: «*Феодосий Аполлосович!*... Ведь это же ужасно!» (Цит. по: Лесков 1954, с.222).

Интересовал писателя и вопрос происхождения имен и фамилий. В 1886 году Н.С.Лесков стремительно откликается на вышедшую работу Е.Карновича «Родовые прозвания и титулы в России и слияние русских с иноземцами» (СПб., 1886) очерком «Геральдический туман (Заметки о родовых прозвищах)» 1886 г.. Свою работу он направляет против кичливости происхождения некоторых дворян «от древних родов» и против «выскочек», отличавшихся большим желанием «сочинять себе небывалые роды». Опровергая неосновательные стремления некоторых представителей русской знати производить свои фамилии от иностранцев и основываясь на конкретных примерах из жизни и месяцеслова, он доказывает «русское народное происхождение»

таких фамилий, как *Толстые*, *Потемкины*, *Алферьевы*. По мнению Н.С.Лескова, «Толстых очень много, и они не только все графы, но даже и не все дворяне. Есть Толстые торговцы и ремесленники <...> Толстые, вероятно, пошли из тех мест Орловской или Тульской губернии, где люди в разговоре *окают*, а не акают. Где окают, там и ударение переносят на *о*, и потому говорят: «он такой чистой да такой толстой». Где же много ребят или много девок с одинаковыми именами (например, Ваньки, Таньки), – там сами товарищи или подруги избегают кликать друг друга по крестному имени, потому что много *Ванек* да *Танек*, и «не разобрать, которых надобно». Вот, «чтобы лучше разобрать», ребята же сами и дают сверстникам прозвища: «*рябая*», «*круглая*», а парень – «*тощей*», «*толстой*». Прозванный так по своей внешности парень или девка вырастают, а кличка остается с ними и не только сопутствует на всю жизнь тому, кто ее получил, но и становится родовою фамилиею идущего от него «нового отводка» <...> И вот являются *Толстые*, *Рябые* и т.д. От этих же отводков идут и такие фамилии, как *Мертваго*, *Живаго*, *Веселаго* и т.п. Все это после иногда выдается за *нерусское* происхождение, но если добросовестно поискать, то откроется кое-что и русское... Есть даже фамилии или прозвища, по-видимому, совсем не русского, а чужеземного корня, но как поищешь да посравнишь, то и в этих случаях многое переходит на русскую долю» (XI, 116). Так же Н.С.Лесков разъясняет и этимологию таких фамилий как *Пранц*, *Шелудяковы*, *Паришины*, *Коростовцевы*.

Подмечает он и то, какой «способ прозвания» является «законным» и «степенным» «для народного вкуса»: «Во вкусе же народном, – если кто хочет это проверить, – самыми лучшими прозвищами почитаются прозвища «по *страны*» (то есть по *стране*), а «не от имени человека». Самое лучшее прозвище у нас идёт от края, от города, даже от села, вообще от местности: князь «*черниговский*», «*одоевский*», воевода «*севский*», «*гадячский*», «*ломовецкий*» барин, «*воронецкий*» поп, «*рятяжевский*» староста. Все от «*страны*». Старому почетному «седу» на месте названия того места *придается*, и это есть почет. От «ломовецкого барина» идут и дети его, тоже «*ломовецкие* господа» (XI, 129). Останавливается писатель и на народных прозвищах, крестных именах и также анекдотах, связанных с ними.

Проблеме потери важности имен в общении между людьми посвящена другая статья Н.С.Лескова «Пресыщение знатностью» 1888 г. В этой статье писатель отмечает, что в живой русской речи «манера заменять собственное «крестное» имя человека титулом, который даст известный чин, имеет нечто неприятное, и многие давно говорили об этом как о вредном обычае, который пора бы оставить, не для одних

купцов, а для всех вообще, – по крайней мере вне *службы*» (XI, 172). Он считает, что «дороги не адресации, а наша русская разговорная речь, – дорого наше общежитие и наш прекрасный язык с его характерною теплою обращенности» (Там же, с.181). Писатель призывает людей хранить «вне службы свои имена, какие (по Феокриту) «всяк при рождении себе в сладостный дар получает» (Там же).

Таким образом, затронутые Н.С.Лесковым проблемы и разнообразный ономастический материал, представленный им в публицистических работах, позволяют судить о его остром интересе к «жизни» имени в речи и к особенностям русской антропониимии в целом.

Интересовали Н.С.Лескова и псевдонимы. Но, к сожалению, писатель не всегда сопровождал их рядом необходимых «указаний», как сделал это, например, в письме к В.А.Гольцеву 10 мая 1891 года, расшифровывая закодированные антропониимы персонажей очерка «Нашествие варваров»: «Здесь описана правда, смешанная с вымыслом и затушенная, чтобы иметь право быть печатаемою. Указываю для Вас некоторые имена: «*Цибелла*» – Новикова, «*княгиня*» – Радзивилл, «*баронесса*» – Иксуль, «*Корабант*» – Комаров, «*Редея*» – сами знаете кто. События верны действительности» (XI, 487).

Н.С.Лесков был крайне строг к собственному писательскому труду. Лишь после длительной работы, когда рукопись писалась «вдоль», а потом и «поперек», он мог считать свое произведение законченным. Сохранились многочисленные свидетельства его обостренной требовательности к своей работе над художественными текстами. Так, в переписке с С.Н.Шубинским присутствует следующее заявление писателя: «Этот язык <о рассказе «Скоморох»>, как язык «Стальной блохи», дается не легко, а очень трудно, и одна любовь к делу может побудить человека взяться за такую мозаичскую работу» (XI, 348).

Взыскательно Н.С.Лесков относился и к выбору заглавия романа, статьи, заметки. «Я люблю заглавие, – писал он Ф.А.Терновскому 12 ноября 1882 года, – чтобы оно было *живо* и в самом себе рекомендовало содержание живой повести» (XI, 266). Он обстоятельно подходит к этой проблеме и иногда даже помогает своим коллегам, которые «часто толкаются за заглавиями и, смеясь, «просят наречь имя младенцу» (Там же).

Как отзывается писатель 12 июля 1890 года в письме А.Н.Толиверовой-Пешковой на ее просьбу дать «кличку сборнику», самое главное, по его мнению, то, что «кличка всегда должна быть по «шерсти». Отсюда и поговорка: «По шерсти кличка». Так, например: «*Величка*» – по *шерсти кличка*». Так же собак кличут: «*Рябка*», «*Сер-*

ка», курицу «*Желтушка*», «*Пеструшка*», коня «*Гнедко*», корову «*Буренка*» (Цит. по: Чуднова 1981, с.211).

А в письме к А.С.Суворину от 26 марта 1888 года Н.С.Лесков объясняет, почему валаамского игумена *Дамаскина* прозвали «*валаамским полицмейстером*»: «Валаамский игумен *Дамаскин* (это имя, а не прозвание) – в монашеском мире зван был «*Валаамский полицмейстер*», и эта кличка ему была дана по шерсти. Он был шукарь по вызнанию секретов, дипломат по сношениям, очень разумный эконо́м, – знал, где взять и где дать» (XI, 373).

Неоспоримым доказательством тщательной работы над заглавиями являются и материалы записных книжек писателя. Во второй записной книжке Н.С.Лескова «*Идиомы*», которая была им начата в 1894 году, заглавия вынесены отдельной рубрикой, так и названной «*Заглавия*» (Карская 1997, с.583). Здесь расположены столбиком названия произведений как используемые ранее, например, «*Заячий ремиз*», так и связанные с неосуществленными замыслами: «*Мельмот-скиталец*», «*Валявка и Малявка*», «*Два мельмота*», «*Madame Gogot*», «*Кактус*», «*Траурные кокетки*», «*Путь в Дамаск*», «*Шиши*» и другие.

Интересны и встречающиеся на страницах записных книжек записи, в составе которых также содержатся онимы, нередко истолковываемые Н.С.Лесковым с позиций народной этимологии. Часто эти записи отражают реалии социально-общественной жизни, о которых, так или иначе, слышал писатель: «*Фефёлова башня*» – постройка Эйфелевой башни; «*Смарканские носовые платки* – самаркандские»; с политическими событиями – «*Мартальезу пели* – марсельезу»; «*В Пашковом согласии гусиный жир в лампад пушают*» – Василий Александрович Пашков, последователь редстокистов, деятельностью которых интересовался Лесков; «*Себезмунд Иваныч* (Сигизмунд). Есть и выдержки, связанные с церковным бытом: «*трактирская Божья мать (Ахтырская)*», «*все двенадцать куплетов Символа веры*», «*течение главы Иоанна причетника* (отсечение главы Иоанна Предтечи)», «*в ковчеге был цветущий жезл Аваронов, чашка с манной кашей и скрыжи*» и др. (Карская 1997, с.583–591). Эти «переделанные» имена говорят об интересе Н.С.Лескова к народной этимологии.

Интересен и фрагмент, вошедший затем в текст повести «*Заячий ремиз*»: «*Овечкин* просил архиерея переменить фамилию. Архиерей ему велел «*прибавить веку*» и вышло: *Вековечкин*» (Карская 1997, с.583–591). Правда, в повести запись имеет такой вид: «А дабы не поминались прежние оно́го люто́сти, то изменена ему самая его фами́лия, а именно́, на место пре́жнего наимено́вания «*Овечкин*» стал он

называться «*Вековечкин*». И так все его грубые деяния сокрылись чрез отмену несоответственного этому волку овечьего прозвища» (IX, 527).

В одной из записных книжек, содержащих материал для египетских рассказов, есть длинный перечень женских и мужских имен: «*Конефора (ж), Ороп, Родопа, Эрина, Фаон, Веана, Агариста (ж), Фонар, Филист, Азема, Аттоса, Арзам, Гигес, Прелестница Дамо, Итта, Ацема, Менас, Торций, Панса, Фотин, Федидида, Несса, Ира, Хормия, Имма, Атэке, Атис (женские), Мармэ (ж), Аменэ (ж), Мефа (ж), Ра (м), Хус (м), Тутмозис (м), Танита, Саита (ж), Нома (м), Незиба (ж), Собиан, Гифас, Сабая, Мерис, Орсин, Аспаста, Апиан, Меровия, Пеан, Помиза, Гериния, Нелей, Поливия, Пазифая, Пеней, Исмена, Пеней, Прохита, Курна, Хатач, Кадем, Балас, Мулика, Изис, Тира, Зама, Цистия, Фифиций*» (Гебель 1945, с.109). Эти имена представляют собой именной фонд, который использовал Н.С.Лесков во время работы над египетскими рассказами.

А в черновиках «Оскорбленной Нэтэты» имеется не только список имен персонажей, но и присутствует их краткая характеристика: *Фифидий* – мот; *Горюний* – нет середины ни в чем; *Фавония* – госпожа, у которой много рабов; *Рупилий* и *Персий* – богаты; *Фуск* – объедало, жрец *Пафалсон*, египетский жрец *Хрем*, старый веселый *Фундоний*, *Кибула* – воин, *Фурий* – певец (Гебель 1945, с.109).

В.Гебель приводит перечень действующих лиц, сохранившийся в черновых материалах к задуманной, но не написанной Н.С.Лесковым пьесе. Приведенные имена в этом списке также сопровождаются выразительной характеристикой: *Мария Никифоровна Шеврон*, отставная балерина в захудалости, 40 лет, веселая женщина с чувством и следами большой красоты; *Философ Гедеонович Кожин*, в своем роде столп и ума палата, 60 лет. полупаралитик; *Ирина*, бойкая горничная в доме Фоминых, знает много, что до нее не касается, любит деньги и любит нравиться; *Мармедон Герасимович Лудин*, скопец, капиталист и фабрикант, 60 лет; мадам *Пудесуа*, француженка, гадалка, лет пожилых, но неопределенных; *Эмилия*, шведка в роли хозяйки у Кожина, 30 лет; *Анюта*, забытое дитя, миловидная девушка, 19 лет и другие (Гебель 1945, с.110). Эти имена, конечно, не позволяют угадать авторский замысел, но все же дают возможность представить характер задуманных героев. А сам принцип работы указывает на то, что писатель тщательно обдумывал фамилии и имена своих будущих персонажей.

Итак, онимы, встречающиеся в черновиках и материалах записных книжек Н.С.Лескова, показывают, какие именно из них привлекли его внимание, как осуществлялся их отбор, как они потом творчески преобразовывались в произведениях.

Сам выбор фамилии для писателя не был случайным: фамилия героя еще до момента осуществления творческого замысла крепко срасталась с задуманным характером, и случалось, что конкретный образ переходил из одного произведения в другое. Так, фамилия героя Адама Львовича Безбедовича встречается у него неоднократно. «Мне хочется писать «Безбедовича», романчик с героем простого разума, и я хотел бы говорить с Вами об этом характере и наметить «художеств[енные] пятна картины», – писал Н.С.Лесков Льву Толстому 26 февраля 1891 года. В романе «Незаметный след» (печатание прервано по требованию цензуры) Безбедовичу принадлежала роль главного героя, в другом неоконченном романе «Соколий перелет» выступает тот же Адам Львович Безбедович, и это же имя мимоходом встречаем в рукописях романа «Чортовы куклы» (Гебель 1945, с.111).

В процессе работы над художественным текстом Н.С.Лесков, как замечает А.И.Фаресов, стремился, чтобы «герои говорили каждый своим языком, свойственным их положению. Если же эти герои говорят не свойственным их положению языком, то чорт их знает – кто они сами и какое их социальное положение» (Цит. по: Фаресов 1904, с.273–275). И здесь, по мнению писателя, важную роль играет «постановка голоса», которая «заключается в умение овладеть голосом и языком своего героя и не сбиваться с алтьов на басы. В себе я старался развить это умение и достиг, кажется, того, что мои священники говорят по-духовному, нигилисты – по-нигилистически, мужики – по-мужицки, выскочки и скоморохи – с выкрутасами и т.д. От себя самого я говорю языком старинных сказок и церковно-народным в чисто литературной речи. Меня сейчас поэтому и узнаешь в каждой статье, хотя бы я и не подписался под ней. Это меня радует. Говорят, что читать меня весело. Это оттого, что все мы: и мои герои, и сам я имеем свой собственный голос. Он поставлен в каждом из нас правильно или, по крайней мере, старательно» (Там же).

М. Горький объясняет это «умение» писателя тем, что «дед Лескова был священник, бабушка – купчиха, отец – чиновник, мать – дворянка; таким образом, писатель объединил в себе кровь четырех сословий» (Горький 1941, с.85).

Конечно же, имена и фамилии писатель давал своим героям неслучайные, пытаясь заставить как можно сильнее звучать их собственный голос.

В очерке «Печерские антики», который имеет, как известно, документальный характер, Н.С.Лесков воспроизводит диалог между киевским митрополитом *Филаретом Амфитеатровым* и священником *Евфимием Ботвиновским*. Е.Ботвиновский вел вполне светский образ

жизни, необычный для духовного лица: он прекрасно танцевал, любил играть в бильярд, охотиться с гончими. «<...> Филарету наговорили что-то особенное об излишней «светскости» Ботвиновского, митрополит произвел такой суд:

– Ты Батвиневской? – спросил он обвиняемого.

– Ботвиновский, – отвечал о. Евфим.

– Что-о-о?

– Я Ботвиновский.

Владыка сердито стукнул по столу ладонью и крикнул:

– Врешь!.. Батвиневской!

Евфим молчал.

– Что-о-о? – спросил владыка. – Чего молчишь? повинись!

Тот подумал, – в чем ему повиниться? и благопокорно произнес:

– Я Батвиневской.

Митрополит успокоился, с доброго лица его радостно исчезла непривычная тень напускной строгости, и он протянул своим беззвучным баском:

– То-то и есть... Батвиневской!.. И хорошо, что повинился!.. Теперь иди к своему месту» (VII, 212).

Здесь очень наглядно проявляются определенные социолингвистические признаки, – окающее произношение, принятое в духовной среде, в данном случае противопоставляется аканью. Исследователи С.Булич, Н.С.Трубецкой считают оканье признаком «семинарского произношения» (Трубецкой 1960, с.29, 30). Примечательно еще и то, что «ударение на последнем слоге не встречается в русских фамилиях духовного происхождения», что и демонстрирует сам о. Евфим, произнося свою фамилию именно как Ботвиновский (Унбегаун 1972, с.343).

В романе «Некуда» Н.С.Лесков задает вопрос и тут же четко разрешает спор по поводу «правомерности» существования фамилии *Дюмафис* в среде духовенства:

« – <...> Доктор! Может ли быть у секретаря консистории фамилия *Дюмафис*? – спросил Зарницын.

– Это в православной консистории или в католической?

– В православной.

– Отчего же? В православной очень может быть.

– А, что! – поддразнил дьякон.

– Тут нет ничего удивительного.

– Разумеется. Я ведь вот вам сейчас могу рассказать, как у нас происходят фамилии, так вы и поймете, что это может быть. У нас это на шесть категорий подразделяется. Первое, теперь фамилии по празд-

никам: *Рождественский, Благовещенский, Богоявленский*; второе, по высоким свойствам духа: *Любомудров, Остромысленский*; третье, по древним мужам: *Демосфенов, Мильтиадский, Платонов*; четвертое, по латинским качествам: *Сапиентов, Аморов*; пятое, по помещикам: помещик села, положим, *Говоров*, дьячок сына назовёт *Говоровский*; помещик будет *Красин*, ну дьячков сын *Красинский*. Вот наша помещица была Александрова, я, в честь ее, Александровский. А то шестое, уж по владычней милости: *Мольеров, Рассинов, Мильтонов, Боссюэтов*. Так и *Дюмафис*. Ничего тут удивительного нет. Просто по владычней милости фамилия, в честь французскому писателю, да и все тут» (II, 178). Обыгрывает Н.С.Лесков фамилию сына священника и в своей заметке «Особы духовного происхождения и в светском быту иначе почитаются» (VII, 339).

Особое отношение у Н.С.Лесков и к прозвищам. Его, как знаток русской народной живой речи, порой даже поражает их экспрессивность: «У нас все всякому своя кличка приложена и мужикам и бабам и девкам: *Гришка-жулястый, Матюшка-раскаряка, Аленка-брюхастая, Анютка-круглая, Настька-сухопарая* – все так. Иной раз за этими кличками и крещеное имя совсем забудут... И клички же бывают! От иной с души мутит, а иную и сказать срамно: а с привычки-то ничего» (Цит. по: Клишина 2002, с.110). Действительно, по верному замечанию А.И. Фаресова, он верно воспроизводит живую речь народа и общества со всеми ее вульгарностями, неправильностями и прочими отступлениями от академического стиля (Фаресов 1910, с.270).

Н.С.Лесков употреблял имена как подлинные, так и вымышленные. Он писал в «Авторском признании» в 1894 году: «Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплощать их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительное событие» (XI, 359). *Дмитрий Данилов* был племянником Ильи Васильевича, изображенного Лесковым в рассказе «Пугало» (1885), – «старого мельника, дедушки Ильи» (VIII, 6). Этот рассказ, как и «Житие одной бабы», был написан на основе «гостомельских воспоминаний» автора. Сам Лесков сообщал А.С.Суворину в 1887 году, что в основу сюжета положен «истинный кромской случай», а герой *Селиван* – реальное лицо (XI, 357–358).

Н.С.Лесков, придумывая порой замысловатые фамилии для своих персонажей («совсем не вымышлять фамилии невозможно»), иногда исходил из возможности их существования в действительности. В своей заметке «Помяните Гоголя» он писал по этому поводу: «Помяни, господи, раба твоего Гоголя, который верил, что в России

нельзя выдумать такой фамилии, которой бы не было в действительности» (Цит. по: Гебель 1945, с.110). Он пишет, рекомендуя свой роман «Чертовы куклы» В.М.Лаврову, издателю «Русской мысли»: «Написан в виде событий, происходивших неизвестно когда и неизвестно где, – в виде «найденной рукописи». Имена все нерусские и нарочно деланные, вроде кличек» (XI, 431).

Создавая онимы, Н.С. Лесков в полной мере «пользовался» своим талантом к лингвистической игре. Например, онимы *Лимона Ивановна* и *Каквас* в романе «Соборяне» он «высвечивает» посредством контекста: «когда разгорячится, хочет сказать одно слово, а скажет совсем другое, – вступился за Препотенского Ахилла и при этом пояснил, что учитель за эту свою способность даже чуть не потерял хорошее знакомство, потому что хотел один раз сказать даме: «Матрена Ивановна, дайте мне лимончика», да вдруг выговорил: «*Лимона Ивановна*, дайте мне матреничка!» (IV, 197).

Показательным является и случай с кличкой щенка *Каквас*. Дьякон Ахилла сам указывает на «особенность» имени своего щенка: «Хочу, чтоб он <...> таким *особенным именем* назывался, каких и нет» и хочет, «чтобы ни у кого такого не было» (IV, 271), поэтому его не «устраивают» «*Милорды*», «*Барбосы*», «*Шарлотки*», «*Фани*», «*Жужу*» и «*Бижу*», «*Карло*» или «*Катанья*», «*Шпиц*» (IV, 271). И карлик Никола предлагает Ахилле дать щенку такое имя: «Знаю я, сударь, еще одну кличку, да только сказать её вам опасаясь. Звали, мол, у одного барина собаку *Каквас*» (IV, 272). Причем автор тут же вскрывает «комичность» этой клички: «Ахилла Андреич вдруг как вскипят, разгневались и <...> кричат: «Разве тебе, бесстыдник ты этакий старый, можно это на меня сказать? Разве ты не знаешь, что мое имя крещеное и я священнослужитель?» Насилу <...> успокоил и растолковал, что такое *Каквас*» (IV, 272).

Не без внимания Н.С.Лесков относится и к фонетическим особенностям онимов: *Валерьян Николаевич Дарьянов*, *кузина Нина*, *консистерский секретарь Афанасий Иванович*, «*бакалейщика Лялина* сын, способнейший мальчик *Алиоша*» (IV, 72). По этому же принципу подобрано имя *Аксинья*: дворовый мальчик в ответ на то, что его обозвали поросянком, отвечает: «Моя мать-с не *свинья*, а *Аксинья*» (IV,166) – здесь каламбур достигается за счет созвучности слов *свинья* – *Аксинья*.

Одной из характерных черт ономапоэтики Н.С.Лескова является комментирование персонажами своего или чужого имени. В романе «Соборяне» протопоп Туберозов даёт такой «комментарий» к фамилии городничего Мрачновского: «Фамилия происходит от слова мрак. Ты, господи, веши, когда к нам что-нибудь от света приходиться станеть!» (IV,

60). Заметим, что здесь герой сам вскрывает семантику фамилии. Несмотря на небольшой объем этой записи, она содержит не только толкование фамилии капитана, но и апеллатив-актуализатор 'свет', который словно настраивает читателя на то, что ничего хорошего от такого человека ждать нельзя. Или: протопоп воскликнул: «и губастый, и страшный, и в крепости сидел, и на свободу вышел, и фамилия *Термосесов*» (VI, 153). В повести «Смех и горе» герой болезненно реагирует на то, что его называют *Филимоном*: «действительно, – говорю, – пришла когда-то давно одному моему знакомцу блажь назвать меня *Филимоном*, а другие это подхватили, находя, будто имя Филимон мне почему-то идет» (III, 448).

Показывает Н.С.Лесков и резкое недовольство героя по поводу его неправильно написанной фамилии: ««Благочинному Старгородского уезда протопопу *Савелию Туберкулову*. Слово «*Туберкулову*» было слегка перечеркнуто и сверху написано: «*Туберозову*» (IV, 205). «Фамилия моя перековеркана с явным умыслом оскорбить меня...» (IV, 206), – скажет протопоп Савелий. Иногда акцентирует писатель и внимание и на том, что перед нами – имя или прозвище: «кучер *Комарь* <...> давно уже утративший свое крестное имя и от всех называемый *Комарём*» (IV, 87).

Н.С.Лесков играет с антропонимами, предлагая читателю самому догадаться об имени персонажа, причем не называя самого антропонима: «Был у нас на ревизии новый губернатор <...> *человек русский и по обхождению и по фамилии*» (IV, 77).

Случалось, что в процессе работы Н.С.Лесков менял фамилии и имена своих персонажей. Так, в рассказе «Брамадата и Радован», озаглавленном по имени действующих лиц, имя последнего в рукописи было «*Долгоскорбь*», а затем, по-видимому, как несоответствующее характеру жестокого воинственного царя, изменено автором. Изменена Н.С.Лесковым и фамилия героя повести «Заячий ремиз»: в черновой рукописи было «*Оноприй Серегуд из Перегудов*», после авторской правки – «*Оноприй Перегуд из Перегудов*». По мнению В.Гебель, замена фамилии поставлена автором в связь с неоднократным обыгрыванием в рассказе слова «*Перегуды*» – и как названия села, и как фамилия основателя его, «казацкого старшины», полковника *Опанаса Опанасовича Перегуда*, от которого начинают свою родословную многочисленные «*Перегуды*» или «*Перегуденки*» (Гебель 1945, с.112).

В раннем рассказе «Краткая история одного упомешательства» писатель в новой редакции вводит подзаголовок «Отчего люди сходили с ума» и меняет фамилию чиновника *Корзинкина*, помешавшегося на «благонамеренном направлении», на фамилию *Кувырков*.

Фамилии некоторых героев романа «Соборяне» также имели несколько вариантов. Например, секретарь *Измаил Петрович Термосесов* носил имена *Михаил Михайлович* и *Андрей Иванович*; чиновник *Борноволоков* в начальных редакциях носил фамилии *Брызгалов*, *Иноземцев*, *Новокиценов*; учитель *Препотенский* – фамилию *Омнепотенский*. Несомненно, что такой подход Н.С.Лескова к именам в текстах свидетельствует об их большой значимости для реализации художественного замысла.

Необходимо отметить и особое восприятие Н.С.Лесковым библейских имен, так как на формирование его мировоззрения не могло не повлиять его происхождение – дед был священником, отец окончил семинарию. Свободное употребление имен христианских апостолов и святых, легендарных героев библейской мифологии также свидетельствует о знании писателем текстов многих первоисточников, таких как Святы, «Четьи-Минеи», Пролог, «Деяния апостолов» и других.

Выходец из Орловского края, Н.С.Лесков страстно любил свои родные места. География его произведений обширна, но, по замечанию многих исследователей, «ближе ему была родная Орловщина и соседние губернии» (Шахов 1990, с.17). Так, в романе «На ножах» он приводит притчу о разделе земли между богом и чертом: «Он возвел господа на крышу и говорит: «Видишь всю землю, я всю тебе и отдам, опричь оставлю себе одну Орловскую да Курскую губернии». А господь говорит: «а зачем ты мне Курской да Орловской губернии жалеешь?» А черт говорит: «Это моего тятеньки любимые мужички и моей маменьки приданная вотчина, я их отдать не смею» (Шахов, 1990, с. 17).

Н.С.Лесков часто использует топонимы, имеющие непосредственное отношение не только к Черноземью, но и являющиеся фактами его биографии: *Орел*, *Кром*, *Елец*, *Фатеж*, *Севск*, *Москва*, *Петербург*, *Киев*, *Ревель*, *Самарская губерния* и другие. Например, в *Севске* отец Н.С.Лескова окончил духовную семинарию (Лесков 1954, с.20). Так же писатель употребляет и вымышленные топонимы, например, – *Старый Город* – название города, в котором разворачивается действие романа. *Старый Город* – это «условное пространство, способное расширяться до общенациональных масштабов и сжиматься до захолустного городка» (Майорова 1997, с.24).

Таким образом, художественные произведения Н.С.Лескова, материалы его записных книжек, мемуарные заметки, письма и публицистические работы показывают, что он полностью осознавал ценность русского ономастического фонда и мастерски подходил к его использованию в своих работах.

ГЛАВА III ОНОМАСТИКА РОМАНА Н.С.ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ»

1. АНТРОПОНИМЫ ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

До романа Н.С.Лескова «Соборяне» в русской литературе было не так много произведений, главными действующими лицами которых являлись бы духовные лица, немного и таких, которые давали бы картину жизни сословия в его целом. Как заметила М.О.Габель, эпизодические фигуры священников и монахов на втором и третьем плане встречаются в разных произведениях русских писателей первой половины XIX века: «В 1857 году Хвоцинская (Крестовский – псевдоним) попыталась дать повесть из жизни семинаристов, известной ей более по наслышке и изображенной в несколько сентиментальной манере («Баритон»); повесть Хвоцинской, равно как и следовавший за ней несколько лет «Дневник семинариста» Н.С.Никитина были отодвинуты потрясающими образами «Очерков бursы» Помяловского (1862); но и у Помяловского мы более видим истязаемых, чем истязателей, воображение воспитания, а не результатов этого воспитания. Повести Решетникова «Ставленник» (1884) и «Никола Знаменский» (1867), особенно вторая с ее колоритной центральной фигурой полудикого попа, лишь отчасти приоткрыли занавесу над этим еще не тронутым русской литературой уголком быта; еще менее это удалось сделать писательнице Марко Вовчок (Маркович) ее «Записками причетника» (1869–1870) (Габель 1977, с.648).

По словам Н.С.Лескова из письма к Л.Н.Толстому от 4 января 1893 г., он «с ранних лет жизни имел влечение к вопросам веры» (XI, 519), и это предопределило одну из центральных тем его творчества. Описывая жизнь духовенства, он говорил, что ему дана «некоторая способность рисовать духовных, как Островскому купцов», и он хотел послужить своим «даром литературе правдиво» (Там же, с.667).

В романе «Соборяне» три главных героя – Савелий Туберозов, Ахилла Десницын и Захария Бенефактов. Все они священнослужители.

Одним из прообразов главного героя романа Савелия Ефимыча Туберозова или даже непосредственным импульсом к созданию этого персонажа, по замечанию многих исследователей, послужил протопоп Аввакум. Внимание писателя к личности Аввакума можно объяснить тем, что в 60-х годах XIX века фигура Аввакума была достаточно из-

вестной. И поэтому подобные «обращения к Аввакуму находились в связи с общим интересом – старообрядчеству, а также с тем, что в 1861 году появилось впервые напечатанное Н.С.Тихонравовым «Житие» протопопа Аввакума».

Текст «Жития» – подробный пересказ с обширными цитатами – писатель вмонтировал (фрагментами просто вклеил) прямо в рукопись, отредактировав таким образом, что собственно полемические вопросы раскола, даже сам факт споров старообрядцев с никонианами оказались тщательно затушеваны (Майорова 1997, с.39).

Аввакум занимал Н.С.Лескова главным образом как критик «нестроения дел церковных», как «нетерпеливый ратоборец», «неуломный поп». Писателя привлекали те стороны его облика, которые позволяли воспринимать Аввакума в большом историческом времени и давали основания считать его «идеалом народного попа», «сближая с «ратаем веры» любой эпохи, даже со священником середины XIX века, принадлежащим к господствующей церкви (Майорова 1997, с.39). Но в окончательной редакции романа Аввакум изъят – напрямую он вообще ни разу не упоминается в дефинитном тексте «Соборян».

По мнению И.З.Сермана, Н.С.Лесков отказался в окончательном тексте от введения образа Аввакума в хронику, потому что пересмотрел свое отношение к расколу и раскольникам, придя в итоге к противопоставлению Туберозова и Аввакума. И.З.Серман так и говорит, что «Савелий обращен к будущему, тогда как Аввакум, в представлении Н.С.Лескова, смотрел назад» (Серман 1958, с.406). Возможно, это объясняется тем, что писатель не раз менял русло повествования, тасовал центральных персонажей, варьировал стилистические принципы – выработывал свой художественный язык, а также теми трудностями, с которыми он столкнулся при издании романа, – «сжатие» текста при доработке рукописи.

Сам Н.С.Лесков относительно прототипа своего главного персонажа писал в «Автобиографической заметке» следующее: «Из рассказов тетки [Пелагеи Дмитриевны – В.В.] я почерпнул первые идеи для написанного мною романа «Соборяне», где в лице протоирея Савелия Туберозова старался изобразить моего деда [Дмитрия Лескова. – В.В.], который, однако, на самом деле был гораздо проще Савелия, но напоминал его по характеру» (XI, 15). Но, по мнению Андрея Лескова, сына писателя, эти «однако», «на самом деле» и «не более как «напоминал» – подтверждают призрачность большой близости этих двух фигур: «министра юстиции», старгородского протопопа Савелия и сельского, хотя бы и «многоумного», иерея Димитрия» (Лесков 1954, с.14).

Н.С.Лесков так отзывался о своем отце в разговоре с сыном: «Умен был крутопоп Дмитрий, чего и тебе желаю!» (Лесков 1954, с.40). Знаменательно, что данная характеристика деда писателя используется применительно к протопопу Туберозову:

«– Впрочем, начал снова Туганов, – про ваш город сказал, что тут крепко. «Там, говорит, у меня есть два попа: один *умный*, другой – *благочестивый*».

– *Умный*, это отец Савелий, отозвался Захария.

– Почему же вы уверены, что *умный* – это непременно отец Савелий!

– Потому что... они *мудры*, – отвечал, конфузясь, Бенефактов (IV, 183).

Умный здесь выступает в качестве синонима мудрого. Аналогично и в следующем фрагменте: «Спорили о том: *кто всех умнее?* Ритор говорит, что всех умнее был Соломон, а моя попадья утверждает, что я» (IV, 41). Известно, что имя Соломона ассоциируется с *мудростью*: «И дал Бог Соломону *мудрость* и весьма великий *ум*. *Мудрость* Соломона была выше всех сынов Востока всей мудрости Египтян» (Михельсон-2, с.84). Таким образом, упоминание имени Соломона в споре между героями неслучайно – здесь получает свою реализацию характеристика, данная Туберозову.

Туберозов – это умный, а Бенефактов – благочестивый поп. На первый взгляд, кажется необычным, что именно Бенефактов называется «благочестивым», а не Туберозов, если учитывать то, что Н.А.Петровский так толкует имя – *Ефимий* [Ефимыч – отчество Туберозова. – В.В.]: от греч. *Euphētos* – ‘благочестивый, священный’ (Петровский 2000, с.136). *Благочестивый*, по В.И.Далю, о человеке, поистине почитающем Бога, богобоязненном, строго блющем законы, заповеди Господни (Даль-1, с.95). Но в контексте романа [в данном случае. – В.В.] эпитет *благочестивый* имеет отрицательную оценку. *Благочестивый* – наоборот, боящийся отойти от догмы в соответствии со своей нравственной позицией, боящийся нарушить какое-либо правило. Действительно, поп Бенефактов и является таковым. Он боится поступить вопреки установленным правилам: «Где страх, тут и *благочестие*» (Михельсон-1, с.186). Неслучайно наиболее частотными эпитетами в характеристике Бенефактова являются эпитеты *смиранный* и *покорный*. Туберозов же, наоборот, называется «беспокойным», т.е. «не благочестивым». И это неслучайно. Туберозова пугает мысль о том, что он умрет «лежащим камнем» (IV, 204) и потеряет «утешение сказать себе пред смертью, что... силился по крайней мере присягу выполнить и... и возбудить упавший дух собратий!» (IV, 204). Эта же

мысль высказывается в письме писателя к своему сыну: «Дед твой, на которого похожи нравом я и ты во всех основных чертах <...> был на счету людей высокого и светлого ума, пока кипел в житейском котле непрерывных столкновений, а уединясь в деревне – опустил и заглох» (Лесков 1954, с.22). Здесь реализуется основная черта характера Туберозова – активная жизненная позиция и стремление жить в соответствии со своей нравственной позицией, а отсюда, как следствие, – несоответствие установленной догме и непокорность вышестоящим церковным лицам.

Отметим еще один момент касательно отчества героя – *Ефимыч*. С этим именем связана народная примета – *на Евфимия вносят и убирают пчел* (Даль-3, с.546). Пчела, как известно, относится к числу типичных мифологических образов и занимает одно из первостепенных мест в христианской символике: Пчела – божья угодница, так как дает воск на свечи: «*Всех людей питает / И церкви освещает*» (Русское культурное пространство 2004, с.142). Пчелиный мед и жало являются символами благодати и страданий Христа. А сам Улей является символом христианской церкви как целостной общины, все члены которой усердно и в полном согласии трудятся с целью распространить «сладостные» слова Евангелия (Апостолос-Каппадона 2000, с.221).

Оправдано сравнение души героя – представителя духовенства – с ульем: «Найдем средство заглянуть внутрь души <...>, как смотрят в стеклянный улей, где пчела строит свой дивный сот, с воском на освещение лица божия, с медом на усладу человека» (IV, 103). Отчество героя сочетает символику и народно-мифологических, и христианских воззрений.

Не менее интересными являются имя и фамилия протопopa. Фамилия *Туберозов* происходит от названия цветка *тубероза*: «садовый цветок иностранного происхождения» (Унбегаун 1989, с.174), *Pollanthestuberosa* – ‘розовый куст’ (Даль-4, с.440). Это немаловажно в связи со статусом героя – он представитель духовенства, а конкретнее – протоиерей, главное духовное лицо в городе, и на иерархической лестнице он находится выше по отношению к двум другим главным героям – отцу Бенефактову и дьякону Десницину.

Как было рассмотрено выше, *тубероза*, от которой и происходит фамилия, именуется еще и как *розовый куст* – в смысле *куст розы*. Да и сама *роза* звучит в фамилии – Туберозов. *Роза* в христианской мифологии, пожалуй, один из основополагающих символов. Но немаловажно то, что *роза* – это символ Богоматери и что *розовый* – в псалмах – традиционный эпитет Господа» (Касаткина 2004, с.325). Любопытно, что Туберозов стремится «силу иметь во всех борьбах коватьсь,

как металл некий крепкий и ковкий, а не плющиться, как низменная глина» (IV, 36). В этом высказывании обращает на себя внимание определение *крепкий*, которым характеризуется персонаж. *Крепкий* – это именование Христа при молитве Троице – «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас».

Сопоставление слова *розовый* как эпитета Господа и слова *Крепкий* как именования Христа раскрывает аллюзивную связь *Туберозов* с сыном Бога. Важно в этом плане и упоминание птицы, с которой сравнивает себя Туберозов после грозы: «Словно орлу обновилась крылья!» (IV, 229). Существенна и еще одна деталь – это цветовая гамма дома Туберозова: «У отца Савелия домик был очень красивый, выкрашенный *светло-голубою* масляною краской. <...>. Окна обрамлялись <...> *зелеными* ставнями» (IV, 9). Эти цвета полностью вписываются в религиозную цветовую символику, потому что «Святому Духу служат в *зеленом*, Богоматери – в *голубом*» (Касаткина 2004, с.373). И Н.С.Лесков, конечно же, не мог не знать об этом.

Итак, фамилия персонажа напрямую соотносится с семантикой его имени *Савелий*: из др.-евр. *šā'ūl шаул* 'испрошенный у Бога' (Петровский 2000, с.245). Получается, что *Савелий Туберозов* – испрошенный у Бога сын во имя спасения Старгорода и человечества в целом. Туберозов несет христианство в народ. Так, секретарь произносит: «Христианство... оно легко может быть толкуемо, знаете, этак, в опасном смысле. А таким толкователем может быть каждый поп» (IV, 172). Туберозов и оказывается таким попом. Как Христос был послан во спасение людей в трудное для них время, так и Туберозов призван направить людей на спасительный путь и отстоять «духовную самостоятельность» (IV, 202) страны в переломные годы.

Туберозов мыслит «себя преемником исторических героев, таких как Аввакум, Минин, Пожарский. Появление этих имен логично. Польское восстание 1863 года и первые годы после него были эпохой кризисной, часто сопоставлявшейся тогда со *Смутным временем*» (Майорова 1997, с.44). В этом ключе, видимо, следует трактовать известную реплику протопопа: «Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своею старою сказкою» (IV, 152).

Если Туберозов приезжает в трудное время для Старгорода, имея – в широком смысле – целью спасение душ, то его антагонист, секретарь Измаил Петрович Термосесов, является «ловцом душ» (Шкута 2005, с.164). Введенный мотив рыбака или ловца формирует в романе зеркальное отражение библейского мотива рыбной ловли, соотносимого с образом Христа (Там же). При этом антагонизм героев закрепляется и на ономастическом уровне – *Савелий Туберозов*, ис-

прошенный сын, посланник Бога / *Измаил Петрович Термосесов* – посланник дьявола. Дьявольская семантика антропонима секретаря подробно рассмотрена в главе «Антропонимы второстепенных персонажей».

С образом Туберозова в хронику входят проблемы, в частности, социального измерения веры, актуализированные пошатнувшимся авторитетом церкви в пореформенном обществе. Церковное «нестроение» осмысляется как проблема выживания нации – таковым оно представляется самому герою, поэтому он и свою жизнь называет в третьей части хроники «житием», которое перерастает в некую надвременную модель героического поведения, ведущую к спасению. А «мотивы спасения, близкого возрождения России и воцарения вечной правды на русской земле – подспудные, но очень важные для «Соборян», и держатся они, прежде всего, образом Савелия Туберозова» (Майорова 1997, с.25).

Эти настроения Туберозова до некоторой степени правомерно переадресовать и самому Н.С.Лескову. Путь от социалистических надежд (а они, как известно, были не совсем чужды молодому Лескову) к вере в водворение царства Божия на земле – это, возможно, скрытый от нас путь автора «Соборян». Вообще «Соборянами» хилиастические мотивы у писателя не исчерпываются. Они вычитываются и из публицистики писателя 1870-х годов, и из произведений последующих лет, где хилиастическая тема отдана обычно близким автору героям.

Что касается прямого выражения взглядов Н.С.Лескова, то как замечает О.Е.Майорова, здесь чрезвычайно красноречивы два биографических факта: дружба писателя с Владимиром Соловьевым в 1870–80-е годы, когда молодой Соловьев в значительной мере был заражен хилиастическими настроениями, и схватка Н.С.Лескова с Константином Леонтьевым – «необычайно темпераментная реакция писателя на статьи Леонтьева о Толстом и Достоевском как о выразителях «розового христианства», верящих в царство правды на земле» (Майорова 1997, с.45).

Фамилия протопopa Туберозова семинарского происхождения. Возможно, что название цветка *тубероза* Н.С.Лесков мог встретить в *Орловских губернских ведомостях* за 1845 год, так как в это время вышла статья, посвященная «языку цветов», в которой упоминается «*тубероза*» (Горелов 1988, с.14). Поэтому не лишен смысла намек на знание протопopa Туберозова тонкостей цветочного дела: он сам помогает исправнице «мыть цветы» (IV, 154), ведет с ней разговор «о состоянии ее цветов» (IV, 54).

Важным в этой линии рассуждения является замечание учителя Варнавы по поводу Туберозова. Учитель метафорически представляет его как *растение*, которое действительно можно *срезать* или *обрезать*: «Туберозов никогда не любил меня, но теперь он меня за естественные науки просто ненавидит, потому что я его *срезал*». Или: «Я сто раз его *срезывал*, даже еще раз на той неделе еще раз *обрезал*» (IV, 103). В данном контексте имеется в виду *срезать словом*: ‘резко ответить, сильно смутить’, но использование этого глагола (*срезывать* – ‘отрезать сверху’) также уточняет и семантику фамилии героя, если рассматривать ее как производную от названия растения.

Занимательным является и то, что фамилию *Туберозов* Термосесов путает с фамилией *Туберкулов*: «Благочинному Старгородского уезда протопопу Савелию Туберкулову. Слово «*Туберкулову*» было слегка перечеркнуто и сверху написано: «Туберозову» (IV, 205). «Фамилия моя перековеркана с явным умыслом оскорбить меня», – скажет протопоп Савелий (IV, 206). По мнению В.Гуминского, эти слова «приобретают особый смысл, если вспомнить, что как слово «*туберкулы*» (от лат. *tuberculum*), так и слово «*туберозистость*» (от лат. *tuberosus*) являются медицинскими терминами, обозначающими различные виды поражения тканей (их бугристость) при заболевании туберкулезом (Гуминский 1983, с.233). Известно, что эта болезнь характерна как для организмов растительного мира, так и для человека.

Отмеченная связь с цветами формирует ономастический фон главного героя. Так, ученица Туберозова носит фамилию *Серболова*, которая образована от *сербалина* – ‘дикая роза, шиповник’ (Даль-4, с.174): «Приехала навестить его [Ахиллу – В.В.] духовная дочь Туберозова, помещица *Серболова*» (IV, 303). Если учесть то, что *тубероза* (*Polianthes tuberosa*) – ‘розовый куст’ (Даль-4, с.440), то можно отметить связь между двумя персонажами: *протопоп* / *духовный отец* (Туберозов) – *ученица* / *духовная дочь* (Серболова) и отсюда соответствие и на уровне антропонимов: *Туберозов* (*тубероза* – *розовый куст*) – *Серболова* (*сербалина* *дикая роза*). Очевидно, что этот антропоним второстепенного персонажа участвует в реализации семантико-ономастического фона главного героя (Вязовская 2007, с.97).

Еще одно соответствие находит свое воплощение в тексте. Туберозов называет свою жену *лилейной подругой* и *белой розой*: «Она, моя *лилейная* и *левкойная* подруга, моя *роза белая*, непорочная, благоуханная и добрая...» (IV, 39). «Налицо метафорическое «родство» лилии и розы в рамках фикционального мира (муж и жена), но не только метафорическое, если взять во внимание следующий момент: близость амариллисовых, к которым относится тубероза, к лилейным (БСЭ-1,

с.505), т.е. мы имеем соответствие – *тубероза* – *лилия* / *протопоп* – *попадьа*» (Вязовская 2004, с.307). Неслучайно и употребление эпитетов *белый* и *благоуханный*, если обратить также внимание на то, что тубероза имеет *белые, душистые* цветки (БСЭ-26, с.281). Существенным является и то, что *роза* вместе с *лилией* «представляется как лучшее украшение садов и как образ полной жизненной красоты» (Библейская энциклопедия 1990, с.608).

Взаимообусловленность персонажей также «поддерживает» и своеобразная связь лилии с Соломоном, если учесть тот факт, что «наружный вид *лилии* часто служил древним художникам образцом для их художественных произведений и орнаментов, как, например, в *храме Соломоновом*» (Библейская энциклопедия 1990, с.433). А ведь именно протопопица превозносит ум своего мужа над разумом Соломона. Таким образом, на ономастическом уровне происходит своеобразное «совмещение» сфер двух персонажей – Туберозова и его жены.

Но вернемся еще раз к цветам, а точнее – к их цветовой гамме. Туберозов называет свою жену не просто *розой*, он как бы противопоставляет ее себе, если учесть, что *роза* «слышится» в его фамилии Туберозов, конкретизируя ее цвет – *белая*. Так, в ответ на романтическое представление Готфрида Келлера о благотворительной силе любви – стоит только поцеловать белую лилию, и она станет красной – Н.С.Лесков только саркастически улыбался: «Я сам столько к жизни ни присматривался, все больше видал разрушительную силу любви, и встречавшиеся мне розы от любви не расцветали, а совсем гибли и замерзали» (Цит. по: Маслова 2002, с.148). И поэтому для самого писателя переход *белого* в *красный* символизирует гибель первого – так трансформируется эта романтическая символика в его творчестве (Там же).

Жена Туберозова неслучайно названа героем именно *белой розой*, потому что протопоп как человек, всецело принадлежавший Богу – на что указывает рассмотренная выше семантика его фамилии в связи с *розой*, – не может поставить любовь к женщине выше любви к Богу, и поэтому его любовь чистая, а не страстная. Хотя и протопопица изображена идеальной женой, но, скорее всего, в такой чистой, спокойной и отчасти «слишком» идеальной любви можно уловить неустроенность самого Н.С.Лескова в личной жизни.

Фамилия главного героя является «сцепленной» с его отчеством: тубероза, или *Polianthetuberosa* ‘розовый куст’, широко используется в парфюмерии для изготовления духов из-за своего *благодушия* или *благоухания*. Это «свойство» имеет самое непосредственное отношение к отчеству протопопа – *Ефимыч*, из греч. *εὖνιμος* ‘благодушный’ (Древнегреческо-русский словарь 1958, с. 691). Немало-

важной в этом смысле является и помета Н.С.Лескова в его записной книжке: «*благодухание – благоухание*» (Карская 1997, с.590). И, видимо, в романе реализуется значение *благодухный* как 'приятно пахнущий'.

Выявленная «цветочность» действующих персонажей на ономастическом уровне получает свое развитие в последующих произведениях Н.С.Лескова. Так, в его неопубликованном рассказе «Фантазии госпожи Гого» есть героиня, именем которой является название травянистого растения – *Скабиоза*. А у другого героя задуманной, но полностью неосуществленной писателем серии очерков «Живые растения», странное имя – *Помпон*. По мере прочтения очерка выясняется, что он – *карликовая разновидность астр*. И вокруг него – *Душистый горошек, Бронзовый принц, Данеберг, Ноготки, Скабиоза, Ферула, Манго*, «зеленомаяся дыня с яблочным запахом». В *Помпоне*, по мнению Н.Н.Старыгиной, писатель запечатлел тип «болвана», а это, как сказано в «Живых растениях», – «нечто» гораздо более сложное и интересное, чем просто дурак» (Старыгина 1997, с.392).

Поэтому обычным является введение мотива цветов, окружающего главного героя – протопопа Туберозова в «Соборяхнах», учитывающая подмеченную связь между ним и самим автором. Причем позже, в романе «На ножках», главному герою романа – отцу *Евангелу* – также отданы рассуждения о целебных травах (Майорова 1997, с.49).

Использование растительных образов-аллегорий, как замечает Н.Н. Старыгина, не было неожиданным в литературной практике той эпохи. Например, в 1876 году В.М.Гаршин написал легенду-аллегорию «*Attalea princes*», а в 1895 году А.И.Куприн напечатал поэму «Столетник». Традиция аллегорических образов связана, конечно, с именем М.Е.Салтыкова-Щедрина: «Именно на развитии животных метафор <...> строится один из самых поздних щедринских жанров – животная сказка» (Старыгина 1997, с.391).

Таким образом, Н.С.Лесков в своем творчестве не только продолжал традиции своих предшественников и современников, но неоднократно оригинальным образом использовал в своей аллегории «растительные» образы и метафоры.

Относительно отчества героя необходимо добавить, что в Орловской гимназии писатель «поучался у лучшего в свое время известнейшего из законоучителей отца *Ефимия Андреевича* Остромысленского» (Лесков 1954, с.323). Очевидно совпадение имени Остромысленского с отчеством Туберозова и его отчества [Остромысленского – В.В.] с отчеством другого главного персонажа – Ахиллы – *Андреич*. Подобное использование реального антропонима «проявляет» степень

важности героев для самого автора – имя реального лица проявляется в отчестве главного персонажа, а его отчество – уже не в имени, а в отчестве другого главного персонажа, но стоящего ниже в иерархической системе главных героев – протопоп / дьякон.

Итак, если говорить о модели фамилии *Туберозов*, то можно отметить, что она «укладывается» в самую раннюю классификацию русского духовенства, включавшую пять типов фамилий: «по церквам, по цветам, по камням, по скотам и – яко захочет преосвященство» (Никонов 1974, с.168). Определенный подход к выбору этой фамилии подтверждает и статья Н.С.Лескова о «происхождении фамилий русского духовенства, в которой он предлагал систему, состоящую из 6 категорий: от праздников (*Рождественский*), от древних мужей (*Платонов*), от свойств духа (*Любомудров*), и пр.» (Цит. по: Гроссман 1945, с.272).

Действительно, в русской народной ономастике «фамилии от названий цветов очень редки» (Суперанская, Суслова 1981, с.68) и, по замечанию П.М.Бицilli, все они «семинарского происхождения» (Бицilli 1996, с.632). В ономастике, как правило, фамилии духовенства попадают под термин «искусственные фамилии» (Суперанская, Суслова 1981, с.48, 68; Лысова 2001, с.14).

Т.В.Лысова считает, что «определение номинаций духовенства как искусственных позволяет увидеть их сущность, которая заключается в употреблении лексем определенных лексико-семантических полей, а также в использовании типичных антропоформантов, как правило, *-ский, -ов/-ев*» (Лысова 2001, с.15). По мнению Т.В.Лысовой, «фамилии священнослужителей представляют собой особую разновидность фамилий, которые сознательно культивировались, поскольку общество духовных лиц было заинтересовано в функциональном создании именований для выделения своей социальной группы» (Там же).

Очевидно, что в эту классификацию укладываются и фамилии персонажей из других текстов Н.С.Лескова: Розанов («Некуда»), Грацианский («Соборяне»), Долинский («Обойденные»). В.Семенов и А.А.Горелов указывают на элемент автобиографизма у героев, носящих фамилии *Розанов* и *Долинский* (Семенов 1981, с.42, 75; Горелов 1988, с.17). Таким образом, автор использует для создания антропонима главного героя одну из распространенных моделей образования фамилий русского духовенства.

Показательными являются и еще несколько «ярких» совпадений, связанных непосредственно с биографической линией автора романа.

Автобиографическая реальность подключается к реальности художественной в следующем моменте. Село, из которого был переведен

Туберозов, носит название *Благодухово*: «1833 года, в восьмой день февраля, выехал с попадьей из села *Благодухова* в Старгород и прибыл сюда 12-го числа о заутрене» (IV, 30). А.Лесков указывает, что писатель находился на службе у мужа своей тетки А.Я.Шкотта в селе *Райском* Городнищенского уезда Пензенской губернии (Лесков 1954, с.46). Таким образом, можно провести ономастико-топографическую параллель *Благодухово* / *Райское*. Вполне возможна и связь топонима *Благодухово* с реальным названием населенного пункта Орловской губернии – *Богодухово* (Словарь орловских говоров-1, с.31).

Савелий Туберозов неоднократно именуется министром юстиции: «Отец Савелий... вы сами знаете... отец Савелий... он умница, философ, *министр юстиции*» (IV, 12). Отец писателя, Семен Дмитриевич Лесков, как известно, был «заседателем от дворянства в орловской уголовной палате» (Лесков 1954, с.10).

Первая запись в дневнике героя датируется 4-м февраля 1831 года: «Туберозов просматривал свой календарь с самой первой прокладной страницы, на которой было написано: «По рукоположении меня 4-го февраля 1831 года преосвященным Гавриилом в иерея получил я от него сию книгу в подарок за мое доброе прохождение семинарских наук и за поведение» (IV, 29). По верному наблюдению И.В.Столяровой, это дата рождения самого Н.С.Лескова (Столярова 1978, с.138). Н.С.Лесков отметил в своем письме к Буслаеву 1 июня 1877 г. по поводу одной из своих работ: «Ив<ан> Серг<еевич> указывал мне даже места, где из-за вымышленного лица, от коего веден мемуар, проглядывала моя физиономия; но и он не замечал этого в дневнике Туберозова (в «Соборях»))» (X, 451). Таким образом, писатель указывает на автобиографизм своего героя.

Характерна и еще одна параллель. Е.И.Борхсениус в своих воспоминаниях о Лескове пишет: «Небольшая голова, с коротко стриженными седыми волосами, большой лоб и приятная улыбка. Особенно хороши были, своим выражением, его небольшие *карие* глаза: умные, живые, пронизательные» (Борхсениус 1983, с.343). В самом тексте встречаем: «Глаза у него [Туберозова – В.В.] *коричневые*, большие, смелые и ясные» (IV, 6).

В воспоминаниях Е.И.Борхсениус присутствует еще одно важное замечание о том, что «Н.Лесков страдал хронической грудной жабой (*Angina pectoris*), припадки которой были очень опасны» (Борхсениус 1983, с.343). Может быть, поэтому и неслучайно сам протопоп неоднократно упоминает о том же недуге: «Ненавижу мою несносную горловую *жабу*, которая мне в эти минуты стиснула гортань..» (IV, 72).

А.Н.Лесков, сын писателя, указывает на неоднократно повторяющееся выражение отца: «Орлу обновишася и юность его», – любил говорить он» (Лесков 1954, с.153). Орел, как известно, является эмблемой св. Апостола Иоанна Богослова, несущего Слово Христово. Орел отсылает к евангельским строкам: орел обжигает свои крылья на солнце, после чего падает в океан, откуда появляется с новой парой крыльев (Тресиддер 1999, с.255). Туберозов неслучайно употребляет это выражение после страшной грозы, которую он пережил один в лесу: «Он все глубоко вздыхал и радовался, что может так глубоко вздыхать. Словно *орлу обновились крылья!*» (IV, 229).

Это выражение было замечено В.Гуминским еще в созданном ранее Н.С.Лесковым рассказе «Овцебык»: «В записи Богословского на полях Платоновой книги стояло: «Васька глупец! Зачем ты не поп? Зачем ты *обрезал крылья у слова своего?* Не в ризе учитель – народу шут, себе поношение, идее – пагубник» (I, 94). В.Гуминский по этому поводу пишет следующее: «Так, уже в 1862 г. определяется и обособывается для Лескова путь к новому для русской литературы герою из духовенства. «Орлу обновишася крыла и юность его», по любимому лесковскому выражению, и на смену «бескрылому» Василию Богословскому в романической хронике «Чающие движения воды», печатавшейся с марта 1867 г. в «Отечественных записках», выступил протопоп Савелий Туберозов – лесковский учитель в ризе» (Гуминский 1983, с.251).

Еще одна деталь является важной в общей линии рассуждения: «И вот скажите же вы, что я трижды глуп, – восклицал дьякон, – да-с, позволяю вам, скажите, что я глуп, если он, отец Савелий, не *сполитикует*. Это уж я наверно знаю, что мне он на то не позволяет, а сам *сполитикует*» (IV, 13). Любопытно употребление глагола *сполитиковать*. Известно, что Н.С.Лесков посещал Шахматный клуб, который открылся 10 января 1862 года по инициативе революционеров. Это клуб необходим был революционерам «для легальной пропаганды своих идей и как удобное место для встреч» (Чуднова 1975, с.36).

Л.Г.Чуднова указывает на то, что Лесков не был любителем шахмат, однако его привлекла возможность участия в литературных и *политических спорах*, а также идея сплочения писателей различных направлений. О посещении Н.С.Лесковым клуба свидетельствуют записи в дневнике В.Ф.Одоевского: «В *Шахматном клубе*, – занес он в свою тетрадь 21 апреля 1862 года, – говорят, на меня напали – и Н.С.Лесков заступился... » (Цит. по: Чуднова 1975, с.36).

Знаменательной в этом плане является и еще одна деталь в тексте романа: «Купил [Туберозов – В.В.] у жида за семь рублей органичик

и игорные *шашки*» (IV, 59). Можно предположить связь между *шашками* и *Шахматным* клубом, т.е. в данном случае автор «соединяет» факт мира реального и художественного.

Таким образом, нельзя говорить о каком-то одном человеке, явившемся прототипом для главного героя романа. Указанная связь образа Туберозова с самим автором, его дедом и отцом еще не решает вопроса о прототипе героя «Соборян» в полной мере. Лица, которых знал писатель, могли послужить ему «материалом» для создания собирательного образа Туберозова. «Туберозов едва ли был в «природе», – он не более как плод моего воображения», – писал Н.С.Лесков в письме к П.И.Вейнбергу от 11 мая 1890 года (XI, 458).

Фамилия дьякона *Ахиллы Десницына* происходит от слова *десница* – ‘правая рука’. На первый взгляд, она входит в общую систему наименования духовенства и относится к «фамилиям, в которых этимология указывает на связь с церковью»: *Десницын* от *десница* – правая рука (Унбегаун 1989, с.173). Таким образом, представитель духовенства носит вполне подходящую его статусу фамилию.

Но можно рассматривать этимологию этого имени в более широком плане. В санскрите *dakshina* значит и ‘правый’, и ‘южный’ (Кочергина 1996, с.256). Действительно, совпадение понятий правого с южным связано с отношением человека к окружающему миру через солнечное движение: древний человек обращался всегда для молитвы к востоку и, следовательно, с правой руки имел полуденный юг.

Данное соотношение *правый / южный* реализуется в тексте романа, имея непосредственное отношение к самому герою: «В следующей части нашей хроники мы увидим, какие все это будет иметь последствия и кто из двух прорицателей *правее*» (IV, 121). Это высказывание по поводу спора между двумя прорицателями – Дарьяновым и протоиереем Туберозовым о поступке дьякона. Интересно, что *правее* или ближе к реальности оказывается Туберозов, потому что дьякон Ахилла ближе Туберозову и он [*Туберозов* – В.В.] знает, к чему могут привести его действия, потому что он, дьякон, стоит *одесную* или по правую сторону от протоиерея. В данном случае имеется в виду то, что дьякон Ахилла, несмотря на свои «выходки» всё-таки близок в духовном плане Туберозову, т.е. дьякон становится на сторону протоиерея. И в этом случае приходит на ум известное библейское выражение: «Овцы о десную, козлища о шую» (Даль-1, с.433). Таким образом, Десницын занимает правую сторону, т.е. сторону протопопа.

Сема *южный* также имеет место быть и в другом моменте. Она реализуется в мотиве казачества, постоянно сопровождающем героя: «убранство в доме Ахиллы было чисто тоже казацкое» (IV, 10), «ка-

зацкая кошка» (IV, 10), «казак-господин» (IV, 11), «казаковатый дьякон» (IV, 11), «мазаная малороссийская хата» (IV, 10).

Имя же дьякона соотносится с именем героя древнегреческого эпоса – *Ахиллесом*. Протопоп подчеркивает эту «преемственность», называя Ахиллу *Ахиллесом*: «не всегда осуждаю живые наклонности моего любезного *Ахиллеса*» (IV, 69). Сам Ахилла тоже подтверждает эту связь: «Я и сам почти воин» (VI, 22). И, действительно, здесь переплетаются две линии – высокая, героическая, и пародийная, – оттачиваются одна от другой на протяжении всего романа. Дьякон Ахилла то «всерьёз» уподобляется античному воину, богатырю, как, например, в сцене купания на рассвете, то он же открыто пародирует своим поведением историю троянской войны – вместо «прекрасной Елены» поводом к открытию военных действий служат кости утопленника, из-за которых и разворачивается баталия с учителем Варнавой Препотенским» (Гуминский 1983, с.255).

Однако между лесковским дьяконом Ахиллой и героем гомеровской «Илиады» Ахиллесом, существовал ещё один «тезка», и, возможно, именно в его честь и было дано имя будущему дьякону. Для такого знатока церковной службы и истории, как Лесков, немаловажным явилось то обстоятельство, что «прообраз» его героя также был дьяконом. Речь идёт о «преподобном Ахилле, дьяконе Киево-Печерском, почивающем в Феодосиевых (дальних) пещерах». О жизни этого церковного подвижника XIV в. почти ничего не известно – лишь то, что он был «затворником», «постником» и «служителем жертвы».

Исследователь В.Гуминский полагает, что все эти черты могут быть соотнесены с образом лесковского дьякона только отрицательно, хотя более определенных данных для предположения о намеренном пародировании у нас не имеется» (Гуминский 1983, с.255).

Ф.Г. Де-ла Барт в своих воспоминаниях о Н.С.Лескове пишет, что на вопрос «списан ли с натуры чисто эпический дьякон Ахилла, получил ответ: «Дьякон *Ахилла*, – воскликнул Лесков, – да он, поди, и теперь еще жив. Это мой знакомый дьякон-богатырь. Огромного роста, с курчавыми волосами и бельмом на глазу, он посейчас является грозой обывателей и городских, когда выпьет лишнее» (Цит. по Плещунов 1963, с.140). В «Мелочах архиерейской жизни» Лесков описывает одного киевского богатыря-дьякона, разъезжавшего верхом на волах по монастырскому двору. Этот атлет-черноморец, по свидетельству Лескова, дал ему много красок для дьякона Ахиллы в «Соборьях» (Гроссман 1945, с.160).

Видимо, не зря в воспоминаниях Н.С.Лескова относительно прототипа дьякона фигурирует и имя *Антоний*: «А разве Киево-

Печерской лавры знаменитый дьякон *Антоний*, «переложив» меру вина накануне какого-то торжественного служения, не грохнул что-то несуслазное, вроде «анафемы» вместо «многая лета», да и с повторением. Едва убрали... от срама. Я с него взял для *Ахиллы* и даже смягчил случай» (Чуднова 1975, с.109). Имя этого прототипа – *Антоний* – восходит к *Антониус* из греч. *антео* 'вступать в бой, состязаться' (Суперанская 2003, с.112). Семантика имени прототипа *Антониус* оказывается близкой как к семантике имени гомеровского Ахиллеса – древнегреческого богатыря, так и к семантике лесковского героя – Ахиллы. Важен и смысловой комплекс, который образуют имя и отчество дьякона: *Ахилла Андреич* – *Ахилла* от *Ахиллес* и *Андреич* от *Андрей* – греч. *andreos* – 'мужественный' (Суперанская 2003, с.110). Очевидно, что отчество «поддерживает» и «усиливает» в семантическом плане имя персонажа.

Отметим еще один момент касательно отчества дьякона – *Андреич* – и в связи с этим упомянем личность еще одного человека, черты которого автор, возможно, использовал при создании образа дьякона Ахиллы. Внимание протопопа привлекает характеристика дьякона, которую тот представляет по приезду в Старгород: «Предъявлял он мне копию со своего семинарского аттестата, в коей написано: «поведения хорошего, но удобоносителен» (IV, 64). Сам дьякон так комментирует, что значит «удобоносителен»: «Это совершенные пустяки, – объяснил он, – это больше не что, как, будучи в горячечной болезни в семинарском госпитале, я проносил больным богословам водку» (Там же).

В.А.Громов в своей статье, посвященной началу публицистической деятельности писателя, замечает, что «вступлению Н.С.Лескова в литературную ассоциацию предшествовало и способствовало его сближение с А.И.Ничипоренко, который вместе с Н.А.Серно-Соловьевичем сыграл важную роль в реорганизации журнала «Век». «В Петербурге, – вспоминал через несколько лет Лесков, – в самые первые дни моего литературства, я был приручен почтенным профессором И.В.Вернадским [К Вернадскому Лесков приехал в январе 1861 года. – В.В.]. Одновременно со мною жил у него репетитор его сына, чиновник Ничипоренко, человек очень молодой, суетной, легкий и «удобоносительный». Все свои дни этот юноша посвящал разноске из дома в дом по Петербургу «Колокола», за что и получил от близко знавших его людей кличку «*Андрея Удобоносительного*» (Цит. по: Громов 2000, с.131).

Существовала также и совместная фотография Ничипоренко и Лескова, «сидящими рядом и чуть ли не обнимающими друг друга.

Известно, что вдвоем на карточках снимаются люди близкие друг к другу. Карточка, на которой Ничипоренко и г.Лесков изображены вкупе, была снята не для частного альбома: она продавалась не только в магазинах Петербурга, но и Москвы <...> из этого обстоятельства мы можем сделать прямое заключение, что г.Лесков как бы публично признавал в те годы свою близость с Ничипоренко» (Громов 2000, с.131).

Позже, в 1862 году, как замечает В.А.Громов, отношение писателя к Ничипоренко изменилось из-за слов, которые тот высказал в адрес Н.С.Лескова на судебном следствии: «Я познакомился с литератором Лесковым, который своим образом мыслей имел вредное влияние на мои понятия» (Громов 2000, с.131). Данное событие сильно повлияло на Н.С.Лескова, и он впоследствии много размышлял над отношениями с этим человеком. И поэтому, возможно, явный сарказм автора по поводу *удобоносительности* дьякона в «Соборях» связан с неприятным личным знакомством с Андреем Ивановичем Ничипоренко.

Эта история из жизни писателя также нашла свое отражение в очерке «Искандер и ходящие о нем толки» (написанном в 1867 г. как дополнение к циклу «писем» «Русское общество» в Париже»), а также в романе «Некуда» (1864) и очерке «Загадочный человек» (1870), реальную основу которых основательно доказал Вильям Эджертон в своей работе «Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов. (О реальной основе «Некуда» и «Загадочный человек» (Эджертон 1997).

Занимательно и ещё одно соответствие между дьяконом Ахиллой и древнегреческим *Ахиллесом*. Одно из прозвищ Ахиллы – «уязвленный» (IV, 7), которое, как замечает Д.С.Лихачев, является загадкой, смысл которой раскрывается «постепенно по мере прочтения «Соборян» (Лихачев 1987, с.334). Мотив *уязвленности* напрямую соотносится и с самим Ахиллесом – античным героем и его историей. Как известно, имени *Ахиллес* сопутствует выражение *ахиллесова (или ахиллова) пята*.

Если в мифе фигурирует *пятка*, то в романе обыгрывается *щиколотка*, из-за которой и возникает спор между дьяконом и лекарем. Из-за незнания латинского названия щиколотки – *astragelus*, дьякон оказывается обиженным и в свою очередь «уязвленным»: «Незнакомое слово «астратеглюс» произвело на дьякона необычайное впечатление: ему почудилось что-то чрезвычайно обидное в этом латинском названии щиколотки» (IV, 93). В ходе этого спора лекарь чуть было не был утоплен. Примечательно, что Туберозов «подмечает» эту опасную ситуацию для жизни дьякона: «Я тебе предсказываю, что если ты еще от

подобных своих глупых обычаев не отстанешь, то ты без того не заключишь жизнь, чтобы кого-нибудь не угодить насмерть» (IV, 96).

Этот же мотив реализуется и в другом контексте. Протопопица слушает с удовольствием пение Ахиллы, потому что она любит его самого за то, что он любит её мужа, и любит его пение: «Кто там стучится смело?» / – Сквозь двери я спросил» (IV, 25). Вряд ли случайно Н.С.Лесков вложил в уста своего героя именно это ломоносовское переложение анакреонтической оды, уже в XVIII в. ставшее народной песней (Ахилла поёт отчасти переиначенный текст).

В этой песне (полный вариант) герой получает мучительную и незаживающую рану в результате выстрела Купидона из лука: «Тут грудь мою пронзила / Преострая стрела / И сильно уязвила, / Как злобная пчела» (Цит. по: Лебедев 1983, с.87). В тексте песни фигурирует лук и тетива, из которого и стреляет Купидон, и соответственно тем самым «уязвляет» лирического героя и открывает ему новую грань познания мира. В предсмертных муках Ахилла борется с «огнелицым» и восклицает: «Аркебузир, аркебузир...пошел прочь, аркебузир! Кто ты, огнелицкий? Дай путь мне!» (IV, 318). И одолевает его. Здесь *аркебузир* – стрелок из аркебузы, старинного ружья, соотносится с Купидоном в тексте песни, только в отличие от героя песни Ахилла «боролся и одолел» (IV, 318) своего противника.

Таким образом, на протяжении всего романа дьякон Ахилла попадает в пародийные пограничные ситуации, «опасные» для его жизни. Любопытно, что если в мифе Фетида, мать Ахиллеса, всячески оберегает своего сына от преждевременной смерти – окунает в воды Стикса, натирает амброзией, закаляет в огне, отправляет на остров Скирос (Ашукин, Ашукина 1988, с.20), то в романе эту «миссию» на себя берут Туберозов, Бенефактов и другие жители Старгорода, которые «берегут» своего Ахиллу, но только от его «непомерной увлекательности» (IV, 7), которая и является «уязвимым местом» дьякона: «Как ни тщательно и любовно *берегли* Ахиллу от его увлечений, все-таки его не смогли совсем уберечь от них, и он самым разительным образом оправдал на себе то теоретическое положение, что «тому нет спасения, кто в самом себе врага носит» (Там же, 8). Таким образом, как не смогла спасти Фетида своего сына от рока, так и старгородцы не смогли спасти Ахиллу, но только уже от самого себя. Он неуязвим телесно, но уязвим душевно.

Древнегреческую линию поддерживают и другие онимы: *Феб*, *Финогеша*. *Финогеша* – это имя родного брата Ахиллы. *Финогеша* – ласкательно-уменьшительная форма имени *Финоген*, которое восходит к полной форме *Афиноген*, относящегося к имени известной древне-

греческой богине Афине: *Афиноген* – из греч. *Атена* ‘Афина, богиня мудрости’ + *генос* ‘род, рождение’ (Суперанская 2003, с.122).

В греческой мифологии *Афина* или *Афина-Паллада*, дочь Зевса, родившаяся в полном вооружении (в шлеме и панцире) из его головы, покровительствует не только мудрости, знаниям, искусствам и ремеслам, но и является богиней войны и победы (Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима 1993, с.37).

Имена родных братьев оказываются соотносимыми посредством мотива воинства, учитывая, что имя *Ахилла* имеет прямое отношение к богатырю-воину древнегреческого эпоса.

Дьякон уподобляется всаднику, облитому лучами светозарного Феба. *Фебом* (греч. – ‘блистающий’), как известно, именуется солнце, а также *Феб* – это второе имя древнегреческого бога Аполлона как божества света (Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима 1993, с.24). Как отмечает Е.П.Порошенков, введение этого онима в сцену купания старгородских жителей «способствует формированию особой сказочной атмосферы, которая позволяет заключить, что Ахилла вписывается в картину богатой жизни и не вписывается в сонное царство, буквально выламывается из него. Это проявляется в большом количестве скандалов» (Порошенков 1994, с.52).

Возможно, что дьякон «выламывается» из статичного старгородского общества еще и потому, что в нём «тысяча жизней горит» (IV, 272). И он отчасти направляет свою энергию на лицедейство, которое, как известно, является самым непосредственным выражением живой народной жизни. Так, он втайне посещает представление, организуемое проезжим фокусником. И на нем «Ахилла, точно, был, но более не зрителем, а как бы сказать актером. Он появился в большом нагольном овчинном тулупе, с поднятым и обвязанным ковровым платком воротником, скрывавшим его волосы и большую часть лица до самых глаз» (IV, 68). По возвращении из Петербурга, он делится своими впечатлениями о театре, в который «ходил глядеть как самого царя Ахиллу представляли» (IV, 68). Вероятно, здесь автор имеет в виду оперетту Ж.Оффенбаха «Прекрасная Елена», в которой комически подается легенда о Троянской войне и ее герои, в том числе и Ахилл. И дьякон сравнивает себя с актером, играющим роль этого царя: «Но только на меня даже ни крошки не похоже: выскочил актер, весь как есть в латах, и на пятку жалится, а дай мне такую сбрую, я бы гораздо громче разыграл. Остальная же игра вся по-языческому с открытостью до самых пор. И вдовому или одинокому человеку это видеть неспокойно» (IV, 68).

Ахилла, доказывая значимость дьяконов «у престола божия» (IV, 247), говорит, что один из них даже «короною венчался» (IV, 247), и неслучайно приводит имя Григория Отрепьева: «ты возьми да и в книгах почитай, кто таков до своего воцарения был Григорий Отрепьев заместо Димитрия, вот ты тогда и увидишь, чего дьяконы-то стоят» (IV, 247). Действительно, Григорий Отрепьев, выдававший себя за чудом уцелевшего царевича Дмитрия, был монахом Чудова монастыря. А.Баканурский, затронувший в своем исследовании феномен Лжедмитрия, писал, что «Лжедмитрий – не одиночка, выдающий себя за чудом избежавшего смерти царевича. Тут, как в отлично отрежиссированном спектакле, царя играла свита. Лжедмитрий – успешная попытка в театрально-игровом амплуа. Игровое начало в Отрепьеве было чрезвычайно развито. Постоянная смена масок в роли царя дополнялась зрелищным оформлением дворцового быта. <...> перед поляками он играл католика, в Москве – надевал маску ревнителя православия» (Баканурский 2004, с.169).

Исследователи творчества Н.С.Лескова, в частности Л.Н.Гроссман (1945), А.В. Черепнин (1968), О.В.Анкундинова (1988), утверждают, что писатель живо интересовался проблемами русской истории, в том числе и загадкой Лжедмитрия. И у него было своё мнение по этому вопросу. Так, 2 июля 1889 года, прослушав отрывок из поэмы К.М.Фофанова «Лже-Димитрий», Н.С.Лесков замечает по поводу главного героя: «Я много думал и читал об этом лице, но по внутреннему моему убеждению уверен, что это очень мог быть настоящий царевич» (Цит. по: Гроссман 1945, с.176). И дьякон Ахилла обращается к персонажам, имеющим прямое или касательное отношение к лицедейству в разных формах его проявления. Исследователь В.Гуминский полагает, что этот лесковский герой «пародирует» агиографический тип, поскольку слишком много лицедейства, переодеваний (Гуминский 1983, с.225–255).

По мнению К.Кедрова, жизнь лесковского Ахиллы – это поединок богатыря с бесом, выступающим под различными масками. И, наконец, когда все маски сброшены, начинается подлинный поединок богатыря со смертью. И Ахилла здесь борется уже не с чертом, а с «огнелицым». И Ахилла хоть и называет себя *Ахиллой-воином*: «не зовите меня Ахилла-дьякон, а зовите меня все *Ахилла-воин*» (IV, 169), но, в отличие от *Аники-воина*, *Ахилла-воин* не испугался встречи со смертью (Кедров 1983, с.66). Неукротимая ярость и физическая сила как бы отлетели от могучего тела, в то время как сила духа Ахиллы возросла. Задремавший после изнурительной борьбы со смертью Ахилла Десницын ясно увидел воскресшего Туберозова в облачении,

творящего церковную службу здесь же, в церкви, где только что его отпевали. В душе он воскресил своего учителя и одержал победу над смертью. Горе Ахиллы ничуть не уменьшилось после сна, но увеличились его духовные силы. Таким образом, как полагает К.Кедров, для Н.С.Лескова «дуализм человеческой природы не только терпимое, но и желательное явление» (Кедров 1983, с.70).

Можно заключить, что дьякон Ахилла одинаково близок как традициям фольклора, так и традициям античного эпоса. По мнению И.В.Столяровой, на примере жизненного пути дьякона, «изобилующего самыми неожиданными и парадоксальными ситуациями, автор хроники показывает, что человек с большими задатками, если он остается на уровне» естественной жизни, не в состоянии оградить себя от опасности впасть в позорную мелочность» (Столярова 1978, с.109).

Протопоп не чувствует, что дьякон сможет укрепить Старгород, принять его новую жизнь с ее переменами, потому что Ахилла «живёт как стихийная сила, не зная сам, для чего и к чему он поставлен» (IV, 203).

Ахилла, повинаясь воле Туберозова и внимая всем его поучениям, отказывается в тоже время взять ответственность за свои проступки на себя: «Не знаю я, отчего это так» (IV, 96), – отзывается он на слова протопопа, укоряющего его в том, что всюду по его пятам идет беспорядок. «И все же таки, значит, это не по моей вине, а по нескладности, потому что у меня такая природа» (Там же). По мнению И.В.Столяровой, в этом ответе, заключается неразбуженность Ахиллы, нравственная инертность и готовность жить на уровне природы (Столярова 1978, с.108).

Священник *Захария Бенефактов* носит характерное имя для священнослужителя: *Захария* восходит к др.-евр. *закарья* ‘Бог вспомнил’ (Суперанская 2003, с.188). *Захария* – это имя многих лиц, упоминаемых в Библии. На наш взгляд, здесь имеет место связь со святым Захарией, священником Храма в Иерусалиме и отцом Иоанна Крестителя. Он известен тем, что дожил до преклонных лет, не имея собственных детей, и когда ему явился архангел Гавриил и возвестил о рождении сына Иоанна, тот не поверил и был лишен за это дара речи (Библейская энциклопедия 1990, с.148). Немота библейского героя сохраняется во «временной немоте» отца Захарии – он заикается, но только перед старшими: «Я перед старшими <...> точно заикаюсь» (IV, 252).

Также лесковский Захария соотносится с библейским персонажем по принципу многодетности / бездетности: «У отца Захарии далеко не было ни зеркальной чистоты протопопского домика, ни его

строгого порядка: на всем здесь лежали следы детских запачканных лапок; изо всякого угла торчала детская головенка; и все это шевелилось детьми, все здесь и пищало и пело о детях» (IV, 10).

Автор создает атмосферу чрезмерной наполненности дома Захарии детьми: «Дети мои, дети! / Куда мне вас дети? / Где вас положить?» (IV, 10). Эту линию поддерживает сравнение дома персонажа с «большим птичником» (IV, 10), в котором «постоянно толкутся различные носы и хохлики» (IV, 10).

Как правило, птицы, как и ангелы, являются символами мысли, воображения, быстроты духовных процессов и связей. Они относятся к воздушному элементу и, как отмечено в связи с орлом, обозначают высоту вообще, следовательно, и «высоту духа» (Тресиддер 1999, с.255). Но птичий мотив в образе Захарии снижается и сводится лишь к курице, символизирующей заботу о детях, домашних проблемах. На отличительные черты характера курицы как нежной и хлопотливой матери указывает сам Спаситель: «Иерусалим, Иерусалим... Сколько раз Я хотел собрать детей твоих, как птица (курош) собирает птенцов своих под крыльями, и вы не захотели» (Мф 23:37) (Библейская энциклопедия 1990, с.240). Это немаловажно и в том смысле, что в романе отсутствует какое-либо упоминание о жене Захарии или о человеке, который помогал бы ему в воспитании его детей.

Но, видимо, неслучайно дьякон укоряет Захарию: «Хуже курицы вы, отец» (IV, 248). Несмотря на, казалось бы, положительные коннотации, образ Захария нельзя воспринимать вне семантики поговорки *курица не птица*. Наверное, автор имеет в виду сосредоточенность персонажа на бытовой стороне жизни, что может быть выражено следующей пословицей: *Не слушай, где куры кудахчут, а слушай, где Богу молятся*, – через которую образ земного Захария соотносится с образом возвышенного Туберозова.

Еще один оним формирует ономастический фон героя. Имея в виду большое потомство, автор отмечает, что Захарию «бог благословил яко Иакова, а жену его умножил яко Рахиль» (IV, 10). Речь идет о библейских Иакове и Рахили, у которых было много детей – двенадцать сыновей и одна дочь. Также оним Иаков связывает Захарию с протопопом Туберозовым посредством наличия / отсутствия детей. Многодетность Захарии противопоставляется бездетности семьи Туберозовых: жена Туберозова «утехи Израилевной, Вениамина малого, дать <...> лишенная» (IV, 38).

По библейскому преданию, второй сын Рахили – *Вениамин* – был самым долгожданным и, затем, любимым сыном Израиля. Отме-

тим, что *Израиль* – это второе имя *Иакова*, которое он получил после таинственной борьбы с Богом (Библейская энциклопедия 1990, с.158).

Примечательными являются еще две детали, связанные с библейской историей *Иакова*. А.Л.Волынский, один из первых лесковедов, заметил, что очень часто при описании душевного состояния или поведения Бенефактова автор прибегает к эпитету «тихий», имея в виду кротость и смирение персонажа (Волынский 1923, с.94). И, видимо, неслучайной является авторская фраза: «Вся его личность есть воплощенная кротость» (IV, 6). Это же качество выделяется и у Иакова: Иаков был «человеком кротким, живущим в шатрах» (Библейская энциклопедия, 1990, с.158). Но заметим, что первое проявление самостоятельной жизни Иакова, о котором повествует кн. Бытия, указывает на некоторую хитрость в его характере – он обманул своего родного брата и получил право на первородство и благословение отца (Там же).

У отца Захарии, наоборот, неоднократно подчеркивается отсутствие этого качества: он, «прямодушный» и «бесхитростный», «по ненаходчивости» (IV, 72), не может справиться даже со своими учениками. Качества находчивости, инициативности замещены полной кротостью и смирением, которые приводят к тому, что протопоп не видит опоры в «смирленном Захарии», «который «есть так, как бы его нет» (IV, 203).

Любопытен еще один факт. В книге Бытия рассказывается, что при рождении Иаков появился, держась рукою за пяту своего брата-близнеца Исава (Быт.26). В связи с этим у него было прозвище «запинатель» (Библейско-биографический словарь 2000, с.226). В романе же «пята» и связанная с ней уязвленность, как было рассмотрено выше, соответствует антропониму другого главного героя – Ахиллы. Таким образом, оним Иаков оказывается сцепленным не только с именем героя – *Захария*, но и участвует в формировании ономастической связи с онимами других персонажей – Савелий Туберозов и Ахилла Десницын.

Поддерживает имя героя и его фамилия *Бенефактов*. Фамилия *Бенефактов* образована от лат. *bene* ‘хорошо’ + *factum* ‘сделанный’ (Дворецкий 1986, с.101). Эта распространенная семинарская фамилия содержит латинскую основу, характеризующую нрав или поведение человека. Действительно, этот герой добр, но его доброта проявляется в неукоснительной кротости и смиренности, с которыми ни протопоп, ни дьякон не связывают дальнейшего развития русской церкви. Заметим, что первоначальный вариант фамилии Бенефактова – *Бенефисов* (Майорова 1997, с.159). Этот вариант фамилии, как и фамилии других главных персонажей, также образован по типичной модели для пред-

ставителей духовенства: *Бенефисов* от лат. *beneficē* ‘благоедеяние’ (Дворецкий 1986, с.101). Но очевидно, что этот антропоним был изменен из-за недопущения появления возможных ассоциаций, связанных с театральным миром, и в свою очередь светским миром, – *бенефис* или *бенефициант*, что не могло никак соответствовать представителю духовенства.

Таким образом, рассмотренные антропонимы главных героев романа убедительно показывают, что именник главных героев не только характерен для духовенства как для определенного класса общества, но и обнаруживает системные связи с другими именами персонажей этого романа.

2. АНТРОПОНИМЫ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Среди второстепенных персонажей встречаются герои самых разных социальных категорий: лица, имеющие отношение к духовенству, – попы, дьяконы, дьячки, просвирня, недоучка духовного звания; помещики и помещицы; аристократка «откупщицкой породы»; чиновники – исправник и исправница, почтмейстер и почтмейстерша, акцизный чиновник и акцизница, городничий, ревизор и письмоводитель из Петербурга; лекарь; учитель математики; капитан; крепостные; жерновщик. С одной стороны, эта социальная система отображает реальную систему общества XVIII–XIX веков, но одновременно с этим в данном перечне легко угадывается и вымышленное, но вместе с тем и вполне конкретное общество комедии Н.В.Гоголя «Ревизор»: городничий, его жена и дочь, почтмейстер, чиновник из Петербурга, уездный лекарь, попечитель богоугодных заведений и т.д.. Название города, в котором разворачивается действие романа «Соборяне», – *Старгород* создано по той же модели что и *Миргород*. Принимая во внимание высказывания самого Н.С.Лескова о творчестве Н.В.Гоголя, в которых он высоко оценивал его, а также наблюдения исследователей Л.П.Гроссмана и И.В.Столяровой, можно утверждать, что данное пародирование могло быть даже преднамеренным со стороны Н.С.Лескова.

Антропонимы второстепенных героев, имеющих отношение к духовенству, типичны: дьячок *Павлюкан*, протопоп *Иродион Грацианский*, *Алеша*.

Имя дьячка *Павлюкан* образовано от ст. календ. имени *Павлий*. Но вероятно, что данное имя создано путем сложения частей основ

слов *Павлий* и *великан*. В тексте актуализатором второй основы является, по-видимому, деталь внешнего облика персонажа: *Павлюкан* – «длинный дьячок» (IV, 206). Учитывая семантику имени *Павлий* < *Павел* из лат. *Паулус*: *паулус* ‘малый’ (Суперанская 2003, с.263), а также характеристику внешнего облика персонажа – *длинный*, т.е. большой, можно предположить, что в основе создания данного антропонима лежит известный стилистический прием – оксюморон.

Антропоним протопопы *Иродион* восходит к греч. *Херодианос*, традиц. *Геродиан* – имя греческого грамматика, сына Апполония Дискола. А фамилия этого персонажа – *Грацианский* – происходит от *gratia* – ‘любезный’ (Унбегаун 1989, с.177). Эта фамилия создана по традиционной модели и входит в группу фамилий «с латинскими основами, характеризующими нрав или поведение» человека (Унбегаун 1989, с.180).

Сына Бенефактова, «дающего приватные уроки в добрых домах» (IV, 79), зовут *Алеша. Алексей*, образованное от греч. *Алексиос*: *алексо* ‘защищать, отражать’ (Суперанская 2003, с.105), – подходящее имя для выходца из религиозной семьи: оно связано с особо почитаемой на Руси фигурой святого Алексея, божьего человека.

Жена протопопы тоже носит соответствующее ее статусу имя – *Наталья Николаевна*: *Наталья* из латинского *Наталия*: *диес наталис Домини* ‘Рождество’, а отчество восходит к греческому *Николас*: *никао* ‘побеждать’ + *лаос* ‘народ’ (Суперанская 2003, с.252, 416). Как известно, имя *Николай* было одним из самых распространенных на Руси в связи с особым почитанием святого *Николая Угодника*. По своей значимости он являлся «первым после Бога, самым уважаемым святым» (Русские имена в исторических лицах, церковных и народных праздниках, пословицах и приметах 2002, с.298).

Наталья Николаевна являет собой в романе образ идеальной женщины, сочетающей в себе и верную соратницу, и жену. Не будучи счастлив в семейной жизни, Н.С.Лесков, вероятно, воплотил свои ожидания в этом женском образе. «Еще не выродилась славянская женщина, не вся ушла в кринолин да в гнилую французскую эмансипацию», – пишет Н.С.Лесков в «Северной пчеле» за 1862 год (Цит. по: Горелов 1986, с.63). Писатель дорожит тем типом женщин, которые могут «понять и разделить благородные стремления их мужей» (Там же). Принимая во внимание характерную черту творчества Н.С.Лескова – использование автобиографических фактов, нужно сказать, что, назвав протопопицу именем *Наталья*, писатель, возможно, отдал дань женщинам с довольно трудной судьбой – своей родной сестре *Наталии*, которая в 1851 году ушла в монастырь во многом из-

за трудного положения в семье и сурового отношения к ней матери, и своей тетке по материнской линии *Наталье Петровне*, тяжело жившей с мужем-деспотом (Лесков 1954, с.45).

В традиционную систему наименования лиц духовенства укладывается и следующий антропоним – *Константин Пизонский*. *Константин Пизонский* – «недоучка духовного звания» (IV, 24). Фамилия *Пизонский*, вероятно, образована от фр. *pigeon* ‘голубь’ (Ганшина 1987, с.680). Фамилия является искусственной, образована от названия птицы и входит в именник духовнослужителей и, очевидно, имеет кальку – *Голубинский* < *голубь* / *Пизонский* < *pigeon*.

Вообще для духовенства были характерны фамилии, образованные от названий животных, в частности – птиц. Так, П.М. Бицилли замечает по этому поводу: «Нет, кажется, породы птиц, которая не дала бы начала одной, а то и нескольким фамилиям. В духовенстве из птичьих фамилий наиболее распространены такие, которые ведут своё начало от птиц чем-либо импонирующих – Орла, *Голубя*, Лебеда. Семинарский обычай давать воспитанникам символические имена известен» (Бицилли 1996, с.626).

Что касается использования названия птиц церковью, то это имеет исторически сложившуюся традицию. Многие птицы являются неотъемлемыми атрибутами святых. А *голубь* – это птица, которая является самой «ёмкой» в религиозном плане – выступает в роли вестника, является символом Святого духа, символизирует чистую душу, мир (Тресиддер 1999, с.60). Таким образом, неудивительно, что именно название этой птицы является самым частотным при образовании антропонимов духовнослужителей.

Итак, «недоучка духовного звания» носит фамилию, тесным образом связанную с церковью, – *Пизонский* (IV, 24).

Интересен и следующий факт, который также подтверждает случайность этой фамилии. Старик Пизонский воспитывает мальчика-подкидыша *Молвошу*. Туберозова трогает нежность *Пизонского* по отношению к этому ребёнку, и протопоп говорит о *Пизонском* как о человеке, который, «придя к нам нагый и всеми глупцами осмеянный за своё убожество, не только сам не погиб, но и величайшее из дел человеческих сделал, спасая и *воспитывая неоперенных птенцов*» (IV, 24).

В традиции русского фольклора культ семьи, нежность к детям тесно связаны с образом голубя. «Народ глубоко чувствует нравственные качества голубей, каковы «любовь голубя к голубке и общая нежность к детям. Именно эти предполагаемые «семейные» добродетели голубя определили собою его место в русском фольклоре» (Би-

цилли 1996, с.626). Таким образом, выбор фамилии персонажа определяется религиозной и фольклорной традициями.

Важен и ещё один момент. Он связан с историей публикации «Соборян». Известно, что этот роман имеет две предшествующие редакции. В «Соборянах» Константин Пизонский является эпизодическим персонажем, тогда как в первой журнальной редакции он занимал центральное место в сюжете. В ходе работы над романом Константин Пизонский стал героем отдельного рассказа «Котин доилец и Платонида» и сохранился как одно из лиц романа «Соборяне», появившегося в 1872 году. Этот рассказ первоначально входил в первую редакцию романа Н.С.Лескова, которая печаталась в «Отечественных записках» 1867 года под заглавием «Чающие движения воды» (будущие «Соборяне»). В сборнике повестей, очерков и рассказов (1867) он уже появился отдельно, но под заглавием «Старгородцы (Отрывки из неоконченного романа «Чающие движения воды»)». И. Котин доилец и Платонида». Интересно, что в рассказе упоминается отчество Пизонского – *Ионыч*. *Ионыч* образовано от мужского имени *Иона* из греч. *Ионас*: др.-евр. *йона*, что означает ‘голубь’ (Суперанская 2003, с.197). Таким образом, можно заметить связь между отчеством героя и его фамилией, которая реализуется в тексте: *Пизонский* < *голубь* и *Иона* < *голубь*.

Возможен и ещё один вариант происхождения фамилии Пизонский: *Пизонский* от *пиза*. *Пизой* называли раньше *лапшу* – *мука, яйца есть – можно и пизу делать* (Словарь орловских говоров-9, с.95). Лапша, как известно, представляет собой продукт в виде длинных, узких полосок из теста. Интересно, что в первой редакции романа рассказывается о том, что мать внесла Пизонского в женский монастырь, назвав его «обманно девочкой Макриной» (I, 224). Данное Пизонскому имя *Макрина* восходит к греч. *Макрине*: *μακρος* ‘длинный’ (Древнегреческо-русский словарь-2, с.1048). Очевидно, что это имя можно связать в смысловом отношении с фамилией героя: лапша – это *длинные* полоски и соответственно *макрос* – ‘длинный’.

Кстати, эта ассоциация с *длиной* реализуется ещё раз. Прозвище Пизонского – дядя *Котин*. Оно представляется собой усеченную форму его имени *Котин* < *Константин*. В рассказе «Котин доилец и Платонида» дается история происхождения этого прозвища: Пизонский, будучи ребёнком, не мог написать своё имя – *Константин*, у него от волнения выходило бесконечное – «Константин тинтинтинтинтин...и все нет ему конца, нет заключения, нет предела» (I, 225). На что учитель сказал мальчику: «Что ты, стрикулист, так больно *длинен*? <...> Пизонский быстро стер с доски бесконечную цепь слогов и твердою

рукою написал короткое «Котин» (I, 225).

Комический эффект обусловлен и тем, что собственное имя *Константин* для него является слишком длинным, поэтому от страха он может вывести «лишь короткое Котин» (I, 225). Забавна, но вместе с тем и точна фраза, которую высказывает учитель в рассказе по поводу написания Пизонским своего имени: «держись своей *препорции!*» (I, 225). Слово «препорция» здесь демонстрирует излюбленный Н.С.Лесковым приём «народной этимологии». «Препорция» – это пропорция не только между именем и прозвищем Пизонского – *Константин* / *Котин*, но также и между его фамилией и прозвищем – *Пизонский* / *Котин*. Получается, что Н.С.Лесков соотносит имя и фамилию персонажа через его прозвище, под которым этот персонаж всем известен в романе, применяя общее понятие – соотношение или «препорция»: *Пизонский* / *пиза* – нечто длинное // *дядя Котин* – короткое / *Константин* – длинное.

Любопытен и ещё один момент относительно фамилии персонажа. *Пиза*, как было рассмотрено выше, это *лапша*. Но одновременно с лапшой, *пиза* вызывает в памяти ассоциацию с итальянским городом *Пиза*, который знаменит своей «Падающей башней», известной ещё под именем *Пизанской башни*. Причем связь с образом *лапши* здесь не нарушается, так как лапша тесно связана с Италией. Остановимся на образе *Пизанской башни*. Эта башня известна своим необычным положением в пространстве – она наклонена. У Константина Пизонского есть одна, но очень яркая особенность, которую автор неоднократно подчеркивает, – у него «кривой нос» (IV, 90).

Можно провести параллель между *Пизанской башней* и внешнестью персонажа, по фамилии *Пизонский*: эта башня, как было замечено ранее, наклонена, т.е. она имеет неправильное положение в пространстве – на первый взгляд, стоит *криво*. А у героя нос необычной формы – *кривой*. Любопытно также и то, что в рассказе «Котин доилец и Платонида», вошедшем в первую редакцию романа, упоминается фамилия двоюродной сестры Пизонского, – *Набокова* (I, 28). Фамилия *Набокова*, по народной этимологии, очевидно, происходит от *набокий* – ‘косой, кривой’ (Ганжина 2001, с.328). Семантически это словосочетание близко «кривому носу», т.к. *кривой* – это повернутый на какую-либо сторону. Получается, что фамилия *Набокова* близка фамилии *Пизонский* через образ Пизанской башни, и кровное родство героев – брат и сестра – обнаруживается на фамильном уровне: *Пизонский* / *Набокова*.

Итак, фамилия *Пизонский* восходит к слову *пиза* – здесь оказывается важной ассоциация с главным признаком лапши – *длина*, и в это же время к городу, расположенному в Италии – *Пизе*, а конкретнее – к

необычному положению *Пизанской башни*. Причем важно, что данные слова также соотнесены между собой посредством Италии, так как лапша ассоциируется именно с этой страной.

Учитывая известное пристрастие Н.С.Лескова к тонкой языковой игре, можно допустить, что он при создании фамилии персонажа сделал «наложение» нескольких источников, при этом сохранив и реализовав значение каждого из них.

Прозвище Пизонского – дядя *Котин*, как было рассмотрено выше, образовано от его имени *Константин*. Любопытно, как вскрывается семантика имени Пизонского – *Константин* – из лат. *Константинус*: *констанс* ‘постоянный’ (Суперанская 2003, с.213): «– А на что нам *новое*? – ответил Пизонский. Все у нас есть <...> без новостей сидим как в раю <...> чего еще лучше, как жить в такой тишине и в ней все окончить» (IV, 90; 91).

Постоянство дается с негативной окраской, т.е. как качество, которое не позволяет герою принимать ничего нового. Если учесть, что имя *Константин* в мировой истории является «царским именем», то здесь акцентируется внимание на основных качествах Константина Пизонского, прямо противоположных свойственным носителю царского имени – «кротости и темноте, которые идут рука об руку» (Аннинский 1997, с.13). Интересно ещё и то, что самые частотные эпитеты, характеризующие этого героя, – *нищий*, *бедный*.

К тому же Пизонский – это «чудак», человек, «осмеянный за своё убожество», он своего рода юродивый в глазах всего Старгорода (IV, 24, 35). Уместно здесь и определение *нагий*, упомянутое в характеристике Пизонского (IV, 24), – «нагота – это одна из важных примет юродства <...> обнажаясь, юродивый надевает «белые ризы нетленные жизни» (Лихачев, Панченко, Поньрко 1984, с.92).

А женщина, сына которой воспитывает Пизонский, является *дурочкой*: «некая *дурочка Настя*, обольщенная проходящим солдатом, родила и сама, кинувшись в воду, утонула» (IV, 35). *Дурочками* называли юродивых на Руси (см. подробнее: Прыжов 1996). Причем и имя носит эта юродивая характерное для своего социального положения: *Настя* < *Анастасия* из греч. *Анастасисос*: *анастасис* ‘возрождение, воскрешение’ (Суперанская 2003, с.356).

Юродивый Пизонский воспитывает сына юродивой. Саму историю попадания ребёнка к Пизонскому читатель узнаёт из дневника Туберозова. И это неслучайно. У самого Туберозова нет детей, он сильно переживает по этому поводу, и в этом плане он оказывается противопоставленным Пизонскому, и, тем самым, связанным с ним. Протопопица говорит Туберозову: «Вспомни, голубь мой: может быть,

где-нибудь есть тот голубенок, и если есть, пойдем и возьмём его!» На это Туберозов подумал следующее: «Мало что она хочет отыскивать, она его уже любит и жалеет, как *неоперенного голубенка!*» (IV, 39). Эта запись разговора следует в дневнике героя после рассказа о Пизонском. Интересно, что здесь происходит своеобразная языковая игра – опять обыгрывается *голубь*, который заставляет вспомнить Пизонского и его историю и одновременно указывает на частную проблему протопопы – бездетность.

Можно сказать, что в Константине Пизонском сконцентрированы константные черты лесковского «праведника», уточнявшиеся и варьировавшиеся в последние годы: низкое место в общественной иерархии и вместе с тем высокий нравственный статус в рамках замкнутого социума, культ семьи и самозабвенное служение близким.

Следующий второстепенный персонаж – учитель *Варнава Васильевич Препотенский* – сын никитской просвирни, который «окончил семинарию первым разрядом, но в попы идти отказался, а прибыл сюда в гражданское уездное училище учителем математики» (IV, 70). Он является одним из противников Туберозова. Имя персонажа *Варнава* восходит к арамейск. *бар* ‘сын’ + *наба* ‘пророк’, а отчество к имени *Василий* из греч. *Басилиос*: *басилейос* ‘царский’ (Суперанская 2003, с.140).

Первоначальный вариант фамилии этого персонажа – *Омнепотенский*. Но в «Соборях» этот герой носит фамилию *Препотенский*. В одной из редакций романа он фигурирует именно под фамилией *Омнепотенский*, которая обыгрывается в тексте: Термосесов называет учителя *Омнеамеакумпортенским*: «А мне больше нравится *Омнеамеакумпортенский*, *omnia mea tecum porte*. Знаете латинское: «Все своё с собой ношу», отличная пролетарская фамилия. Я вас так буду звать» (Цит. по: Плещунов 1963, с.108). Это известное изречение греческого философа так же означает, что истинное богатство человека в его внутреннем содержании (Современный словарь иностранных слов 1999, с.738). Но сам персонаж своей жизнью утверждает, что это «внутреннее содержание» у него как раз отсутствует. Хотя, принимая во внимание его профессию [Препотенский – учитель – В.В.], он должен демонстрировать и передавать свое духовное богатство – знания, но он лишь «научитель пакостей» – именно так называет его протопоп (IV, 74).

Изречение *omnia mea tecum porte* – ‘всё своё с собой ношу’ – употребляется и в ироничном смысле – по отношению к тем, у кого ничего нет – ‘что на мне, то и моё’ (Михельсон-1, с.408). Так, мать Препотенского, никитская просвирня, говорит сыну: «Молока ты

утром пьешь до бесконечности; чаю кушаешь до бесконечности; жаркого и каши тоже, а встанешь из-за стола опять весь до бесконечности *пустой*, — это болезнь» (IV, 115). Или: «Ей-богу, ты, *Варнаша*, *пустой!*» (IV, 115).

Итак, Препотенский *пуст*. Возможно, что фамилия *Препотенский*, представляет собой усеченный вариант *Омнепотенский*: *Препотенский* < *Омнепотенский*. Но вместе с этим возможно, что фамилия восходит к существительному *препиранье* ‘спор, прение’ (Даль-3, с.394).

Препотенский провоцирует людей и этим вносит сумятицу: пишет записку, из-за которой протопоп отпевает панихиду за декабристов, по его научению Алиоша Лялин задает вопрос Захарии, который ставит того в тупик, учитель вызывает эти прения часто именно в душах героев, в том числе и детей. Таким образом, фамилия является контаминацией двух источников.

Значимо в этом плане и имя героя: *Варнава*. Оно редкое и непривычное. Оно восходит к арамейск. *бар* ‘сын’ + *наба* ‘пророк’ (Суперанская 2003, с.139), но ассоциативно его можно соотнести с пространенным диалектным словом *варначать* ‘спорить’ (Даль-1, с.166), тем более что мать Препотенского называет его *Варначок* (IV, 259). Таким образом, имя поддерживает фамилию персонажа, что также проявляется и в фонетическом созвучии: *Варнава Препотенский*.

Одним из реальных прототипов Препотенского, по мнению Б.А.Другова, был В.И.Аскоченский, издатель «Домашней беседы» (Другов 1936, с.79). Исследователь А.А.Горелов утверждает, что на протяжении 60–70-х годов газета, издаваемая В.И.Аскоченским, занимала крайне правые позиции, борясь с прогрессивной печатью с помощью *клеветы* и *доносов*. Сам Н.С.Лесков был знаком с В.И.Аскоченским по Киеву, даже вступал с ним в полемику. Так, после смерти Т.Шевченко В.И.Аскоченский выпускает мемуары, которые, как считает исследователь А.Горелов, преследовали, по меньшей мере, тройную цель: очернить петербургские передовые круги, с которыми воссоединился поэт после ссылки; выразить сомнение в реальности вклада шевченковской протестующей музыки в поэзию; представить отношение автора с поэтом близкими и на этом основании попутными штрихами сколь возможно снизить впечатление о значительности его личности. Отклик Н.С.Лескова на статью В.И.Аскоченского появился в «Русском инвалиде» за 1861 год в № 268 от 2 декабря под названием «Нечто вроде комментариев к сказаниям г. Аскоченского о Т.Г.Шевченко».

Ознакомившись с «Дневником» Аскоченского, опубликованным

в «Историческом вестнике», правда, за 1882 год, Н.С.Лесков писал: «Вообще надо жалеть, что никто из знавших Асоченского киевлян не напишет хорошей беспристрастной заметки о тревожной жизни и трудах этого человека с замечательными способностями, из которых он сделал худшее употребление, какое только мог бы выбрать его злейший враг» (Цит. по: Семенов 1981, с. 14). В романе Препотенский тоже занимается писательской деятельностью: он посылал в Петербург «несколько статей». И ему «оттуда всё отвечают: «Резче». Прекрасно, что «резче»; я [Препотенский – В.В.] там и буду резок» (IV, 110). Препотенский, как и один из его прототипов, также пишет доносы. А также в своём письме из Москвы Ахилла пишет, что Препотенский стал *редактором* в Москве и что Ахилла был у него в редакции, видел там разных «литераторов» (IV, 276).

Исследователь Ю.Троицкий указывает на анекдот, связанный также с именем Асоченского, который вошел в хронику, правда, несколько «измененный» (Троицкий 1974, с.194). Это анекдот – колючая реплика протопопа Савелия: «Варнава был сильно ободрен: ему казалось, что после «бездны» фонды его быстро возвысились, и он, неожиданно смело схватив за рукав Туберозова, проговорил:

– Позвольте вас спросить: я третьего дня был в церкви и слышал, как один протопоп произнес слово «дурак». Что клир должен петь в то время, когда протопоп возглашает «дурак»?

– Клер трижды воспевает: «учитель Препотенский», – ответил Савелий» (IV, 194).

Примечательно и то, что в романе фигурирует название журнала «*Домашняя беседа*» по отношению к герою – мать учителя вспоминает заметку, рассказывая о своем сыне, Варнаве Препотенском: «Мне отец Захария в «Домашней беседе» нарочно читал там: один благородный сын бесновался, десять человек удержать не могли. Так и Варнава! его никто не удержит. Робость имеет страшную, даже и недавно, всего еще года нет, как я его вечерами сама куда нужно провожала; но если расхочется, кричит: «Не выдам своих! не выдам, – да этак рукой машет да приговаривает: – нет; резать всех, резать!» (IV, 113).

Мать Варнавы считает, что ее сын находится во власти беса: «Это они, они тебя мучат!» (IV, 259), «я иначе и не полагаю, что он испорчен» (IV, 113). Варнава это понимает, и как бы пародирует мать, коверкая свое имя, произнесенное ею, словно выдавая ее опасения: «моя родительница отвечает: «Не сердись, говорит, друг мой *Варнашенька* (очень хорошее имя, изволили видеть, чтоб его еще переделывать в *Варнашенек* да *Черташенек*) (IV, 104).

Не случайно упоминание «Домашней беседы» не только в связи

с реальным прототипом героя, но и в плане мотива «одержимости». Дело в том, что журнал *«Домашняя беседа»* в 50-х годах XIX века работал «большие деньги за рассказы о бесах и кликушах» (Прыжов 1996, с.95). В то время он стал наследником и проповедником «в духе русской народности» журнала *«Маяк»*, который в 40-х годах «собрав около себя все, что только было «нечистого, таившегося в известных слоях общества, защищал западный XV век, сжигавший ведьм, которые, по его словам, «имели преступления сообщающиеся с ведьмами» и учил, «что есть злые люди, которые предавшее себя сатане могут причинять людям ужасное бедствия, – могут портить людей, и что <...> достаточно лишь одной самой пошлой, но ловкой насмешки, чтоб ею многих отвратить от справедливой веры в бытие бесов, а через то и веры в бога» (Там же, с.95).

Итак, писатель при создании антропонима персонажа сохраняет модель фамилии прототипа, а также вводит в текст и реальные ситуации из его жизни (Препотинский/Асоченский).

Группа антропонимов помещиков в романе представлена следующим образом: *Марфа Андреевна Плодомасова, Алексей Никитич Плодомасов, Валерьян Николаевич Дарьянов, Александра Ивановна Серболова*.

Марфа Андреевна Плодомасова – помещица, владеющая селом Плодомасово. Прототипом этой героини послужила помещица Настасья Сергеевна Зиновьева. Андрей Лесков, сын писателя, приводит в своей книге «коротенькую схему жизни, набросанной на синем листочке в восьмушку», написанную рукой своего отца, в которой упоминается *Зиновьева* и ее карлик (Лесков 1954, с.49). Андрей Лесков пишет, что отец, еще будучи ребенком, ездил в гости к *Зиновьевой*, у которой была богатая библиотека (Там же, с.75). Эта помещица, как и её библиотека, не забыта писателем Н.С.Лесковым и отражена в той или иной мере, в письмах, статьях и беседах последних лет, а также в боярыне *Плодомасовой* в «Соборях» и Протозановой в «Захудалом роде» (Там же).

В своей статье «Пресыщение знатностью» Н.С.Лесков вспоминает: «В Кромском уезде Орловской губернии, в селе *Зиновьево*, жила помещица *Настасья Сергеевна*, рожденная кн. Масальская. Когда меня мальчиком возили в *Зиновьево*, *Настасья Сергеевна* была уже старушка, но я отлично ее помню и с нею намечал некоторые черты в изображениях «*боярыни Плодомасовой*» (в «Соборях»))» (XI, 182).

Также очевидна и параллель: помещица *Зиновьева* / село *Зиновьево* – этот принцип именования переносится и в художественное пространство – помещица *Плодомасова* / село *Плодомасово*.

Фамилия героини – *Плодомасова* – образована от топонима *Плодомасово*. Н.С.Лесков в своей статье «Геральдический туман (замечки о родовых прозвищах)» отмечал, что способ «прозвания» от места жительства человека являлся «законным» и «степенным» «для народного вкуса» (XI, 129).

Что касается топонима *Плодомасово*, то, учитывая «пристрастие» Н.С.Лескова к автобиографическим реалиям, можно допустить, что этот топоним имеет отношение к названию реального села Орловского края – *Подмаслово* (Словарь орловских говоров-1, с.22): *Плодомасово* < *Подмаслово*.

В романе помещица *Марфа Андреевна Плодомасова* даётся как цельный характер крепостнической эпохи. Героиня носит имя – *Марфа* из греч. *Марфа*: сир. ‘хозяйка, госпожа’ и вполне соответствующее ее характеру отчество *Андреевна*, восходящее к мужскому имени *Андрей* из греч. *Андреас*: *андрейос* ‘мужественный’ (Суперанская 2003, с.110, 411). Эта героиня крепко стоит на ногах и ощущает себя полновластной и решительной хозяйкой своей жизни. Она умна, и смела, и даже по-своему, по-помещичьи, добра. Она «хорошо» относится к своему дворовому карлику – *Николаю*. Она хотела его женить для своей потехи и пришла в неистовство, когда ей это не удалось сделать. Примечательно, что имя крепостного карлика противопоставлено имени его помещицы: *Николай* из греч. *Николаос*: *никао* ‘побеждать’ + *лаос* ‘народ’ (Суперанская 2003, с.252).

Семантика этих имен реализуется непосредственно в тексте: карлик называет *Марфу Андреевну* «*госпожой*», а себя «*ее господской воли рабом*» (IV, 45). Карлик Николай как представитель крепостных людей в целом оказывается во власти своей госпожи или хозяйки в прямом смысле этого слова. Интересен в этом плане разговор карлика с государем: «Государь обратился ко мне и изволят меня спрашивать: «Какой вы нации?» – «Верноподданный, говорю, вашего императорского величества». – «И русский уроженец?» – изволят спрашивать, а я опять отвечаю: «Из *крестьян*, говорю, верноподданный вашего императорского величества» (IV, 141). Так же этот «комплекс» поддерживает и имя брата карлика – *Иван*, если рассматривать это имя в той же плоскости рассуждения: *Иван* – типичное имя для человека простого происхождения, а в широком плане с этим именем аллюзивно возникает весь русский народ.

Имя помещицы является, с одной стороны, противопоставленным по значению имени крепостным, а с другой, составляет с ними неразрывный комплекс: *господа* – *крепостные*. Таким образом, антитеза *госпожа* – *крепостной* в единичном случае – взаимоотношения

крепостного карлика и его хозяйки – расширяется до антитезы *господа – народ* и вскрывает одну из важных идейных проблем романа в целом – проблему крепостного права в России. Оригинальность лесковского построения здесь в том, что карлик бунтует в тот самый момент, когда он находится на вершине благополучия: боярыня освободила «от крепости» всю его семью. Здесь кроткий, смиренный карлик осознает, что сами эти благодеяния – форма произвола. Плодомасова раздавила карлика своими благодеяниями, произволом, принявшим форму добра. Позднее, уже после смерти Плодомасовой, карлик с умилением вспоминает о своей «благодетельнице», и, чем больше он умиляется, тем страшнее становится. Далее в идейной концепции книги происходит резкий перелом: оказывается, главной проблемой в борьбе с крепостничеством является проблема личности. Протопоп Туберозов делает следующие выводы из рассказанного карликом: «Да, вот замечьте себе, много, много в этом скудости, а мне пахнуло русским духом» (Громов, Эйхенбаум 1956, с.38).

Интересно, что имя помещицы носят просвирня *Марфа Николаевна Препотенская* и служанка Бизюкиной *Марфа*.

Горничную Бизюкиной зовут *Марфа*. Семантика этого имени также обыгрывается в контексте – в разговоре между хозяйкой её горничной:

– *Марфа!* ты очень не любишь *господ*?

– Отчего же-с?

– Ну, «отчего же-с?» Так, просто ни отчего. За что тебе любить их?

Девушка была в затруднении.

– Что они тебе хорошего сделали?

– Хорошего ничего-с

– Ну и ничего-с, и дура, и значит, что ты их не любишь...(IV, 157).

Пророчески звучат слова Бизюкиной в завершении этого разговора: «Господ скоро вовсе никаких не будет; понимаешь ты это? Не будет их вовсе! Их всех скоро... топорами порежут» (IV, 158).

Возможно, имя Плодомасовой отсылает к героине исторической повести Н.М.Карамзина «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода» (1803).

Алексей Никитич Плодомасов – помещик и «местный предводитель дворянства» (IV, 12), муж помещицы Плодомасовой. Плодомасов привозит Туберозову, Захарии и Ахилле трости, «которые пали между старгородским духовенством как библейские змеи, которых кинули пред фараона египетские чудесники» (IV, 12). Имя *Алексей*

восходит к греч. *Алексиос*: *алексо* – ‘защищать’, а отчество образовано от имени *Никита* из греч. *никетас* ‘победитель’ (Суперанская 2003, с.105, 252).

Валерьян Николаевич Дарьянов – помещик, дальний кузен помещицы Серболовой. Имя героя *Валерьян* происходит из лат. *Валерианус* ‘потомок Валерия’, а отчество восходит к греч. *Николаос*: *никао* ‘побеждать’ + *лаос* ‘народ’. Фамилия образована от мужского имени *Дарий* от греч. *Дарейос*: др.-перс. *Дараявуш*: *дара* ‘обладающий, владеющий’ + *вауш* ‘добрый, благой’ (Суперанская 2003, с.137, 163). Вероятно, Н.С.Лескова интересовала не только этимология имен, но и их звуковое оформление: очевидно яркое фонетическое созвучие сорных в трехкомпонентном антропониме героя, а также интересна рифма имени и части фамилии: *Валерьян – Дарьян*.

Фигурирует в романе и петербургская дама *Мордоконаки*, «аристократка откупщицей породы» (IV, 249). Ее фамилия многозначна. Во-первых, использованием неблагозвучной якобы греческой фамилии достигается эффект снижения образа: относимая провинциальными дамами к высшему обществу, на самом деле, госпожа Мордоконаки не является представительницей родовой аристократии. Созвучное фамилии существительное *морда* имеет несколько значений, среди которых наиболее известно ‘рожа’ (Фасмер 1986, 653), развившееся из ир. **māgāda*– ‘голова’, родственного др.-инд. *mūrdhān*– ‘лоб, голова, вершина, верхушка’ (Там же). Отсюда фразеологизм *по мордасам бить* ‘в лицо; оскорблять’, а также выражение *съездить кого в Харьковскую губернию, Зубцовского уезда, в город Рыльск, в Рождественский приход (Мордасовка тоже)*, то есть в харю, в зубы, в рыло, в рожу, в морду (Михельсон 1997, с. 82, 351). В.И.Даль приводит лексему *мордка* – кунья мордка, древняя русская монета, куна (Даль-2, с. 346). Вероятно, словосочетание *кунья мордка* с измененным порядком слов и легло в основу фамилии *Мордоконаки*, поэтому неслучайно упоминание откупщицкого происхождения героини.

Во-вторых, госпожа *Мордоконаки* – символ вырождающейся аристократии, поэтому с ее фамилией вводится в роман мотив смерти, связанный с существительным *мор* и глаголом *доконать* ‘порешить, покончить, погубить тем или другим способом’ (Даль-1, с. 458).

В-третьих, фамилию *Мордоконаки* можно рассмотреть как сложное слово, в основе которого существительное *морда* и глагол *окунуть* (с заменой гласного у на о): *окунуть мордой* во что-то – нанести оскорбление.

Наконец, интересно, что словом *конак* (*кунак*), которое можно увидеть в составе фамилии персонажа, на Кавказе называют гостя

(Фасмер-2, с. 307). В тексте романа госпожа Мордоконаки обычно приглашается в качестве гостьи на званые ужины.

По мнению комментаторов, фамилия *Мордоконаки* создана по модели фамилии откупщика и золотопромышленника *Бернадаки Дмитрия Егоровича* (IV, 531), которому принадлежала весь винодельческий промысел в Петербурге с магазинами и складами, и, кто таков был Дмитрий Егорович, знала вся Россия, особенно творческая интеллигенция, в том числе Н.В.Гоголь и С.Т.Аксаков. Именно из Петербурга в Старгород приезжает госпожа Мордоконаки. Подобно Д.Е.Бернадаки, при содействии которого была возведена в Петербурге греческая церковь во имя святого великомученика Димитрия Солунского, госпожа Мордоконаки является «покровительницей церквей» (IV, 242), поэтому ей почтмейстерша хочет высказать «просьбу за угнетенного Туберозова» (Там же).

Антропоним помещицы, приходящейся родственницей Дарьянову и ученицей протопопу Туберозову – *Александра Ивановна Серболова*, – мы рассмотрели подробно выше в связи с фамилией главного героя – *Савелия Туберозова*. И поэтому укажем здесь только этимологию ее имени: *Александра* восходит к мужскому имени *Александр* – из греч. *Александрос*: *алексо* ‘защищать’+ *андр*, *андрос* ‘муж, мужчина’, а ее отчество *Ивановна* – от имени *Иван* – из др.-евр. *йоханан* ‘Бог милует’ (Суперанская 2003, с.105, 192).

Помещица Серболова, учитывая семантику ее фамилии и имени, приходится духовной дочерью протопопу и одновременно преемницей и защитницей его взглядов.

Группа чиновников немногочисленна: исправник и исправница, приезжие ревизор и его секретарь, почтмейстер, акцизник и акцизница, предводитель губернский.

Привычный ход жизни Старгорода нарушает появление столичных чиновников – ревизора *Афанасия Федосеича Борноволокова* и его секретаря *Измаила Петровича Термосесова*. Эти чиновники приезжают и уезжают вместе.

Секретарь так представляет себя и своего начальника: «Я Термосесов, Измаил Петров сын Термосесов, <...> а это князь Афанасий Федосеич Борноволоков, чиновник из Петербурга и ревизор, пробыть здесь всех будем» (IV, 161). Представляясь как *Измаил Петров сын Термосесов*, секретарь Термосесов открыто заявляет о своем простом происхождении, используя вполне конкретную форму представления – форму полуотчества, и противопоставляет себя ревизору – князю Борноволокову. Действительно, «полное отчество было знаком того, что человек, его носящий, принадлежит к сословной, аристокра-

тической верхушке» (Горбаневский 1988, с.22). Это простонародное происхождение подчеркивается и тем, что носит Термосесов: «широкий, темно-коричневый суконный сак, подпоясанный широким черным ремнем», «суворовские сапоги» (IV, 159). Секретарь даже специально акцентирует внимание на своей незнатности: «За вас, чистокровных, ведь дядя да тетушки хлопочут, а мы, парвенюшки, сами о себе печемся» (Там же, 219).

Секретарь *Измаил Петрович Термосесов*, противник протопопа, является представителем нигилистов новейшей формации. Он эпатирует как решительным отступлением от канонов нигилистического поведения, так и смелой ревизией катехизиса радикалов, т.е. всем тем, что названо в черновой редакции хроники «негилизмом» (позднее это слово ушло из «Соборян», перекочевав в роман «На ножках»).

Во второй редакции романа Н.С.Лесков дает развернутый монолог-характеристику Термосесова: «Ему все надоело и надоело не по-онегински, не по-печорински», «его (если заглянуть в его сокровенную глубь), не интересует ничто <...> он ни во что не верит и чувствует, что он тлен, ложь» (Цит. по: Майорова 1997, с.42). Демонические ассоциации вокруг секретаря, столь явные в черновой редакции, предстают несколько в смягченном виде в «Соборянах» (Там же).

Имя секретаря – *Измаил* – происходит др.-евр. *йишмаэл* ‘услышит бог’ (Суперанская 2003, с.194). Это имя инициирует негативные ассоциации: измаильтяне, или потомки Измаила, так называемые «дети пустыни», жили разбоем и хищническими набегами на своих соседей (Библейская энциклопедия, 1990, с.179). Также «*измаильтянами*» на Руси, в соответствии с библейской и общехристианской традицией, называли восточные кочевые племена, приходившие с набегами на Русь, исповедовавшие нехристианскую, обыкновенно языческую веру, позже магометанство (Ранчин 2000, с.64). Видимо недаром секретарь говорит о цели своего визита: «пробирать здесь всех будем» (IV, 161). Видимо, не случайно, что успех его *поездки* предопределен: в первом доме, который он посещает, скрыт образ – заперт в комод. По мнению Г.А.Шкуты, эта утрата домом своего оберега – образа – ведет к духовной пустоте обезображенного пространства и к воцарению хаоса (Шкута 2005, с.156, 163).

Понятной становится жизненная позиция этого героя: «Он ни на минуту не возвращался к прошлому и совершившемуся и не оставался ни на одном из новых лиц, которых он так круто и смело обошел самыми бесцеремонными приемами» (IV, 221), «он не думал, что предстоящая ему в данную минуту личность жила прежде до встречи с ним и хочет жить и после, и что у нее есть свои историче-

ские оглядки и свои засматриванья вперед» (IV, 221). Итак, Термосесов приезжает в Старгород, вызывает в нем распрю, жертвами которой становятся протопоп, акцизница и другие жители, и спокойно уезжает в Петербург. Любопытно, что приезд секретаря Термосесова, ставший причиной нарушения обычного хода жизни Старгорода и повлекший за собой стремительное развитие действия романа в целом, напоминает появление мнимого ревизора Хлестакова в комедии Н.В.Гоголя «Ревизор».

Отчество героя *Петрович* тоже оказывается семантически близким его имени. Оно восходит к имени *Петр* из греч. *петрос* ‘камень’ (Суперанская 2003, с.272). В ассоциативном отношении это имя является очень емким. Во-первых, с ним связан мотив отречения. Действительно, Термосесов «порешил себе, что совесть, честь, любовь, почтение и вообще все так называемые возвышенные чувства – все это вздор, гниль, чепуха, выдуманная философами, литераторами и другими сумасшедшими фантазёрами. Он не отрицал, – нет, это было бы слишком спорно, – он просто знал, что ничего подобного нет и что поэтому не стоит над этим и останавливаться» (IV, 221).

Неслучайны и тема Антихриста, и тема торжества зла перед Вторым пришествием, прозвучавшие в притче о рабе, рассказанной Термосесовым в черновой редакции романа. Здесь Н.С.Лесков явно напоминает читателю о тех образах Евангелия, которые служат аллегорией общего падения перед Вторым пришествием и Страшным судом во времена господства антихриста: «Подобны лукавым рабам, ожидающим близкое возвращение домовладыки, люди лжи, помня все злобы свои, не ждут себе пощады. Но помысел им чужд, и вот они, таясь друг от друга, преуспевают лишь в хищении и более не верят ни во что, они уж видят день своей гибели» (Майорова 1997, с.43).

В русской истории с Антихристом тесно связана фигура первого российского императора Петра I. Как известно, «Петр воспринимался современниками (отчасти же и последующим поколением) как Антихрист» (Успенский 1986, с.72). Видимо, поэтому так легко клянется Термосесов: «Клянусь самым сатаной» (IV, 167). Существует значительное количество документов разного рода, свидетельствующих о таком восприятии личности Петра I. Как утверждает Б.А.Успенский, это «смешение духовного и плотского родства» – брак Петра и Екатерины (Екатерина по отношению к Петру была в духовном родстве внучкой) расценивался как своего рода духовный инцест, кощунственное попрание основных христианских законов; объявление себя «отцом отечества», что в русском культурном контексте рассматривалось как притязание на роль духовного отца, которым мог считаться только

иерей; деятельность «Всешутейшего собора», которая не могла восприниматься иначе, как издевательское глумление над церковью и церковной службой; игнорирование своего родного языка и признание единственно правильным языка западно-европейских культурных представлений; замена русского платья на немецкое и т. д. (Успенский 1986, с.73, 76).

Тему антихриста поддерживает и топоним *Петербург* – город, из которого прибывает Термосесов. Немаловажно, что сам секретарь как бы «ощущает» семантику города, называя его греховным в противовес Москве: «Во святой Москве, в греховном Петербурге» (IV, 219). А *Москва* в оппозиции *Петербургу* является в сознании русского человека матушкой: «Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная» (Даль 1994, с.110). Очевидно, что здесь Н.С.Лесков продолжает традицию мифологизации образа города, в том числе Петербурга в русской литературе XVIII – XIX веков, особенно ярко проявившую себя в творчестве А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского.

Вполне вероятно, на наш взгляд, и аллюзия отчества героя через комического персонажа русского народного представления, *Петрушку*, на скоморохов или потешников, которых официальная церковная традиция, как полагает А.Баканурский, связывала с нечистой силой, потому что они могли совершать «хождения в ад» (Баканурский 2004, с.70). Одной из причин запрещения скоморохов, по мнению М.Бахтина, было то, что на игрищах, в которых участвовали скоморохи, человек как бы освобождался от пут, которые связывали его в повседневной жизни, и становился свободным, становился самым собой, забывал и царя, и бога, а вместе с ними все то, что с таким завидным постоянством старались внушить ему в церкви. Именно здесь надо искать корень непримиримости русской церкви к игрищам и скоморохам (См. подробнее: Бахтин 1965).

Это важно, т.к. по наблюдению О.Е.Майоровой, «в рукописной редакции романа протопоп Туберозов и Термосесов занимают примерно равноправное положение, и Туберозов здесь мыслился в роли противника главного «негилиста» Термосесова. Однако постепенно Туберозов заслонил и вытеснил своего оппонента, став объектом преимущественно авторского внимания, тогда как Термосесов существенно «урезан» в окончательной редакции, причем некоторые его монологи переключались в роман «На ножах», определив образ Горданова, самого зловещего «негилиста» романа» (Майорова 1997, с.49).

Причем пара «Туберозов – Термосесов» повторяется в оппозиции в романе «На ножах», где пропорции авторского внимания зер-

кально соотносятся: если *Туберозов* – главный герой «Соборян», а *Термосесов* второстепенный, то отец *Евангел* оказывается на периферии романа, тогда как *Горданов* в центре. Нельзя не обратить внимания, кроме того, на сходство Евангела с Туберозовым – сходство столь сильное, что некоторые фрагменты рукописного текста (рассуждения Туберозова о целебных травах, монологи о красоте и поэзии) отданы в конце концов отцу Евангелу (Майорова 1997, с.49).

Л. Аннинский, основываясь на линии поведения Термосесова, также связывает его образ с шутом: «Он фрукт, он – шут, он – шельма. Он <...> непомерен в своем шкодничестве» (Аннинский 1985, с.201).

Небезынтересно замечание исследователей скоморошества, в частности А.А.Белкина и А.Н.Веселовского, относительно того, что скоморохи в основном – «захожие люди» (Белкин 1975, с.15). С этим замечанием соотносится то, что Термосесов не является жителем Старгорода (он приезжает туда лишь только на время ревизии), а также рассмотренная выше семантика имени этого героя – *Измаил*.

Заметим, что ортодоксальные проповедники называли скоморохов не иначе, как «дьявольскими слугами». Достаточно вспомнить старую поговорку: «Бог дал попа, черт – скомороха». И Термосесов неоднократно подчеркивает, что он находится в подчинении у своего ревизора, а в ироническом плане даже представляет себя его слугой: «Измаил Петрович вам большую службу сослужит <...> Довольны ли вы мною, мой повелитель? <...> И уполномочиваете меня действовать?» (IV, 172, 173).

Окружает героя и мотив музыки, столь характерный для скоморошества: Термосесов пускал «горловые», «веселые, могучие и искренние *фиоритуры*» (IV, 165). *Фиоритура* – это музыкальное украшение мелодии звуками краткой длительности, трелями, форшлагами, главным образом в вокальной музыке (Современный словарь иностранных слов 1999, с.650). Реализуется опять тот же адский мотив.

Небезынтересна в данной линии рассуждения еще одна ассоциация относительно отчества персонажа *Петрович*. Термосесов, «подстрекая» ревизора перейти на свою сторону, предлагает ему: «Будьте-ка вы Иван Царевич, а я буду ваш Серый Волк» (IV, 172). Подобное предложение делает Ставрогину Петр Верховенский в романе Ф.М.Достоевского «Бесы». По мнению О.Е. Майоровой, декларации и поведенческая стратегия Термосесова – его рассуждения и его положение при ревизоре – напоминают вплоть до контекстуальных совпадений позицию этого героя Достоевского (Майорова 1997, с.46).

В «Соборянах» эта переключка с Ф.М.Достоевским обусловлена не только общностью реалий, занимавших собой обоих писателей. Для

Н.С.Лескова Ф.М.Достоевский всегда служил важным ориентиром: он потому и вызывал болезненную ревность Н.С.Лескова, потому и провоцировал на резкие выпады, что изначально во многих своих исходных позициях они были близки друг другу. Недаром, по мнению О.Е.Майоровой, в секретаре Термосесове угадываются нигилисты-отступники, появившиеся у Достоевского позднее – Липутин («Бесы»), Ракитин («Братья Карамазовы») и больше всего Петр Верховенский («Бесы») (Майорова 1997, с.46). Данная проблема взаимоотношений этих мастеров подробно рассмотрена в работах В.В.Виноградова (1961), Е.М.Пульхритудовой (1971), И.П.Видуэцкой (1975) и С.М.Телегина (1995).

Итак, *Измаил Петрович Термосесов* – письмоводитель из Петербурга, секретарь Борноволокова. Протопоп так комментирует его фамилию: «И губастый, и страшный, и в крепости сидел, и на свободу вышел, и фамилия *Термосесов*» (IV, 153). Как было рассмотрено выше, имя и отчество у этого персонажа тоже «страшные». Фамилия *Термосесов* происходит от греч. *therme* ‘жар, тепло’ (Девнегреческо-русский словарь-2, с.780) + *сеськать* ‘дразнить, пересмехать’ (Даль-4, с.179). Термосесов постоянно передразнивает своих собеседников: на замечание Бизюкиной, что «вы уже слишком дерзки», Термосесов ей отвечает: «Те-те-те! – «ви слиськом дельски», а совсем «не слиськом», а только как раз впору» (IV, 166). Или на предложение выпить чаю отвечает: «Ты этим меня не забавляй: я голова не *чайная*, а я голова *отчаянная*» (IV, 168), «вина: – Вина? – повторил Термосесов, – ты «слаще *мирра* и *вина*» (IV, 166).

Данная черта персонажа – передразнивание – может быть рассмотрена как своеобразная пародия на характерную черту скоморошества – искусное владение словом и тем самым еще раз подтвердить рассмотренную выше связь персонажа со скоморохами, т.к. «слово и музыка, наделенные креативными функциями, позволяют быть посредником между мирами» (Баканурский 2004, с.62).

Сема *жар* реализуется в характеристике Термосесова: «черный, с *огненными* глазами» (IV, 153), «он как настоящий ураган.. идет... *палит, жжжет*» (IV, 164), у него «*горячее* сердце» (IV, 168). Огонь, как известно, имеет амбивалентный характер: с одной стороны это «орудие дьявола», с другой, – «божества» (Лихачев, Панченко, Понырко 1984, с.162). На наш взгляд, с семантикой анализируемой фамилии связано первое значение огня.

По замечанию З.Г.Минц и М.Ю.Лотмана, в представлениях славянского фольклора, *огонь* – это разрушительная стихия, в которой в наибольшей степени выделены признаки мгновенности и эсхатологиз-

ма, что ориентирует этот образ, с одной стороны, на Апокалипсис, а с другой, – на «русский бунт» (Минц, Лотман 1983, с.35–41). И Термосесов нарушает духовную стабильность Старгорода – его ревизия приводит к распре, следствием которой явится уход Туберозова, его жены, а затем и его соратников. И перед самым отъездом «успокоенный» известием о собравшихся на берегу недовольных жителях Старгорода секретарь замечает: «Превосходно!.. Бунт! – радостно воскликнул Термосесов и, надев посреди комнаты фуражку, заметил своему начальнику: – Видите, как делают дела!» (IV, 234).

Также жар, нещадный огонь очень часто сравнивают с адом, т.к. «будет мука розная, говорит стих о Страшном суде: иным грешникам будут огни негасимые, иным – зима студёная, иным – смола кипучая, иным – черви ядовитые, а иным – тьма несветимая и пропасть глубокая». Апокрифическая статья «Хождение Богородицы по мукам», рукописи которой восходят к самому началу письменности, рисует полную картину адских истязаний: одни грешники и грешницы мучатся в огненном озере (или огненной реке), погруженные по пояс, по грудь, по шею и с головою; другие возлежат на пламенных одрах; многие повешены за ноги, руки, языки, уши, сердце и поедаемы червями и змеями; некоторых дьяволы прободают железными прутьями и рожнами, а иных сосет лютый змей – чудовище с огненным языком и железными когтями» (Афанасьев-3, с.14).

Прозрачным в этом контексте становится и имя, которым называют Термосесова – *Дионис*. В мифологии *Дионис*, «бог плодоносящих сил, растительности, виноградарства», ради которого «неистовствуют в вакханалиях, тождественен Аиду» (Агбунов 1993, с.129; Баканурский 2004, с.55). А бог *Аид*, как известно, имеет самое непосредственное отношение к аду – он являлся владыкой подземного мира и царства мертвых (Агбунов 1993, с.10).

Таким образом, фамилию персонажа, видимо, тоже можно соотносить с его отчеством *Петрович* в рассмотренной выше его связи с Антихристом.

Адский мотив антропонима поддерживает и сравнение Термосесова с кентавром: «Термосесов же был нечто напоминающее кентавра. При огромном мужском росте у него было сложение здоровое, но чисто женское: в плечах узок, в тазу непомерно широк; ляжки как лошадиные окорока, колени мясистые и круглые; руки сухие и жилистые; шея длинная, но не с кадыком, как у большинства взрослых людей, а лошадиная – с зарезом; голова с гривой вразмет на все стороны; лицом смугл, с длинным, будто армянским носом и с непомерно верхнею губой, которая тяжело садилась на нижнюю; глаза у Термосесова ко-

ричного цвета, с резкими пятнами в зрачке; взгляд его пристален и смышлен» (IV, 159).

Образ кентавра имеет большой диапазон толкований. Так, его связывают с разумом, мудростью, нравственной чистотой, но, на наш взгляд, здесь вероятна ассоциация с фигурой кентавра как символа сил, противоборствующих добру и порядку (Тресиддер 1999, с.142). Заметим, что волосы Термосесова неслучайно сравниваются с гривой, а ноги с «лошадиными окороками» (IV, 159), которые также относятся к «обыкновенным признакам нечистых духов» (Афанасьев-1, с.336).

Дж.Тресиддер считает, что кентавры в христианской иконографии представляют чувственную страсть, прелюбодеяние и ересь (Тресиддер 1999, с.142). И Термосесов полностью оправдывает подобное сравнение – он сознательно толкает на измену жену своего студенческого друга-акцизника: «Чтоб узнать друг друга вполне, нужна randevushka... с политической, разумеется, целью» (IV, 159). Видимо, неслучайно акцизница после разговора с секретарем «не только была влюблена, но она была неисцелимо уязвлена страстью: она на мгновение даже потеряла сознание» (IV, 164). В этой страсти исследовательница Г.А.Шкута также усматривает бесовское начало, подтверждая свою идею словами из второй редакции романа – «Божедомы»: «Она почувствовала к нему «влечение, род недуга», это «симптомы состояния ненормального: это болезнь, которую врачи из немцев называют *Libesfieber*...болезнь эта имеет право быть признанною у всех народов и по-русски должна быть названа *«любовною лихорадкою»* <...> она чертовка, которая дождалась своего черта, и ей нет исцеленья; ей надобен шабаш» (Шкута 2005, с.158).

Примечательной является и трактовка Г.А.Шкуты мотива рыбака, связанного с образом Термосесова: «Термосесов – ловец душ, проданная душа – «улов», а это, в свою очередь, зеркальное отражение библейского мотива рыбной ловли, соотносимого с образом Христа. Разворачивается картина потери людьми христианского, божественного начала» (Шкута 2005, с.164). Термосесов расставляет «всем сети, с кем сводит его судьба: «На удочку попадается почтмейстерша, вскрывшая письмо Термосесова: «Клюнула моего червячка, клюнула!» (IV, 212), а потом добывает для него послание Борноволокова к кузине. «Эта вторая удочка была брошена еще метче первой» (IV, 214). Жалоба мещанина Данилки, поданная при посредстве Измаила Петровича, ставит под удар Ахиллу: «А в городе в это время неустанными усилиями Термосесова была уже затравлена длинная петля» (IV, 222) (Там же).

Итак, секретарь *Измаил Петрович Термосесов* – дьявольский

посланник, противостоящий протопопу Туберовову. Данный антагонизм, как можно заметить, реализуется на ономастическом уровне этих персонажей – семантика антропонима протопопы – *Савелий Туберовов* – соотносится с образом Христа, как было рассмотрено выше, а семантика антропонима секретаря в полной мере реализует дьявольский мотив.

Термосесов «жжет» и уничтожает все то, что встречается на его пути, но не из-за своей личной выгоды. Он до крайности циничен: «Я кого обижу, после на него никогда не сержусь» (IV, 221). Он заставляет Борноволокова называть его [Термосесова – В.В] «подлецом» и «мерзавцем» (IV, 218). «Жестоковыйным проходимцем» (IV, 216) называет автор Термосесова. А в глазах учителя Термосесов – *Дионис, тиран сиракузский* (IV, 200), а сам себя секретарь ощущает *Пилатом*: «Я как Пилат» (IV, 219).

Имена этих правителей широко известны в мировой истории: *Дионис, тиран сиракузский*, по-видимому, здесь имеется в виду *Дионисий Старший* (432–367 до н.э.), тиран города Сиракуз, талантливый организатор и полководец, отличавшийся крайней бесчеловечностью, и *Понтий Пилат* – римский прокуратор, который дал согласие на казнь Христа. Любопытно ещё и то, что *Пилатом* называют человека, совершающего неблагоприятные и преступные дела чужими руками и устранившегося от ответственности (Кондратьева 1983, с.84).

Действительно, Термосесов все «тёмные дела» совершает чужими руками – руками ревизора Борноволокова, который под его давлением подписывает ложные доносы, руками мещанина, написавшего жалобу на дьякона.

Жестокость и беспощадность воплощает и его план действий, который он заставляет принять ревизора, предрекая тому славу *Макиавелли* и *Меттерниха*: «Это будет вами первая высказанная мысль, и она будет повторяться вместе с вашим именем, как повторяются мысли Макиавелли и Меттерниха» (IV,173). Как известно, имена этих деятелей ассоциируются в истории с жестокими действиями: *Меттерних Клеменс* (1773–1859) – это имя австрийского государственного деятеля, канцлера в 1821–1848 гг. и апологета полицейских методов управления, свергнутого революцией 1848 г. Имя *Меттерниха* в сходном ключе встречается и в статье Н.С.Лескова «Мирные толки о весьма немирных историях» 1871 года по поводу событий, приведших к провозглашению Парижской Коммуны: «Вообще легко было в массу, не ознакомленную с истинным положением дел, водворить несколько тревожных опасений, которым в иное время не могло быть даже места. Кроме того, мы русские, тогда воображали себя какими-то

всеобщими охранителями существующих в Европе порядков. Стоило какому-нибудь *Меттерниху* сделать нам намек, что в такой-то французской деревне два человека разговаривали шепотом, и, по видимому, насчет революции, как мы уже готовились чуть не целыми армиями выступить на защиту угрожаемого «спокойствия и порядка» (Лесков 1993, с. 143).

Макиавелли – это итальянский дипломат (1469–1527), имя которого часто используют для обозначения коварного, хитрого человека, готового на все ради достижения своей цели. С таким значением этот антропоним употребляется в старорусском и староукраинском книжном языке уже в начале XVII в. (Отин 2004, с.219). И секретарь предлагает жесткую программу против протопопы: «Начнем свою тактику, которая в развитии своем докажет его вредность, и вредность вообще подобных независимых людей в духовенстве; а в окончательном выводе явится логическое заключение о том, что религия может быть допускаема только как одна из форм администрации. А сколь вера становится серьезной верой, то она вредна, и ее надо подобрать и подтянуть» (IV, 173). Очевидно, что введенные онимы – *Макиавелли* и *Меттерних* – «вскрывают» коварство секретаря и проецируются на него.

Н.С.Лесков не сразу подыскал антропоним секретарю. Во второй редакции романа секретарь именуется *Андреем Ивановичем* и *Михаилом Михайловичем* (Майорова 1997, с.58). Вероятно, вариативность имен была обусловлена сгущением демонических ассоциаций вокруг этого персонажа, а имена *Михаил* и *Андрей* вступили бы в противоречие с положением секретаря в общем идейном замысле «Соборян».

Эти первоначальные имена, возможно, обладают слишком «позитивной» семантикой для такого беспощадного героя: имя *Андрей* отсылает нас к фигуре *Андрея Первозванного*, который, по народным представлениям, предсказал появление города Киева. К тому же «святой Андрей Первозванный – русской церкви камень», а также это имя «связывает церковь Константинопольскую с Русской церковью» (Русские имена в исторических, церковных и народных праздниках 2002, с.44). Писатель трепетно относился к этому имени, и именно в честь него, по воспоминаниям сына писателя, был назван его сын *Андрей* (Лесков 1954, с.220). А с именем *Михаил*, очевидно, связан *архангел Михаил*, которого называют «архистратигом», главным вождем небесных сил – ангелов, потому что под его начальством остались верны Господу и воспевают Его славу все прочие ангелы (Русские имена в исторических, церковных и народных праздниках 2002, с.279).

Исходя из всего выше сказанного, становится практически провидческим диалог Туберозова и губернского предводителя об имени Термосесова:

«– Не правда ли, ужасно! – воскликнул, расхохотавшись, Дарьянов.

– А что вы думаете, оно, пожалуй, и вправду ужасно! – отвечал Туберозов. – Имя человеческое не пустой звук: певец «Одиссеи» недаром сказал, что «в минуту рождения каждый имя свое себе в сладостный дар получает» (IV, 154).

Ревизор князь *Афанасий Федосеич Борноволоков* появляется в Старгороде одновременно со своим секретарем. К фамилии этого персонажа Н.С.Лесков пришел не сразу. В ранних редакциях фигурировали *Брызгалов*, *Иноземцев*, *Новокшенов* (Майорова 1997, с.102). Хотя имя князя восходит к греч. *Атанасиос*: *атанатос* ‘бессмертный’ (Суперанская 2003, с.122), его жизнь не была долгой – она обрывается после отъезда из Старгорода: «Умер «скорописною смертию» (IV, 242). В романе Борноволоков скорее является просто *Афоней*. Заметим, что *Афоней* называют задиристого человека – *Тихонько*, *Афоня*, *не обтрепайся* (Отин 2004, с.61). Но Борноволоков является носителем прямо противоположных качеств: он безынициативен, он является своеобразным приложением к секретарю, да и к тому же «связан» шантажом своего секретаря – в нем «ничего не горит и не светится» (IV, 159).

Неслучайно и сравнение персонажа с ершом: «Ревизор был живое подобие уснувшего ерша: маленький, вихрястенький, широкопёрый, с глазами, совсем затянутыми какою-то сонною влагою» (IV, 159). Здесь действует опять тот же зеркальный принцип: *ершом* называют человека строптивного – «он *щуже поперек горла ершом* станет», – говорят в народе. А *ершиться* – означает противиться, спорить, даже стараться вызвать ссору (Коринфинский 1994, с.449). Да и к тому же нельзя не вспомнить и знаменитого *Ерша Ершовича* из «Повести о Ерше Ершовиче», наделенного такими эпитетами, как «щетинник и ябедник, блудник и бражник», «лихая образина, раковые глаза, острые щетины», «обмерщик, обварщик, лихой человек, постылая собака» (Евдокимова 2001, с.154).

Этот персонаж полюбился читателям за свои смелые ответы судьям: «Ловкий ерш <...> смело отвечающий судьям, отводящий всех свидетелей, <...> понравился именно своей смелостью» (Евдокимова 2001, с.154). Заметим, что Борноволоков – ревизор, имеющий самое непосредственное отношение к суду. Но Борноволоков возможно не лишен всех этих указанных качеств, а просто их утратил и теперь стал

безразличным ко всему происходящему, но когда-то он был таким ловким ершом: «Он казался ни к чему не годным и ни на что не способным; это был не человек, а именно сонный ерш, который ходил по всем морям и озерам и теперь, уснув, осклиз так, что в нем ничего не горит и не светится» (IV, 159).

В сравнении ревизора с *ершом* заключены скопившиеся представления о последнем и актуализировано в герое качество, можно сказать, зеркально отраженное – качество своеобразной «уснувшей» ловкости. Подобный авторский прием, по мнению О.В.Евдокимовой, направлен на то, «чтобы разнообразие читательских восприятий покоилось на некоторой константе. Читатель должен в таком случае «узнать или припомнить героя» (Евдокимова 2001, с.154).

Борноволокнов индифферентен на протяжении своего пребывания в Старгороде. Он ни с кем не разговаривает, а единственный его собеседник в романе – это секретарь. Поддерживает молчаливость ревизора и образ воды и ерша – в общем смысле рыбы. Видимо не зря автор называет его «бессловесным вихрястым князем» (IV, 165). А наиболее «очевидным образом, синтезирующим семантику воды и молчания в культуре, является образ рыбы» (Богданов 1997, с.221) – *молчит как воды в рот набрал и нем как рыба*. Небезосновательна в этом смысле и еще одна ассоциация с кратким именем *Афанасий* – *Афоня*. Фонетически это имя близко слову *афония* (гр. *aphōnía* немота), которым называют утрату голоса или *безголосье* (Словарь иностранных слов 1999, с.77).

Борноволокнов и «бессловесен», т.е. нем. А поймал его, как рыбу, секретарь – неслучайно одним из его средств заманивания в свои ловушки в переносном смысле является *удочка* – «эта удочка была брошена еще метче первой» (IV, 214).

Фамилия ревизора *Борноволокнов* образована от существительного *борноволок* ‘парнишка негодный еще в иную работу’ – *свой борноволок дороже чужого работника* (Даль-1, с.117). Итак, Борноволокнов – это *ведомый* в ревизии Старгорода, тогда как главным *ведущим* является Термосесов. Термосесов сочиняет донос на Туберозова, но так как Термосесов всего лишь письмоводитель, ему необходима подпись ревизора Борноволокнова. Термосесов получает подпись Борноволокнова, шантажируя его. Сам ревизор не является инициатором действий, он лишь фактический их исполнитель. При попытке изменить свой «статус», Борноволокнов слышит от Термосесова: «Я терн в *листах твоего венца*. *Носи меня с почтеньем!*» (IV, 174). Носит на себе ревизор и бриллиантовое кольцо акцизницы, украденное своим секретарем: «Носил эти драгоценности чуть ли не на самом себе; они были

защиты в его шинели» (IV, 222).

Связь между ревизором и его секретарём поддерживает и одно замечание, которое автор бросает в сторону Термосесова, – «острая бестия» (IV, 241). А секретарь Термосесов, обдумывая, как заставить подписать ложный документ Борноволокова, называет его *канальей*: «Подпишет ли *каналья* Борноволоков эту штуку?» (IV, 211). Эти слова – *каналья* и *бестия* – в паре входят в устойчивое выражение *за бестию двести, а за каналью ничего* (Михельсон-1, с.52). Смысл этого высказывания точно отражает значимость Термосесова и Борноволокова по отношению друг к другу и к их действиям. Причем это выражение М.И.Михельсон иллюстрирует примером из повести Н.С.Лескова «Смех и горе» (первоначальная публикация в 1871г.): *Планы и предначертания сыплются из рога изобилия, а осуществлять их неведомо как! Всякий бестия на своём месте и всяк стоит за свою шкуру* (Там же). Очевидно, что тот смысл, который вкладывает автор в данную характеристику – *бестия*, вводится автором и в другом произведении с той же смысловой нагрузкой.

Отметим и еще одну деталь. Термосесов, «подстрекая» ревизора стать на свою сторону, предлагает тому уже готовые амплуа: «Будьте-ка вы *Иван Царевич*, а я буду ваш *Серый Волк* <...> я вам, если захочу, помогу достать и златогривых коней, и жар-птиц, и царь-девиц, и я учиню вас на господстве» (IV, 172). В русском фольклоре известный персонаж *Серый Волк* является главным помощником и неотъемлемым спутником *Ивана Царевича*. И в паре *Термосесов – Борноволоков* именно секретарь выдает все идеи, которые покорно реализует ревизор.

Приезд этих петербургских чиновников – секретаря и ревизора – нарушает спокойствие Старгорода. И видимо всю «работу» заезжих гостей можно свести к известному изречению – *огонь да вода – нужда да беда* (Даль 1994, с.573), приняв во внимание проанализированную семантику их онимов: *Термосесов – огонь, а Борноволоков – вода*.

Фигурируют в романе и местные, старгородские чиновники. Но они слабы, даже точнее сказать – бессильны перед чиновниками из Петербурга – это городничий *Воин Васильевич Порохонцев*, губернский предводитель *Пармен Семенович Туганов* и акцизный чиновник *Бизюкин*.

О характере личности городничего *Порохонцева* читатель узнает из дневника протопопа в связи с его назначением в Старгород и со скандалом с костями. Протопоп надеется на помощь со стороны исправника, но слышит лишь общий и невразумительный ответ, что все сделано «в интересах просвещения» (IV, 82). Городничий – ротмистр,

и носит он подходящее военному человеку имя *Воин*. Имя персонажа является древнерусским по происхождению – *Воин* др.-рус – ‘воин, боец’ (Тупиков 2004, с.89). Отчество ротмистра восходит к имени *Василий* – из. *греч. Басилиос: базилейос* ‘царский, царственный’ (Суперанская 2003, с.140). Протопоп неоднократно иронически выставляет его мнимую воинственность: «Он сказал, что по-ихнему, по-полковому, не надо о том жалеть, когда, подпивши, целуешься, ибо это всегда лучше, чем выпив да подерешься» (IV, 63). Да и действительно, о какой храбрости и твердости в характере можно говорить у человека, который провел «полжизни в кавалерийской конюшне, где учатся коням хвост подвязывать» (IV, 82).

Фамилия ротмистра – *Порохонцев* – восходит к слову *порохно* ‘что-либо перегнившее в россыпь, в прах’, а *порохняный* ‘рассыпчатый, трухлявый’ (Даль-4, с.321). Рассыпчатость и легкость этого вещества (порохно) символизируют слабость организаторских качеств городничего. Вполне вероятным является и использование Н.С.Лесковым «народной этимологии»: в фамилии заметна связь со словом *порох*. Данная версия не лишена смысла, т.к. городничий в прошлом был военным – порох сохраняет эту связь. Получается, что писатель одновременно обыгрывает *порохно* и *порох*. Таким образом, автор, назвав городничего *Воин Васильевич Порохонцев*, имел в виду несостоятельность своего героя на военном поприще и на поприще чиновника.

Исправница *Ольга Арсентьевна*, жена Порохонцева, встречается нам только однажды, в эпизоде ее собственных именин, на которые собирается все «высшее» старгородское общество. На своем празднике она ведет себя под стать своему мужу: праздник развивается сам по себе, а главными координаторами являются все гости, но только не сами хозяева Порохонцевы.

Имя исправницы *Ольга* восходит к сканд. *Хейльга: хейла* ‘святая’, а отчество *Арсентьевна* – к мужскому имени *Арсентий / Арсений* из греч. Арсениос: *арсен* ‘муж, мужчина’ (Суперанская 2003, с.118, 421). Но Ольга Арсентьевна демонстрирует отсутствие таланта «управления» и организации «досуга» приглашенных гостей в ее дом, что в широком плане дублирует такую же поведенческую стратегию ее мужа, но только в управлении Старгородом.

Дарья Николаевна Бизюкина – акцизница. Дьякон Ахилла называет ее пренебрежительно *Данка Нефалимка*. По мнению комментаторов, этот антропоним образован следующим образом: *Данка* – «уменьшительное от *Дарья*, а *Дан* и *Нефалим* в библии имена двух сыновей Иакова (Книга Бытия)» (IV, 527).

О.М.Хмелева предлагает следующее толкование фамилии *Бизюкина*: связывает ее с зоонимами «бизон» (грубый, толстокожий) и «гадюка» (язвительная, жалищая) (Хмелева 2004, с.247). Правда, О.М.Хмелева исходит из выделения в романе группы героев «разрушителей-«трутней» на основе фоносемантического и этимологического анализа», в которую и включает героиню (Там же, с.246).

На наш взгляд, фамилия героини – *Бизюкина* – происходит от слова *бизый*, что значит ‘подслеповатый, близорукий’ (Даль-1, с.86). Примечательно, что акцизница Бизюкина постоянно пытается «ослепить» окружающих – скрыть свою реальную сущность. При этом сама акцизница оказывается «слепой» – принимает Борноволокова за Термосесова, путает своего мужа с учителем, влюбляется в Термосесова, потому что «во всем, что она слышала, было очень много чрезвычайно удобного и укладливого. Ей это нравилось» (IV, 164).

Мотив мнимого блеска поддерживают и бриллианты, которые секретарь украл у Бизюкиной. Таким образом, фамилия отражает основное качество героини – ее стремление выдавать желаемое за действительное.

Заметим, что Н.С.Лесков фамилией *Бизюкина* и той семантикой, которую она несет, отчасти продолжает литературную традицию именования персонажей первой трети XIX века. Как отмечает А.Б.Пеньковский, «в реальной жизни этого времени существовало множество «световых» фамилий (ср., например, *Светов*, *Светлов*, *Солнцев*). Еще более широкий выбор таких фамилий предлагала литературная практика первой трети XIX века. Ср. хотя бы фамильные имена комических персонажей в амплу «ложного» жениха, чьи достоинства оказываются ложным, мишурным блеском – многочисленные *Блесткины*, *Фольгины*, *Зарницкие* у М.Н.Загоскина, А.Вешнякова, А.А.Шаховского, и их пародийные отражения у Грибоедова: *Звездовы* в комедии «Студент» (1807–1808), *Блестов* в комедии «Притворная невинность» (1818), князь *Фольгин* и князь *Блес(т)кин* в пародии «Лубочный театр» (1817)» (Пеньковский 1999, с.43). В этом же ключе созданы и фамилии героев драмы М.Ю.Лермонтова «Маскарад» – *Звездич* и *Штраль* (Там же).

И, действительно, мотив блеска «оборачивается» внутренней слепотой героини в духовном плане. Акцизница Бизюкина вспоминает *Машу* из романа «Живая душа». Ее жених, по словам акцизницы, «побил все статуи и порвал занавески» (IV, 156). Практически то же самое, но в несколько смягченном варианте, делает и Бизюкина: «Сделала на письменном столе два пятна чернилами, опрокинула ногой в углу плевальницу и рассыпала по полу песок» (Там же). Наведение мнимо-

го беспорядка в доме символизирует разрушение «своих статуй», т.е. своих убеждений, идеалов, сложившегося образа жизни (Шкута 2005, с.156). Но можно предположить, что Н.С.Лесков берет и более широкий план – героиня отказывается не только от своих убеждений, как считает Г.А.Шкута, но и, на наш взгляд, она отказывается от своей культуры в целом, легко и быстро «подстроившись» и впусив в свой дом чужеземца Измаила Термосесова: имя *Измаил* соотносится, как было рассмотрено выше, с *измаильтянами* – восточными кочевыми племенами, приходившими с набегами на Русь, исповедовавшими нехристианскую, обыкновенно – языческую веру, позже магометанство. Символичным является и то, что Бизюкина прячет образ – главный оберег дома.

Термосесов, словно чувствуя, что акцизница на его стороне, называет ее *Иродиадой*: «Полюби и стань моей *Иродиада*» (IV, 170). Здесь Термосесов цитирует поэму Г.Гейне «Атта Троль» (1841). С этим именем часто ассоциируется факт женского прелюбодеяния, разврата: *Иродиада* – внучка Ирода Великого и сестра Ирода Агриппы I. Она сначала вышла замуж за своего дядю Ирода Филиппа I, а потом вступила в кровосмесительное сожителство с другим своим дядей, Иродом Антипой, несмотря на то, что ее первый, хотя и незаконный муж, был еще жив (Библейская энциклопедия 1990, с.206). Здесь автор намекает на возможные последствия страстной влюбленности героини: «Коварный незнакомец смертельно покори́л сердце Данки. <...> она его уже любила» (IV, 164). И Бизюкина оправдывает то, как ее секретарь называет: *Иродиада*.

Любопытно, что на вопрос секретаря о ее врагах, она отвечает, что у нее два злейших врага: «Один... это здешний дьякон Ахилла <...> А другой: протопоп Туберозов» (IV, 170). Заметим, что враги являются представителями духовенства. И именно этим врагам достается в полной мере затем от Термосесова. *Иродиада* была главной виновницей мученической кончины Иоанна Крестителя, который открыто обличал ее гнусное прелюбодеяние (Библейская энциклопедия 1990, с.206). Таким образом, оним *Иродиада* также подтверждает и символичность антропонима секретаря – его связь с темными силами, т.к. Иоанн Креститель – фигура христианского мира. А затронутая тема врагов Бизюкиной посредством этого онима вскрывает противостояние двух основных фигур романа – протопопа Туберозова и секретаря Термосесова.

Бизюкина просто боится, что из-за несоответствия убранства своего дома столичному – «Одно досадно: не знаю, как именно у них все в Петербурге?» (IV, 155) – будет выглядеть как героиня *Маша* из

романа «Живая душа»: «Я не хочу, чтобы новые люди обошлись со мной как-нибудь за эти мелочи. Я не хочу, чтобы мне Термосесов мог написать что-нибудь вроде того, что в умном романе «Живая душа» Маша написала своему жениху, который жил в хорошем доме и пил чай из серебряного самовара. Эта умная девушка прямо написала ему, что, мол, «после того, что я у вас видела, между нами все кончено <...> Я знаю, как надо принять деятелей!» (IV, 155). В этом романе главная героиня Маша действительно отказывает своему жениху, потому что находит его богатство несовместимым со служением перedomым идеям.

Упоминание *Маши* и самого названия произведения «*Живая душа*» отнюдь не случайно. Это роман, автором которого являлась Марко Вовчок (псевдоним М.А.Вилинской), был напечатан в «Отечественных записках» в 1868 году. Н.С.Лесков был знаком с М.А.Вилинской и считал ее «умной и талантливой писательницей» (Майорова 1997, с.226). Эпизод с Машей был вписан Н.С.Лесковым на полях уже готового текста одного из вариантов редакций «Соборян» (Там же, с.29).

Любопытно, что, как замечают комментаторы романа, письма, которое приводит в «Соборянах» Н.С.Лесков, и некоторых других эпизодов, связанных якобы с «*Живой душой*», нет в романе Марко Вовчок (IV, 534). Данный прием, когда автор намеренно искажает прекрасно известные ему исторические факты, сознательно, целенаправленно видоизменяет, переворачивает их во имя собственного замысла, является не редким в творческой лаборатории многих писателей. При этом, как замечает Е.Цимбаева, указание на расхождение между исторической и художественной правдой важно тем, что позволяет проникнуть в мастерскую писателя, уяснить его художественную и идейную концепцию (Цимбаева 2004, с.179).

Видимо, намеренно исказив оригинал, Н.С.Лесков отразил свой взгляд на творчество Марко Вовчок. Одобрительно отзываясь о многих ее произведениях, в частности, о «Записках причетника» (1869), писатель крайне отрицательно воспринял роман «Живая душа» как произведение тенденциозное. Он писал, что роман – «вещь чудовищная по уродливости замысла, бедности содержания и даже неискусству ее исполнения» (X, 91). А в обзоре из цикла «Русские общественные заметки» Н.С.Лесков иронически пересказывал содержание романа Марко Вовчок: «Здесь герой, чтобы избавиться от ига богатства, дерет пальцами кружевные занавесы, а другой ездит «делать предприятия», и куда ни придет, сейчас поселится в хатке и «пишет» – точно приказный, проверяющий тайком ревизские сказки» (Майорова

1997, с.226). Писатель переносит эту иронию над «Живой душой» и в «Соборян» – акцизницу также не устраивают ее занавески, которые она приказывает убрать: «Эй, Ермошка, подавай мне сюда занавески! Скорей свертывай их» (IV, 156).

Эта сознательная ирония расценивается М.Протопоповым как недостойный прием серьезного автора: «Неужели это мелкое шпынянье достойно серьезного писателя? Неужели в этом продергивании невиннейшего и безцветнейшего романа г-жи Вовчок, напечатанного когда-то в некрасовских Отечественных Записках, не сквозит чувство личного раздражения, готовое брать и мытаньем и катаньем» (Протопопов 1902, с.195).

Таким образом, ономастика вскрывает едкую иронию автора, привнесенную им в текст романа из его собственного жизненного опыта.

У Бизюкиной есть муж, «либеральный акцизный чиновник, очень недурной человек, с незначащею, но не злою физиономиею» (IV, 199), который, как и его жена, тоже оказывается слеп, но в отношении своей жены: он не видит ее страстного влечения к секретарю. Недаром секретарь так его характеризует: «Он *фофан* – и больше ничего» (IV, 161). *Фофаном* в народе называют простака, простофилю – *ни от камен меду, ни от фогана плоду* (Михельсон-2, с.453).

В тексте «Соборян» имя Бизюкина снято, тогда как во второй редакции оно упоминается – *Митрофан Егорыч* (Майорова 1997, с.54). Это имя соотносится с семантикой его фамилии. А сам в целом антропоним *Митрофан Егорыч Бизюкин* характеризует его обладателя как простака, недалекого человека: имя *Митрофан* заставляет вспомнить *Митрофанушку*, персонажа пьесы Д.И.Фонвизина «Недоросль» (1792 г.), а имя *Егор* входит в устойчивое выражение *объегорить*, т.е., обмануть, обвести (Отин 2004, с.137).

Итак, фамилия семьи Бизюкиных соответствует своим носителям и метко отражает их жизненную позицию.

Имя губернского предводителя представляет собой трехчастный антропоним – *Пармен Семенович Туганов*. Имя *Пармен* образовано из *греч. Парменос*: *пармено* ‘стойко держаться’, а отчество восходит к имени *Семен* из *греч. Симеон*: др.евр. *шим-он* ‘слышащий’ (Суперанская 2003, с.268, 298). Но *Пармен* вовсе не *стойек* или *непоколебим* в своих действиях и утверждениях: например, он не может окончательно решить ситуации с кражей солдатом иконы – свое заявление по этому поводу «он еще не считает достаточно сильным» (IV, 80).

Заглянем и в этимологию фамилии этого героя: *Туганов*, вероятно, происходит от *тугой*, т.е. ‘упорный, стойкий, упругий’ (Даль-4,

с.440). Безусловно, предводитель, обладает всеми этими качествами, но только с прямо противоположными значениями – *неупорный, нестойкий, гибкий*. «Играет» здесь и отчество предводителя – *Семеныч*, фонетически близкое глаголу *сѣмать*, т.е. ‘нерешаться, колебаться’ (Даль-4, с.173).

Свою гибкость, которая скорее является нерешительностью, страх перед принятием решения и мягкость во взглядах он прикрывает якобы своей либеральностью и свободомыслием, за которые он и был не зря прозван *Вольтером* – «за свои права и вольности» (IV, 79). «Сей Туганов, некогда чититель Вольтера, заговорил со мною с грустью и в наидружнейшем тоне», – так говорит о Туганове протопоп (Там же, 80).

Часто человека, отличающегося свободомыслием, вольнодумца называют *Вольтером* (Отин 2004, с.106). Но *вольтерьянство* Туганова мнимое и служит лишь прикрытием, защитной оболочкой от проблем внешнего мира. На решительный призыв протопопа к борьбе, к неизбежным ссорам и страданиям во имя правды, Туганов заявляет: «Да, тебе что, неотразимо что ли уж хочется пострадать? Так ведь этого из-за пустяков не делают. Лучше побереги себя до хорошего случая» (IV, 184).

Возможна и еще одна версия происхождения фамилии предводителя: *Туганов* – от тюркского мужского имени *Туган*, что означает ‘родной’ (Федосюк 2002, с.200). Вспомним здесь семантику отчества персонажа *Семеныч* – ‘слышащий’ (Суперанская 2003, с.298) и также учтем совпадение этого отчества с отчеством самого писателя – *Семенович*. Показательной является реплика, которую бросает протопоп, услышав подъехавшую четверку: «Пармен Семеныч? Ты ли это, друг?» (IV, 154). И близка здесь пословица, согласно которой *для друга все не туго* (Даль-4, с.440).

Пармен Семеныч Туганов – это самый близкий друг протопопа, почти как родной человек, но, к сожалению, не *слышащий его*, т.е. не разделяющий его стремлений и чаяний. Все компоненты антропонима отражают в своем целом основное качество предводителя – мягкость, выдаваемую за либеральность в отношении к происходящим событиям.

На наш взгляд, здесь нельзя говорить о превалировании первого или второго толкования фамилии этого героя, потому что, скорее всего, они являют собой контаминацию, которая свидетельствует об особой тщательной «прорисовке» каждого компонента данного антропонима и всего его в целом в тексте.

Не видит протопоп стремления к возрождению города у общества, и не видит он и помощи от жителей, и никому он не может рас-

сказать о своих планах: «не чиновникам», «не дамам или, наконец, даже Туганову, от которого он ждал поддержки как от коренного русского барина» (IV, 203). И, видимо, в такой позиции чиновников заключен столь оглушительный успех петербургских гостей и объяснен случившийся парадокс: один петербургский чиновник Термосесов «переворачивает» все в городе, не встречая никаких попыток изменить ситуацию со стороны местного управления.

Коснулся в романе автор и армии.

Среди приглашенных на именины почтмейстерши был инвалидный капитан *Повердовня* – «старый кавказский майор, по поводу которого ходила пословица «глуп как кавказский майор» (IV, 244). Личность настолько «неудобная к беседованию» в глазах акцизницы, что та искусно прячет его «в прохладном чулане, где стояли вина и приготовленная закуска» (IV, 244, 255).

Фамилия капитана – *Повердовня* – происходит от глагола *повередить* / *повередовать* ‘попричудничать’ (Даль-3, с.142). И капитану удастся *попричудничать* и, тем самым, «позабавить» светское общество». На вечере «он сидит как божок и чувствует, что он «душа общества», и готовит обществу еще новый сюрприз» (IV, 255). Он читает нелепые стихи, пишет любовные стихи аристократке Мордоконаки.

И в итоге, в конце вечера, капитан Повердовня сделал такой «сюрприз, какого никто не ожидал, и эффект его был полнейший» (IV, 256). Капитан разыгрывает учителя, в результате чего тот «зажмуря глаза, издали коснулся усов Повердовни: капитан на него страшно зарычал и неожиданно гавкнул по-собачьи. Варнава, не снеся этого вскрикнул и, кинувшись пантерой на исправника, начал в беспамятстве колотить кого попало» (IV, 256).

Кстати, эпизод со стихами, которые пишет Повердовня в честь столичной гостьи, удостоившей своим посещением их провинциальное общество, по мнению И.В.Столяровой, напоминает эпизод в «Мертвых душах», где Чичиков неожиданно получает «кудревато написанные стихи от некой таинственной незнакомки» (Столярова 1978, с.91).

Капитан Повердовня является инвалидом и «начальником инвалидной команды» (IV, 242). Н.С.Лесков неоднократно подчеркивает физический недостаток своего героя. Нельзя тут не вспомнить еще одного капитана-инвалида русской литературы XIX века гоголевского капитана *Копейкина*: «Под Красным или под Лейпцигом, только, можете вообразить, оторвало ему руку и ногу» (Словарь персонажей русской литературы: Вторая половина XVIII–XIX в. 2000, с.135).

По одной из версий «при выборе и создании образа Копейкина Гоголь пользовался источниками песенного творчества, записанными

П.В.Киреевским в Орловской губернии. Говоря о песнях, посвященных разбойнику Копейкину, издатель и редактор Песен, собранных П.В.Киреевским, А.П.Бессонов писал: «Предлежащие образы чрезвычайно любопытны еще и в том отношении, что вместе с преданиями, их окружающими, породили под пером Гоголя знаменитый рассказ о проделках необыкновенного Копейкина в «Мертвых душах»; герой является там без ноги именно от того, что по песням оступился ногою (то левою, то правую) и повредил ее... (мы помним лично слышанные живые рассказы Гоголя на вечере у Дм.М.С[вербеева]» (Цит. по: Ковалев 2005, с.145).

И, действительно, фамилия Повердовни свидетельствует не только о его «причудах», но и также о его физическом недостатке: *Повердовня*, может быть, от глагола *повредить*, т.е. 'нанести вред'. Наверняка, мастер тонких лингвистических каламбуров Н.С.Лесков, высоко ценивший творчество Н.В.Гоголя, не мог не заметить и не обыграть созвучие форм глаголов *повредить* (*повередовать*) 'попричудничать' / *повредить* 'нанести вред', которое, кстати, в семантическом отношении четко воплощается в тексте.

К тому же, интересным в этом плане оказывается замечание И.В. Столяровой о том, что «неудавшийся вечер у почтмейстерши составляет известную параллель изображенной в «Мертвых душах» купеческой пирушке, устроенной «на русскую ногу с немецкими затеями. Пирушка, как водится, кончилась дракой. Сольвычегодские уходили насмерть устьсысольских, хотя и от них понесли крепкую садку на бока, подмикитки и в подсочельник, свидетельствовавшую о непомерной величине кулаков» (Столярова 1978, с.91).

Эта параллель в творчестве Н.С.Лескова и Н.В.Гоголя свидетельствует о том, что «в понимании обоих писателей тот духовный примитивизм, который проявляет себя в подобных нелепых происшествиях, – это не только специфически провинциальная черта, но и общая особенность русской жизни, демонстрирующая степень ее неразвитости» (Там же).

Следующий второстепенный персонаж – лекарь *Пуговкин*, который «шутя продержал меня [Туберозова. – В.В] в карантине, ибо ударился с кем-то об заклад, что, стоит ему захотеть, я месяц дома просижу. С этою целию он и запугивал меня опасностью» (IV, 76).

Фамилия лекаря восходит к апеллятиву *пуговица*: *Пуговкин* от *пуговка* < *пуговица*. Любопытно, что в словарной статье к существительному *пуговка* М.И.Михельсон даёт такой афоризм: *на чужой рот не пуговицу нашить* – болтать, сплетничать (Михельсон-1, с.629). И, видимо, не случайно протопоп Туберозов так характеризует его: «Ле-

карь-лгун, принадлежащий к той науке, члены которой учеными почитаются только от круглых невежд» (IV, 82). Очевидно, что лекарь *Пуговкин* является одним из представителей врачей-шарлатанов: «Чтобы крестьяне остерегались шарлатанского лечения знахарей и бабок, нередко расстраивающих здоровье навеки, а обращались бы тотчас за помощью к местным врачам и ветеринарам. А где же у нас сии «местные врачи и ветеринары?» (IV, 82). Свидетельством такого «профессионализма» служит рассказ Пуговкина о том, будто «он, выпив по ошибке у Плодомасова вместо водки рюмку осветительного керосина, имел-де целую неделю живот свой светящимся» (IV, 82). Таким образом, фамилия *Пуговкин* характеризует шарлатана, обманщика и хвастуна.

Подобное наделение героя-лекаря отрицательными чертами имеет, видимо, и отчасти реалистическое объяснение: отношение самого автора к врачам. Он посвятил врачам несколько статей еще в начале своей карьеры (например, «Несколько слов о врачах рекрутских присутствий» и «Несколько слов о полицейских врачах в России» в «Современной медицине», 1860, № 36, 15 сентября и № 39, 6 октября), где словно иллюстрировал пословицу «Врачу, исцелися сам» и делал читателя свидетелем получения взяток эскулапами (Грелов 1983, с.163).

Служба почтмейстера *Тимофея Ивановича Тимонова*, пожалуй, всецело отражает ситуацию на русской почтовой службе, наверное, с момента ее образования – «Что на почте письма подпечатывают и читают – сие не новость» (IV, 64). Такая запись появляется в дневнике протопопа 20-го декабря. И, продолжая традицию своих коллег, «Тимофей Иванович, подпечатывая письма, нашел описание Тугановского дела <...> На что же сие делают, на что же и подпечатывание с болтовством, уничтожающим сей операции всякое значение <...> Не достойнее ли бы было, если бы ничего этого, ни того, ни другого, совсем не было?» (IV, 74–75) .

Имя почтмейстера *Тимофей* происходит из греческого ‘почитающий бога’ (Федосюк 2002, с.106), а отчество из мужского имени *Иван*, т.е. из др.-евр. *йоханан* ‘Бог милует’ (Суперанская 2003, с.192; 314). Фамилия персонажа, как можно заметить, дублирует его имя: *Тимонов* восходит к тому же источнику, что и имя. При этом вероятно, «правильнее» был бы вариант *Тимонин* или *Тимохин*, *Тимошин*. Частичное совпадение одного компонента в имени и фамилии персонажа – *тимао* ‘почитать’ – заявляет о прямой преемственности героя и о его непоколебимом *почтении* опыта в «подпечатывании» писем предыдущих поколений почтовых служащих. А отчество почтмейстера – *Ива-*

нович, ввиду его самой широкой распространенности на Руси, свидетельствует о масштабности существующей болезненной ситуации на почтовой службе. Данный прием – удвоение одного из компонентов антропонима – является не редким в практике именования русской литературы XVIII–XIX веков: например, у Н.В.Гоголя встречаем: Акакий Акакиевич Башмачкин, Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, Лука Лукич Хлопов.

По всей вероятности, при создании образа почтмейстера, Н.С.Лесков не мог не учесть общую ситуацию XVIII–XIX веков в почтовой службе, что подтверждает и то, что сам Н.С.Лесков не раз конфликтовал с этим учреждением на протяжении своей жизни. Однажды, как вспоминает сын писателя, отцу «показалось, что его письма просматриваются, и он заказал себе штамп *«Подлец не уважает чужих тайн»*, который и решил ставить прямо на конверте. Через несколько дней последовал вызов в жандармское управление, подчеркнуто вежливо штаб-офицер объявляет Н.С.Лескову, что по просьбе санкт-петербургского почтамта он обязывается сдать свой штамп и никогда более не разрешать себе никаких отступлений от общеустановленных и для всех обязательных правил.

«– Внутри, – холодно и почтительно говорит жандарм старшего ранга, – пишите и ругайте кого вам угодно, но на конверте ничего, кроме адреса!» (Цит. по: Семенов 1981, с.87).

И жена почтмейстера вторит своими действиями мужу, и за это иронично именуема автором *Тимонихой* по фамилии мужа *Тимонов*. Она, пользуясь служебным положением своего мужа, берет письмо и передает его секретарю, который шантажирует этим письмом ревизора.

Хотя ни в авторской речи, ни в речи других героев романа имя почтмейстерши не упоминается ни разу, но всё-таки один факт позволяет сделать предположение о том, что ее зовут *Матрена*.

Именно так ее называет в своих нелепых стихах чудаки-рифмоплет капитан Повердовня:

Матреной ты наречена
И всем жена предпочтена.
Ура! (IV, 250).

Матрена как коннотативный антропоним, употребляется для обозначения грубоватой и недалекой женщины-простушки (Отин 2004, с.231). А В.И.Даль в своем словаре фиксирует краткую форму имени *Матрена* – *Мотря* – с тем же значением в выражении *Емеля дурачок. Иванушка дурачок. Мотря дура* (Даль 1994, с.442). Поэтому неудивительно, что почтмейстерша несказанно рада, что у ее гостей

«нет на уме ничего серьезного» (IV, 243).

Тимонова демонстрирует своё наивное простодушие в отношениях с секретарем. Заметим, что данная ситуация напоминает мнимое сватовство Хлестакова к дочери городничего. Термосесов, чтобы лишь только заполучить нужное письмо, заставляет своей лестью почтмейстершу принять себя за будущего жениха одной из ее дочерей: «Женщина-друг всегда лучше друга-мужчины, а я доверчив, как дурак, и нуждаюсь именно в такой... женской дружбе!» (IV, 213). И тут же он жестоко насмехается над ее простодушием, которое он для правдоподобности приписывает себе в разговоре с Тимоновой:

«— Да, я вижу, вижу; вы очень доверчивы и простодушны.

— Я дурак-с в этом отношении! совершенный дурак! Меня маленькие дети и те надуют!» (IV, 213).

Вероятна в этом плане и близость фамилии героини с семантикой глагола *тлмиться*, т.е. 'издеваться, насмехаться' (Даль-4, с.405). Получается, что муж Тимонов насмехается над людьми, читая их письма, когда как секретарь в свою очередь насмехается над Тимоновой, которая, как и ее муж, не чужда подобному чтению.

Итак, почтмейстерша Тимонова — глупа и простодушна, она не видит в секретаре Термосесове дерзкого обманщика, который ловко использует ее только для осуществления своих коварных замыслов.

Имя «старгородского бирюча, фактотума и пролетария», «праздношатающегося мещанина» (IV, 119) — Данилка — восходит к имени Даниил из др.-евр. *дани-эль* 'Бог мой судья' (Суперанская 2003, с.162). И, действительно, именно в его руках дальнейшая судьба дьякона: Данилка, не сумев дать отпор секретарю, становится инициатором нелепого «судьбища» (IV, 222) над дьяконом: «Жалоба мещанина Данилки возымела ход, ничтожное происшествие стало делом, требующим решения по законам» (IV, 222). Оправдывает в этом плане Данилка и то, что его называют *фактотумом*. *Фактотум* [от лат. *fac totum* 'делай все'. — В.В.] — лицо, беспрекословно исполняющее чьи-либо поручения (Словарь иностранных слов 1999, с.635). Мещанин беспрекословно подписывает жалобу на дьякона и тем самым становится фактическим *фактотумом* секретаря, желающего учинить бунт в Старгороде.

Монументчика по фамилии Попыгин находит дьякон, чтобы тот сделал памятник протопопу. Попыгин — это «самый худший монументчик, русский жерновщик» (IV, 300), которого находит дьякон для изготовления памятника. Интересно то, по какому принципу дьякон останавливает свой выбор в пользу Попыгина: «Два монументчика из немцев рассердили дьякона тем, что всё желали знать, «позволит

ли масштаб» построить столь большую пирамиду, какую он им заказывал, отмеряя расстояние попросту шагами, а высоту подъемом руки» (IV, 300). «А жерновщик *Попыгин* понял его проще: они всё измерили шагами и косыми саженьями, и уговорились они тоже на слове» (Там же). Здесь словно высвечивается одна из черт русского национального характера через изображение национального характера немцев – их основательность, скрупулёзность подхода к решению вопроса создания памятника и русского «как хотим, так и строим» (IV, 301). И, конечно, дьякону ближе свой родной – русский мастер.

И фамилию этот мастер носит соответствующую своему подходу к работе – *Попыгин* от *попых*, *попышка* ‘спех, суета’ (Даль-3, с.309). Очевидно, что фамилия *Попыгин* связана с выражением *делать в попыхах* – делать что-то быстро и плохо. Но, возможно, неслучайно слышится в фамилии и слово *поп* – *Попыгин*. Заметим, что памятник этот жерновщик делает церковнику или *попу*. «Слышатся» также в этой фамилии *попугай* и *попытка*. Примечательна в этом плане мысль, высказанная Б.М.Друговым о том, что одна из завуалированных идей романа – разрушение православной церкви ее же ревностными хранителями (Другов 1957, с.52). В 1888 году в письме в А.С.Суворину писатель так сказал об этом: «Веры же во всей церковной пошлости я не хочу ни утверждать, ни разрушать. О разрушении ее хорошо заботятся архиереи и попы с дьяками» (XI, 406). Действительно, как эти служители лишь прикрываются попытками спасения основ церкви, так и мастер Попыгин пытается создать памятник архитектуры, но у него выходит лишь бездарная копия: «Это была широчайшая расплюснутая пирамида, с крестом наверху и с большими вызолоченными херувимами по бокам» (IV, 301).

Выбор онимов крепостных в романе традиционен: *Аксинья*, *Фёклинька*, *Марфа*, *Ермошка*, *Фелисата*. Эти антропонимы являются социально-значимыми и представляют собой, как правило, разговорные формы имен.

Аксинья и *Феклинька* – это крестьянки, помогающие по хозяйству семье протопопа. Имя работницы *Аксиньи*, восходит к ониму *Ксениа* – из греч. *xenios* ‘чужой’ (Петровский 2000, с.169). *Феклинька* или, как еще ее называет протопопица, *Фёклушка* – «небольшая, лет двенадцати девочка» (IV, 24). Имя девочки восходит к полной форме имени *Фёкла* из греч. *theos* ‘бог’ + *kleos* ‘слава’ (Петровский 2000, с. 277).

Ермошка и *Марфа* – это имена прислуживающих у акцизницы. Оним мальчишки – *Ермошка* – восходит к мужскому имени *Ермолай* из греч. *Hermēs* ‘Гермес’ + *laos* ‘народ’, т.е. ‘приносящий народу’ (Петровский 2000, с. 135). А имя горничной – *Марфа* – образовано от

греч. *Марфа*: сир. 'хозяйка, госпожа' (Суперанская 2003, с. 411).

Фелисата по прозвищу *Комариха* – крепостная городничего, жена *Комаря*, названная по прозвищу своего мужа – *Комариха* < *Комарь*. А ее имя – *Фелисата*, вариант *Фелицаты*, восходит к лат. *фелицитас* 'счастье, удача' (Суперанская 2003, с. 443).

Все рассмотренные выше крестьянские онимы по происхождению являются греческими, что отражает сложившуюся традицию именования представителей этого социального класса XVIII–XIX века. Здесь Н.С.Лесков словно вторит словам А.С.Пушкина: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами» (Пушкин 1994, с.534).

Но в романе выделяется и другая группа крестьянских онимов, в основе выбора которых лежит другой принцип наречения.

Среди крепостных есть кучер исправника, известный только по своему прозвищу *Комарь*. Н.С.Лесков сам акцентирует внимание на том, что это именно *прозвище*, а не *имя*: «Кучер *Комарь* <...> давно уже утративший свое крестное имя и от всех называемый *Комарём*» (IV, 87). Заметим, что *комарем* в Орловской губернии называют также и муравьев (Словарь орловских говоров-5, с.71). Любопытно, что если *комар* – это насекомое-паразит, то муравей, напротив, вызывает положительные ассоциации. Действительно, кучер *Комарь* добросовестно и покорно исполняет все свои обязанности, начиная с доставки к какому-либо месту своего хозяина и заканчивая банальным намыливанием спины своему помещику.

Кстати, этот случай авторского комментирования имени героя не является единственным в романе. Прозрачно и имя будущего ребёнка *Фелисаты* и *Комаря* – *Комаренок*. На прозвище *Комаря* Н.С.Лесков будто бы «демонстрирует» богатство русского словообразования: *Комарь*, *Комарище*, *Комариха*, *Комаренок*. С.Б.Веселовский упоминает в своем труде «Ономастикон. Древнерусские прозвища и фамилии» новгородского крестьянина с именем Комар, жившем в XVI веке (Веселовский 1974, с. 152).

У дьякона работает отставная горничная *Надежда Степановна* по прозвищу «*Эсперанса*» – 'надежда'. Возможно, что при создании этого образа Н.С.Лесков использовал некоторые черты своей нянюшки *Анны Степановны Каландиной*. Так, перед рождением *Анны Степановны*, владельцы её родителей продали старшую ее сестру *Аннушку*. В горькую память себе и с надеждой назвали и новую свою дочку опять *Анной* (Лесков 1954, с.51).

Если обратить внимание на имя горничной – *Надежда* – и ее

прозвище – *Эсперанса* из исп. *esperanza* ‘надежда’ (Испанско-русский словарь 1988, с.346) – здесь явно происходит семантическое дублирование, т.е. «прозвище могло быть образовано от имени героини, но и в тоже время остаётся связанным с реальной личностью – няней писателя, которая стала «надеждой» для своих родителей после потери старшей сестры» (Вязовская 2006, с.33).

Примечательной также является и характеристика *Эсперансы*: «она могла сколь угодно ей *трещать* и *чекотать*» (IV, 11). Интересно, что глаголы *чекотать* (*чекотать*, *чекушить*) – ‘говорить не умолкая, тарантить’ (Даль-4, с.653) и *каландать* [если учесть этимологию фамилии *Каландина* – от *каландать*. – В.В.] – ‘звенеть, звучать’ (Фасмер-4, с.164) оказываются близкими. В народе о человеке, бойком на словах, говорят, что он *щековатый*, а *щекотухой* называют говорливую женщину (Даль-4, с.653).

Таким образом, Н.С.Лесков лишь частично изменяет имя и фамилию реального человека при создании антропонима персонажа.

Необычные крепостные живут в поместье помещицы Плодомасовой, точнее сказать, крепостные-игрушки. Это карлики, брат и сестра, *Николай Афанасьевич* и *Марья Афанасьевна*. Карлицу Марью Афанасьевну «за братом в придачу даром отдали» (IV, 139). Они принадлежат Плодомасовой, у реального прототипа которой, как мы уже сказали выше, также был карлик (Лесков 1954, с.49).

Николай Афанасьевич сам будто обыгрывает свою особенность в физическом отношении – *карликовость*. Так, он называет «великаном» (IV, 138) свою госпожу, а в Москве, на балу, взобравшись на китайскую пальму, чтобы лучше увидеть происходящее, он не случайно сравнивает себя с *Закхеем Мытарем*. *Закхей Мытарь*, отличавшийся маленьким ростом, согласно евангельскому рассказу, чтобы увидеть Христа, направлявшегося в Иерихон, именно из-за своего маленького роста влез на смоковницу и был замечен Христом. Автор пародирует известную библейскую историю, в результате которой карлик так же, как и Закхей, был замечен, но замечен императором, и после чего его всюду возили и показывали как самого маленького карлика в Москве.

Антропоним крепостного карлика двучастный – *Николай Афанасьевич*. Имя брата восходит к греч. *Николаос*: *никао* ‘побеждать’ + *лаос* ‘народ’, а отчество к имени *Афанасий* из греч. *Атанасиос*: *атанатос* ‘бессмертный’ (Суперанская 2003, с.122; 252).

Как реализуется семантика имени карлика в оппозиции *крепостной / помещица* – *раб / хозяин*, мы уже рассмотрели касательно антропонима помещицы Плодомасовой, и поэтому остановимся на его отчестве – *Николаевич*.

Здесь проявляет себя связь имени *Николай* с фигурой святого *Николая Угодника*. В народных представлениях именно этот святой является самым близким по отношению к Богу и именно к нему чаще всего обращаются с просьбой о заступничестве – он первый заступник перед Богом. И карлик играет роль «оригинального адвоката» (IV, 267), который берет на себя миссию заступничества – то он «сглаживает» общение помещицы и его сестры, то везет «мирскую просьбу» (IV, 265) к начальству по поводу протопопа.

Важным является и мотив прядения – карлик «вязал нитяные чулки» (IV, 134) и «когда-то, и даже бродери англез выплетал» (IV, 132). На *Николая Угодника* возлагается обязанность связывать до купы жизненные нити (веревки, лыки) тем, которые в свое время должны соединиться супружескою связью (Афанасьев-3, с.137). Кстати, и сами *карлики* – маленькие мужички в червонных шапках, известны в сказках благодаря тому, что они прядут золотые нити днем, и ночью медные, а также серебряные и золотые кудели (Там же).

Но мотив прядения имеет и еще один «выход» – сам карлик не женат, а попытка помещицы женить его была безуспешной. Карлик ни с кем не смог *связать* свою жизнь, и даже помещица не смогла помочь ему в этом, хотя в прямом смысле этого слова – *вязать* ‘плести спицами’ (Ожегов, Шведова 1999, с.123) – когда-то он был мастером.

Немаловажной является и деталь в портретной характеристике карлика: «*медвежьи* глазки» (IV, 130), которая также имеет непосредственное отношение к культу святого Николы: «соотнесенность Николы с медведем» (Успенский 1982, с.89). Карлик примерял на себя «*медвежье* платье» (IV, 146), у него был даже «кивер *медвежий*» (IV, 147).

Характерным является и мотив холода, или как его вариант – зябкости. Николай Афанасьевич постоянно жалуется на холод: «Петровки на дворе, – а я все зябну» (IV, 132). *Петровки* – это летний пост, приходящийся на июнь. Т.е., карлик мерзнет даже летом. Он словно зябнет в соответствии со своим именем: *на Николу зима с гвоздем ходит* (Даль-2, с.559). Этот мотив поддерживает и отчество карлика *Афанасьевич*, т.к. мужское имя, от которого оно образовано – *Афанасий*, входит в известное народное выражение-примету, используемое в качестве намека на холодную погоду: *пришел Афанасий-ломонос – береги щеки и нос* (Даль 1994, с.547).

3. АНТРОПОНИМЫ ВНЕСЦЕНИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Среди персонажей романа выделяется группа онимов внесценических персонажей, упомянутых в речи или воспоминаниях автора и различных героев по какому-либо поводу. Это могут быть имена как вымышленных, так и реальных личностей.

Для церковнослужителей низшего ранга в основном характерны имена мучеников или святых: отец *Николай*, отец *Алексей*, отец *Яков*, пономарь *Павел*, пономарь *Евтихеич*, дьячок *Сергей*, дьячок *Лукьян*, дьячок *Прохор*, дьячок *Ефимыч*.

Савелий Туберозов записывает в свой дневник «проделки» представителей духовенства: «Богоявленский протопоп, идучи ночью со святыми дарами от больного, взят обходными солдатами в часть, якобы был в нетрезвом виде. Владыка на другой день в мантии его посетили. О, ляше правителю, будете вы теперь сию проделку свою помнить! » (VI, 56). Фамилия этого персонажа типична для церковнослужителя: *Богоявленский* < *Богоявление* (религиозный праздник).

Протопоп записывает имя человека, подарившего ему календарь, ставший впоследствии его дневником: «По рукоположении меня *4-го февраля 1831 года* преосвященным Гавриилом в иерея получил я от него сию книгу в подарок за мое доброе прохождение семинарских наук и за поведение» (VI, 29). Преосвященный *Гавриил* (Розанов) (1781–1854) был епископом Орловским и Севским в 1821–1828 годах. По мнению комментаторов, здесь у Н.С.Лескова хронологическая ошибка, если сопоставить дату этой записи и время правления Гавриила. Конечно, учитывая то, что роман неоднократно подвергался переработке, причем в сжатые сроки, с одной стороны, можно согласиться с комментаторами, но, с другой, не стоит забывать, что перед нами художественное произведение, в котором, по мнению Е.Цимбаевой, «художественная правда неравнозначна правде исторической», и автор мог намеренно исказить реальные факты (Цимбаева 2004, с.179).

Николай Афанасьевич, карлик помещицы Плодомасовой, рассказывая о своей поездке в Москву, упоминает о встрече с императором и князем *Голицыным*. Разговор крепостного карлика с этими высокопоставленными лицами, поданный в манере беззлобного юмора, подчеркивает ироническое отношение автора к «историческому» событию. Здесь Н.С.Лесков, по мнению В.Семенова, как и Л.Толстой, «снижает» историческое действие до пародии» (Семенов 1981, с.98). Пустячность происшествия, о котором с трогательным воодушевлением рассказывает карлик, ясна даже простодушному дьякону Ахилле, который после этого «вдруг оглушительно фыркнул и, свесив голову

за спинку стула, тихо захохотал» (IV, 144), а потом по этому случаю вспомнил свою встречу с высокопоставленным лицом – графом *Кленыхиным*: «Граф *Кленыхин* у нас семинарский корпус смотрел, я ему поклонился, а он говорит: «Пошел прочь, дурак!». Вот и весь наш разговор, чему я рассмеялся» (IV, 144). Правда, писатель под графом *Кленыхиным* скрывает графа *Клейнмихеля Петра Андреевича* (1793–1869) – генерал-адъютанта, члена Государственного Совета и дежурного генерала штаба Его Величества. *Клейнмихель* принимал участие в работе комиссий по реформированию армии и флота (Семенов 1981, с.98). Таким образом, Н.С.Лесков может как сохранять точные имена реальных исторических лиц, так и изменять их.

Итак, писатель насыщал роман реальными историческими лицами, рядом с которыми и вымышленные герои приобретали большую убедительность и историческую достоверность.

Княжеский управитель, именуемый как *Глич*, известен тем, что мешанина «изловил, посадил в крапиву» (IV, 69) за то, что тот хотел «уворовать у него коня» (Там же).

Бывшего дворецкого помещицы Плодомасовой зовут *Глеб Степанович*. Имя дворецкого восходит к *Гудлейфр*: др.-герм. *гуд* ‘бог’ + *лейб* ‘отдавать’ (под защиту), а отчество – к имени *Степан*: *Степанович* < *Степан* из греч. *Стефанос*: *стефанос* ‘венки, венец’ (Суперанская 2003, с.157, 307). Это имя карлик Никола вспоминает в связи с рассуждениями о судьбе отпущенных на волю крепостных: «Вон у нас дворецкий *Глеб Степанович*, какой был мужчина, просто красота, а на волю их отпустили, они гостиницу открыли и занялись винцом и теперь по гостининому двору ходят да купцам за грош «скупого рыцаря» из себя представляют» (IV, 140) .

Помещица дает вместо вольной карлику всего лишь «кошелечек кувшинчиком» (IV, 137), из которого он одаривает серебряными рублями «свою родню» (IV, 137) – «тятеньке серебряный рубль», «маменьке серебряный рубль, братцу *Ивану Афанасьевичу*» (Там же). А последними четырьмя рублями карлик одаривает семью бурмистра *Дементия*: «Гляжу, бурмистр *Дементий* и подводит и невестушку и трех ребятишек – все в свитках. Всех я <...> одарил» (IV, 137). Имя бурмистра восходит к римск. род. имени *Domitius* от лат. *domo* ‘укрощать’ (Петровский 2000, с.110). С бурмистром *Дементием* связано освобождение семьи карлика и возвращение ее домой: «Стоят три подводы, лошади запряжены разгонные господские <...>, а братцевы две лошаденки сзади прицеплены, и на телегах вижу весь багаж моих родителей и братца» (IV, 137). И поэтому неслучайно именно этому человеку и его семье отдает карлик Никола оставшиеся деньги из пода-

ренного кошелька.

Протопоп все, что на своих проповедях пожелает сказать, обязан «присылать предварительно цензору Троицкому» (IV, 75). Отец *Троицкий* «до поступления в монашество был почитаем у нас за нечто самое малое и назывался «скорбноглавым» (IV, 71). Вероятно, имя цензора восходит к слову *триада*. В данном случае *триада* – это известная формула режима, выдвинутая министром просвещения С.С.Уваровым: «самодержавие, православие и народность» (Графский 1993, с.70). В этой триаде самодержавие объявлялось главным устоем, обеспечивающим мощь и величие. По мысли Н.С.Лескова, правительство принуждает церковь служить администрации. Объясняя церковническую тенденцию «Соборян», он говорит об этом 8 июня 1871 года в письме к П.Щебальскому: «Я не враг церкви, а ее друг, или более: я покорный ее сын и уверенный православный – я не хочу ее опорочить; я ей желаю честного прогресса от коснения, в которое она пала, задавленная государственностью» (X, 329). И поскольку в романе идет речь о возмущающем протопопа подчинении религии потребностям государства, то картина чиновничьих расправ над духовенством, по мнению Б.М.Другова, «выходит весьма двусмысленной: Н.С.Лескову предстоит или сделать мракобесные, клерикальные выводы о «надклассовости» церкви, ее господстве над обществом, или раскрыть действительные связи церкви с обслуживаемым ею государством, ее административно-полицейские функции» (Другов 1957, с. 52). Таким образом, Б.М.Другов полагает, что возможность будущей антицерковной сатиры Н.С.Лескова содержится уже в «Соборях», самом церковном его произведении (Там же).

Консисторский секретарь *Афанасий Иванович* помогает решить трудную задачу, стоящую перед Туберозовым, – он «присоветовал» (IV, 18) распределить «одинаковые посошки» (IV, 12) между протопопом и отцом Захарией в соответствии с их статусом. Он предложил на тростях, «которые пали между старгородским духовенством как библейские змеи» (IV, 12), сделать различные надписи, которые и будут определять владельца трости. Имя секретаря образовано от греч. *Атанасиос*: *атанатос* ‘бессмертный’, отчество – от имени *Иван*: *Иванович* < *Иван* от др.-евр. *йоханан*, что значит ‘Бог милует’ (Суперанская 2003, с.192; 122). Отметим здесь ярко заданный фонетический фон: «консисторский секретарь Афанасий Иванович присоветовал» (IV, 18).

Фонетический принцип проявляет себя и в онимах семьи *бакалейщика* *Лялина*: *братья* *Лялины* и «*бакалейщика* *Лялина* сын, способнейший мальчик *Алиоша*» (IV, 72).

Настя – так звали «некую дурочку» (IV, 35), оболыщенную проходящим солдатом, которая затем «родила и сама, кинувшись в воду, утонула» (IV, 35). В сущности, *Настя* – это *юродивая*.

Как замечает академик Д.С.Лихачев, слова «*дурак*», «*дурочка*» и «*юродивый*» – это синонимы: в словарях XVI – XVII вв. слова «юродство», «глупость», стоят в одном синонимическом ряду» (Лихачев, Панченко, Понырко 1984, с.100). И имя носит эта юродивая надлежащее своему социальному положению: *Настя* < *Анастасия* из греч. *Анастасисос*: *анастасис* ‘возрождение, воскрешение’ (Суперанская 2003, с.109). Это имя в XVIII веке не только «входило в общерусский женский именник, но и было особенно распространено среди крестьянок и в XIX веке воспринималось как сниженное и провинциальное» (Никонов 1974, с.62).

«Сын дурочки Насти» (IV, 35), мальчик по имени *Молвоша*, воспитывается чудачком Пизонским. Оним *Молвоша* происходит от глагола *молвить*. Вероятно, имя ребенка – это слово-обращение. Каждый из жителей Старгорода может *молвить* о нем свое слово, а точнее – о его происхождении: его юродивая мать утопилась, и к тому же ничего неизвестно о его отце. Имя *Молвоша* – своеобразный упрек ребенка в его неизвестном, возможно, «темном» происхождении.

Упоминаются в романе и лица без прямого указания на их социальный статус. Это кузина *Нина*, *Кальярский* и *Финогеша*.

Финогеша – это родной брат дьякона Ахиллы, погибший в драке с «проходившей партией солдат» (IV, 70) из-за куда почти не годных ягод на кусте калины: «И произошла тут между нами великая свалка, и братца Финогешу убили» (Там же). Имя *Финогеша* восходит к *Афиноген* – из греч. *Атена* ‘Афина, богиня мудрости’ + *генос* ‘род, рождение’ (Суперанская 2003, с.122). Роль этого онима в формировании ономастического фона дьякона *Ахиллы* мы уже рассмотрели подробно в главе, посвященной антропонимам главных героев.

Петербургской кузине *Нине* жалуется в письме ревизор Борноволов на «свое несчастье, что он в Москве случайно попался Термосесову, которого при этом назвал «страшным негодяем и мерзавцем», и просил кузину *Нину* работать всеми силами и связями, чтобы дать этому подлецу хорошее место в Польше или Петербурге, потому что иначе он, зная все старые глупости, может наделать черт знает какого кавардаку, так как способен удивить свет своею подлостью, да и к тому же едва ли не вор, так как всюду, где мы бываем, начинаются пропажи» (IV, 215). Примечательно, что с онимом *Нина* всегда употребляется слово *кузина*, что создает определенный фонетический эффект: *кузина Нина*.

«Редкое сегодня и еще более редкое в начале XIX века, – как пишет А.Б.Пеньковский, – полное имя *Антонина* (*Антонина* → *Анто|нина*)

→ *Нина*) или – как уже совершенный раритет – усечение второй степени от принятого в индивидуальном, по-видимому италянизированном, употреблении произвольного ласкательного имени *Аннина* (*Анна* → *Аннина* → *Ан|нина* → *Нина*). Оно, однако, никогда не было и не может быть уменьшительным к каким-либо другим стандартным полным русским именам, <...> поскольку само представляет собой правильную полную форму имени, очень поздно и в этом самом виде вошедшего в русский именослов <...> Вместе с некоторыми другими и специальными условными поэтическими именами (ср. например, *Дорида*, *Темира*) имя *Нина* стало входить в обиход лишь с конца XVIII века под влиянием модной салонной и альбомной поэзии классицистического и сентименталистского толка» (Пеньковский 1999, с.19). Поэтому неслучайно, что *Нина* каждый раз упоминается как *петербургская* кузина, т.е. та, которая живет в Петербурге, т.к. Петербург считался центром светской жизни России того времени. Намек на светскость, утонченность и вместе с тем некую отдаленность – реvisor пишет письмо из провинциального города – поддерживает и то, что «имя *Нина* входит в ряд условных поэтических имен, которые широко использовались в русской поэзии этого времени с полунарицательным значением «возлюбленная», «милая» (Пеньковский 1999, с.24). Возможно, под именем кузины *Нины* могла скрываться возлюбленная ревисора.

К этому имени Н.С.Лесков пришел не сразу. О.Е.Майорова, полагая, что письмо Борноволокова не было полностью отточено автором, приводит первоначальные варианты имени кузины – *Алла Николаевна* и *Лалла Петровна Коровкевич-Базилевич*. (Майорова 1997, с.146).

Персонажи-иностранцы в романе отражают проблему национального вопроса в романе.

В наименованиях иностранцев Лесков идет традиционным в русской литературе путём. Фамилии и имена создаются по законам, опирающимся на повседневный быт и историческую традицию. Можно отметить, что антропонимы иностранцев являются национально-окрашенными.

Имя немки-генеральши *Каролины Карловны Вихиоровой* появляется в рассказе карлика Николая о его неудавшейся женитьбе – она не захотела продать карлицу-невесту. По мнению А.Б.Пеньковского, в русской литературе с середины – конца XVIII века за антропонимом «*Карл Карлович*» закреплена этнонимизирующе-типизирующая функция» (Пеньковский 2004, с.350). Этим объясняется то, что в русской прозе XIX века многочисленные персонажи второго и третьего плана немцы, «немецкие уроженцы» <...> Карлы Карловичи» (Там же, 326).

Имя и отчество этой героини восходят к др.- герм. имени *Карл*. Удвоенное немецкое имя, составляющее антропоним – *Каролина Карловна*, говорит о ее мужеподобном характере – проявленной твердости, но оправданной ее национальностью: «Госпожа генеральша Вихиорова, Каролина Карловна, как были из немок, то они ничему этому, что в их пользу, не препятствовали и принимали, а уступить ничего не хотели» (IV, 147). Можно предположить, что помещица Плодомасова не может договориться с немкой, т.к. та, как любая иностранка, не знающая русского языка, просто ее не слышит, т.е. не понимает. Любопытно, что фамилия немки – *Вихиорова* – фонетически совпадает с немецкой фразой: *Wie hören Sie?* ‘Как слышите?’. Каролина Карловна никак не хочет уступить и договориться о цене карлицы с помещицей Плодомасовой: «До десяти тысяч рублей, милостивые государи, доторговались за нас, а все дело не подвигалось, потому что моя госпожа за ту дает десять тысяч, а та за меня одиннадцать» (IV, 145). Вероятен вариант и «народной этимологии»: фамилия немки заключает в себе идею неустойчивости или неспособности достичь компромисса в споре с русской помещицей: *Вихиорова* < *вихрить*, *вихорить* ‘кружить, вертеть’ (Даль-1, с.209).

Помещица Плодомасова говорит по поводу этой затянувшейся продажи: «Я ведь, – изволят говорить, – не для *игрушки* у тебя ее торгую: я ее в невесты покупаю, чтобы Николая на ней женить» (IV, 145). Любопытно, что мотив *игры* вырастает здесь до исторических масштабов и оказывается неслучайно связанным именно с немцами. Для немки и помещицы карлики – это игрушки, которых они каждый раз наряжают в разные костюмы: «велят одеться туркой с турчанкой <...> или матросом с матроской, мы и этак ходим» (IV, 146). Но самыми любопытными в романе являются пейзажные, т.е. крестьянские костюмы: «Наденьте нынче, Николаша с Метой, пейзажные костюмы! Вот мы оба и являемся в деревянных башмаках, я в камзоле и шляпе, а Метта Ивановна в высоком чепчике» (IV, 146). Действительно, маскарад-переодевание часто устраивался среди царской фамилии. Например, «по свидетельству современников, Николай I с семейством любил играть в простых людей, в определенные дни они организовывали быт двора «по русскому обычаю». К столу подавали кашу и щи, придворные дамы наряжались в праздничные крестьянские сарафаны» (Баканурский 2004, с.137). Что касается русского платья, то оно именно в петровскую эпоху принимает маскарадный характер (Успенский 1986, с.78). Но, в общем, сам факт переодевания карликов пародирует известную историческую ситуацию эпохи Петра I – «замену русского платья немецким» или шире – восприятие отголосков культурной ре-

волюции» (Успенский 1986, с.78). Поэтому, видимо, неслучайно представление-переодевание происходит в доме иностранки, а конкретнее – немки.

Спор между генеральшей и помещицей демонстрирует столкновение двух противоположных ментальностей – русской и немецкой. Если немка спокойна и выдержана, то русская помещица, наоборот, очень остро воспринимает происходящее: «Желчью покрылись, на всех стали сердиться и вот минуты одной, какова есть минута, не хотят ждать: вынь да положь им Метту Ивановну» (IV, 147).

Предметом неразрешимого спора между немкой-генеральшей и русской помещицей стала карлица-чухончка по имени *Метта Ивановна*. Чухонцами, как указывает В.П.Сомов, раньше пренебрежительно называли людей финской национальности (Сомов 1996, с.640). Чухончка носит финское по происхождению имя – *Метта*, вероятно, от финского *mätäs* ‘кочка’ (Финско-русский словарь 1996, с.393). Если учесть, что *кочка* – это небольшое, еле заметное возвышение над поверхностью, а Метта Ивановна – карлица, т.е. человек маленького роста, то данная версия происхождения имени этой героини представляется вполне очевидной.

А.Б.Пеньковский указывает, что модель антропонима иностранца или иностранки – иностранное имя + русское отчество *Иванович, Ивановна* – является типичной в России, начиная с конца XVII века: «Наречение путем присоединения русского «натурализирующего» отчества Иванович к иноязычному личному имени» (Пеньковский 2004, с.325).

Внимание Н.С.Лескова привлекали фигуры поляков, сосланных в Орел после событий 1830 года. Свободно писатель владел и польским языком, широко распространенным в старом Киеве. «Я с ранней юности моей жил между поляками, в крае, где польская цивилизация тогда очень уважалась», – писал он» (Цит. по: Гроссман 1945, с.36). Это было первое живое знакомство с историей Польши, которая займет впоследствии заметное место в его творчестве. Вопросу изучения отношений Н.С.Лескова с Польшей были посвящены работы Л.П.Гроссмана (1945), П.М.Лавринца (1991, 1999), А.В.Кузьмина (2003) и др. исследователей. Особого внимания в этом плане заслуживает монография польского автора Т.Шишко «Николай Лесков и его связи с Польшей» (Szyszko T. Mikołaj Leskow i jego związki z Polską / T.Szyszko. – Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1996).

Важную роль в обращении Н.С.Лескова к польской теме сыграли сложные русско-польские отношения 1860-х годов, и к тому же начало творческой биографии писателя относится ко времени польско-

го восстания в январе 1863 г., которое и привело к обострению болезненного «польского вопроса».

Как замечают исследователи, сам Н.С.Лесков активного участия в обсуждении этой проблемы не принимал, что было обусловлено рядом причин: его нежеланием примыкать к тем или иным общественно-историческим группировкам, сложными отношениями с периодическими изданиями. «Ничего не понимая в политике, я не принимал в этих спорах никакого участия», – писал он (VI, 289). Писатель, как полагает П.М.Лавринец, «был противником кровавых переворотов и в тоже время сторонником права народа на самоопределение. Не отказывая полякам на самостоятельное государственное бытие, он, однако, не верил, что достичь его можно заговорами и вооруженной борьбой» (Лавринец 1999, с.135).

Избегая публичности, Н.С.Лесков, тем не менее, посвятил польской теме немало места в своем творчестве, в том числе эта тема затрагивается им и романе «Соборяне». По мнению исследователя П.М.Лавринца, значительную роль играет здесь шаблонный мотив «польской интриги»: например, угроза секретаря Термосесова бывшему «самому красному революционеру» Борноволокову выдать «переписочки кое с кем из наших привислянских братьев» (Лавринец 1999, с.136).

Первая запись о появлении поляков в Старгороде отмечена 1846 годом: «Новый 1846 год. К нам начинают ссылать поляков» (IV, 59). Действительно, после восстания 1830 года много поляков было сослано в различные города России.

Ксендз *Алоизий Конаркевич* и пан *Игнатий Чемерницкий* – ссыльные поляки. Имя ксендза *Алоизий* восходит к *Алоиз* от лат. *Алоизиус*: фр. *а Луи* относящийся к Луи (Людовику), ему принадлежащий (Суперанская 2003, с.106), а фамилия *Конаркевич* происходит, возможно, от польск. *koniarz* ‘конюх’, ‘лошадник’ (ЭССЯ-10, с.185).

Антропоним другого поляка также является двучастным: *Игнатий Чемерницкий*. Имя образовано из лат. *Игнатиус*: *игнеус* ‘огненный’ (Суперанская 2003, с.192), а фамилия от названия ядовитого растения *чемерица* (Даль-4, с.589) < *Чемерницкий*. Первое упоминание поляка *Игнатия Чемерницкого* сопровождается яркой характеристикой: «каналья весьма комплектная» (IV, 59). И впоследствии он оправдывает это замечание: он «вышел со стаканом вина на крыльцо и, подражая голосом дьякону, возгласил: «Много ли это!» (IV, 60). Эта выходка поляка для протопопа стала «посмеянием над многолетием» (Там же), и протопоп написал порядочный донос, который и послужил причиной войны его с Чемерницким. Таким образом, *огненность* име-

ни поляка выражается в характере поведения этого человека – он постоянно конфликтует с протопопом.

Если *Игнатий Чемерницкий* и *Алоизий Конаркевич* «превзошли всякую меру» (IV, 60) в своем поведении в глазах протопопы, то другой поляк, *Альберт Казимирович*, является чуть ли не героем, правда в глазах дьякона Ахиллы.

Альберт Казимирович – жандармский полковник тайной полиции, который лишь «посмеялся, да и отпустил» (IV, 247) дьякона, несмотря на то, что тот учинил с приказным ссору с криком и шумом. Эту снисходительность к дьякону подтверждает и антропоним поляка: имя *Альберт* восходит к нем. *Альберт*: *Адальберт*: др.-герм. *адаль* ‘благородный’ + *берт* ‘блестящий, блистательный’ (Суперанская 2003, с.106), а *Казимирович* – к ст.-слав. имени *Казимир*, широко распространенного среди польских королей: ‘объявляющий о мире, показывающий миролюбие’ (Грушко, Медведев 1996, с.185). Итак, *Альберт Казимирович* благородно объявляет дьякону о свободе и, избавляет его тем самым от «большой беды» (IV, 247).

Учитель истории по фамилии *Гонорский* был упомянут в связи с его болезнью и временной заменой другим: «За болезнью учителя Гонорского, Препотенскому поручено временно читать историю, а он сейчас же начал толковать о безнравственности войны и относил сие все прямо к событиям в Польше» (IV, 75). Фамилия учителя восходит к апеллятиву: *Гонорский* < *honor* ‘честь’ (Гессен, Стыпула-1, с.294).

Фамилию персонажа *Кальярского* Н.С.Лесков, по замечанию комментаторов, сохраняет из ранней редакции, но только единожды упоминает ее в романе: к *Кальярскому* дьякон «вступил в польский хор и поет <...> басом, польские песни» (IV, 77; 520).

А.В.Кузьмин считает, что польский вопрос и, шире, национальный вопрос подаются читателю с разных точек зрения, столкновение которых «призвано активизировать творческую – аналитическую – работу читателя с текстом: еще раз прокрутить его в своем сознании, чтобы понять финал, посмотреть на текст как на не синтагматически, но парадигматически организованную структуру, все элементы которой находятся в тесной взаимосвязи и работают на создание общего смысла произведения» (Кузьмин 2003, с.11).

Заметим, что здесь можно сказать об одной из центральных проблем лесковедения – выяснении авторской позиции. По верному замечанию А.В.Кузьмина, «точку зрения автора в его произведении обнаружить действительно непросто – прежде всего, из-за своеобразия структуры текста. Лесков вводит в произведение несколько повествовательных инстанций с присущими им точками зрения и оценками:

персонажи, рассказчик, повествователь, наконец, сам автор. Текст становится плюралистичным, «многоголосым». Читатель вынужден сам выносить свое суждение о нем без опоры на авторский голос, который, несомненно, присутствует в тексте, но в завуалированном виде (имплицитный автор) – в общей риторической, стилистической и композиционной организации текста. <...> Отчасти это объяснимо творческой позицией писателя в современном ему литературном процессе – нежеланием принимать открытого участия в спорах по разнообразным общественным вопросам (в том числе и национальному), что неминуемо привело бы к присоединению к той или иной «партии» и «сужению» взгляда на проблему, чего Лесков избегал на протяжении всей своей жизни» (Кузьмин 2003, с.10).

Функционируют в романе и имена, употребление которых основано на том, что «стилистический профиль «нейтральности», свойственный наиболее распространенным, типичным по своей национальной специфике русским фамилиям и отчествам, может, в свою очередь, выступить как характеристическая примета лица, типичного в каком-либо отношении, чаще всего – социально-незначительного (Михайлов 1966, с.59). Например, майор Повердовня, рассказывая историю из своей службы, так *обозначает* солдат: «Кто самый храбрый? Кто за старшего? Такой-то, *Сергеев* там, что ли, или *Иванов*» (IV, 254). А дьякон Ахилла, застенчиво подчеркивая, что скрутить немца узлом для каждого русского богатыря – обычное дело, говорит: «Я просто мещанин *Иван Морозов из Севска*» (IV, 68). Петербургский секретарь адресует письмо вымышленному им самим адресату – *Николаю Ивановичу Иванову*: «Начал писать письмо в Петербург к какому-то несуществующему своему приятелю» (Там же, 208), а потом отправил его, «адресовав на имя *Николая Ивановича Иванова*» (Там же, 209).

4. КУЛЬТУРНО-ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ФОН

В романе выделяется особая группа онимов, известных из литературы, истории, философии, религии, фольклора. Эти онимы, по мнению А.А.Фомина, могут называть как известный объект физически реального мира, так и объект художественного мира. Важно, что они входят в пространство культуры, где функционируют в качестве ономастического знака. Существование в культурном пространстве уравнивает литературные и реальные имена собственные, которые в равной мере могут порождать прецедентные отношения (Фомин, 2003, с.9). А Е.С.Отин замечает по поводу таких имен следующее: «В языке худо-

жественной литературы и публицистике, в народно-разговорной речи встречается своеобразный прием вторичной («иносказательной») номинации посредством собственных имен (онимов) с метафорическими, или символическими, значениями. С их помощью «переносно» именуется то, что при нейтральном стиле выражения могло быть обозначено посредством нарицательных имен существительных (апеллятивов). При этом такие слова продолжают оставаться онимами, не теряют своей способности соотноситься с другими собственными именами, воспринимаются в одном ряду с ними. <...> следовательно, онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочным заместителями имен нарицательных. Они обогащаются понятийными, или референтными, коннотациями, органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана. Коннотативные онимы с вторично развившимися значениями, вероятно, можно отнести к ономастическим универсалиям, присущим словарному составу большинства языков мира» (Отин 2004, с.5).

За счет наложенной прецедентной связи онимов писатель избавлен от необходимости изображать предысторию своих персонажей, заново описывать их характеры и эволюцию их взглядов. «Значительная часть смысловой структуры персонажей переносится из текста в фоновое знание, чем достигается большая смысловая компрессия текста» (Фомин 2003, с.5). Осознание таких имен определяется фоновыми знаниями читателя.

Н.С.Лесков воспринимал культуру как разветвленное целое, ценности разных эпох – как вполне совместимые в современном ему искусстве.

«Записные книжки» писателя, хранящиеся в РГАЛИ, свидетельствуют о том, что писатель сознательно и целенаправленно готовил для своей работы следующие материалы: 1.Выписки из религиозной духовной традиции всех стран; 2.Выписки из всемирной литературы; 3.Выписки из исследований; 4.Изложение мыслей, замыслов, лексических оборотов» (Цит.: по Евдокимова 2001, с.11).

Н.С.Лесков прямо рассчитывал на то, что в цитате, как в готовой формуле, уже содержится образ-«откровение», что она уже заключает в себе энергию чувства другого. «Чужие слова» нужны писателю для того, чтобы вызывать бесконечные ряды ассоциаций, это своеобразные «нервные узлы» текста (Евдокимова 2001, с.12).

Романы Н.С.Лескова отражают частные срезы реальности, а ро-

ман-хроника «Соборяне», по замечанию Льва Аннинского, – это попытка охватить всё: всю реальность по горизонту (Аннинский 1993, с.8).

Повествование в романе ведется в неразрывной связи с подлинной летописью эпохи. Хроникальность создается благодаря показу характерных фигур минувшего на фоне исторических событий в сочетании с общественными деятелями эпохи.

Ни настоящее, ни прошлое Н.С.Лесков не рисовал в одних лишь мрачных тонах. Как полагает И.П.Видуэцкая, «всякая односторонность была чужда созданному Лесковым красочному и многомерному художественному миру русской жизни. Писателю не свойственно было огульное отрицание прошлого» (Видуэцкая 1988, с.86).

Н.С.Лесков ценит историка, который «толкует источники вдохновенно, как художник, а не буквоед» (Гроссман 1945, с.176). В этой области у него были свои предпочтения. «Мне нравятся, – писал он в 1880 году, – Шлоссер, Ренан, Шерр, Костомаров, Знаменский и Голубинский» (Цит.: по Гроссман 1945, с.176).

Писатель отстаивал необходимость самого широкого и детального знакомства с русской историей. Протопоп Туберозов открыто заявляет, что «Без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих... Это... это сгубит Россию» (IV, 183).

Итак, особый пласт в художественном пространстве текста образуют онимы, известные из произведений литературы, исторических, реальных лиц. Эти аллюзивные онимы служат для создания исторического, национального колорита, атмосферы достоверности той или иной ситуации. Они осуществляют аллюзии к фигурам и событиям реального мира.

В романе упоминаются общественные и исторические деятели не только России, но и личности, известные в мировой истории: *Панин*, князь *Голицын*, граф *Муравьев*, канцлер *Горчаков*, *Гришка Отрепьев*, *Пугачев*, госпожа *Дашкова*, *Мазепа*, *Кутузов*, *Екатерина II*, *Александр I*, *Петр I*, *Елизавета*, *Павел Петрович*, *Махмуд*, *Вольтер*, *Максимилиан*, *Наполеон Бонапарт*, *Макиавелли*, *Меттерних*, *Цицерон*, *Дионис*, *тиран сиракузский* и другие.

Апелляция к той или иной личности может отражать определенные комплексы идей или отдельные мысли обобщенного, часто публицистического характера. Так, предводитель Туганов, отстаивая свою точку зрения, обращается к «словам екатерининского Панина, который говорил, что *Россия управляется милостью божиею и глупостью народною*» (IV, 210). Протопоп доказывает существование чувства патриотизма у людей, приводя и опровергая слова француженки

Шарлоты Кордай д'Армон в своем дневнике.

Дьякон, описывая свое пребывание в Петербурге, упоминает имя великого русского полководца Кутузова в связи с тем, что он молится в Казанском соборе, в котором, как известно, похоронен этот великий полководец. Данный оним – Кутузов, в комплексе с топонимами – Петербург и Казанский собор, Исаакиевский собор – обозначает время и положение персонажа в определенном месте – *Петербурге*.

Время пребывания боярыни Плодомасовой в *Москве* фиксируется посредством онима *Наполеон Бонапарт*: «Госпожа моя, Мафа Андреевна, имела желание быть в Москве, когда туда ждали императора после его всесветной победы над Наполеоном Бонапарте» (IV, 142).

Посредством упоминания реальных личностей автор воссоздает исторический колорит. Например, имя императора *Александра I* в романе часто напрямую связывается с крестьянским вопросом. Секретарь Термосесов говорит учителю: «Поди сейчас запиши мне для памяти тот разговор, который мы слышали от попов и дворян. Понимаешь, насчет того, что и время пришло, что *Александр Первый* не мог, и что в остзейском крае и сейчас не удастся» (IV, 198). Или в речи Туберозова: «*Александр Благословенный* целую жизнь мечтал освободить крестьян, но дело не шло» (IV, 193). Как известно, в царствование *Александра I* активно обсуждался вопрос освобождения крепостных крестьян, но на практике *Александр I* ограничился только изданием указа, дававшего помещикам право освобождения крестьян с землей, не имевшего серьезных последствий («Указ о вольных хлебопашцах» 1804г.). Таким образом, Н.С.Лесков воссоздает атмосферу напряженности вокруг крестьянского вопроса.

Секретарь, увидев портрет А.М.Горчакова, восклицает: «Это кто такой? *Горчаков*. Канцлер, чудесно! Он нам Россию отстоял» (IV, 168). По видимому, здесь идет речь об отпоре, который дал А.М.Горчаков дипломатическому вмешательству Англии, Франции и Австрии во взаимоотношения России и Польши во время польского восстания 1863 года.

Желая подчеркнуть значительность помещицы Плодомасовой, ее мудрость, опытность, Туберозов в своем дневнике пишет, что та пережила «пятерых венценосцев: *Елизавету, Петра, Екатерину, Павла и Александра*, и с двумя из них танцевала на собраниях» (IV, 62). А, характеризуя ее независимость, карлик говорит, что она с «*Пугачевым* спорила» (IV, 146).

Известный своей любовью к словесной игре, Н.С.Лесков не обходит вниманием и имена реальных лиц. Так, учитель Препотенский

просит протопопа отслужить панихиду и отдает ему записку с именами. Протопоп удивлен поступком учителя – его неожиданной «богомольностью» (IV, 71). И вскоре протопоп понимает, какая шутка над ним сыграна учителем, когда он слышит имена из его записки: «*Павла, Александра, Кондратья...*». Прекрасная вещь со мною сыграна!» (IV, 71). Оказывается, Туберозов, сам того не зная, «отпел панихиду по декабристам, ибо сегодня и день был тот, когда было восстание» (Там же).

Имена *Павел, Кондратий* и *Александр* – имена казненных декабристов: *Павла Пестеля, Кондратия Рыльева*. Правда, какого именно *Александра* из декабристов имеет в виду Н.С.Лесков, комментаторам выяснить не удалось.

Играет автор и с фамилией графа *Муравьева*. Фамилия графа упоминается, когда секретарь вешает портрет графа и на вопрос почтмейстерши, знаком ли он с *Муравьевым*, с определенной долей замешательства, а затем и иронией тот отвечает: «Я?.. то есть ты спрашиваешь, лично был ли я с ним знаком? Нет; меня бог миловал, – а наши кое-кто наслаждались его беседой» (IV, 168). Замешательство секретаря объясняется атмосферой, царившей вокруг этой исторической фигуры: в отличие от *С.Муравьева-Апостола* (повешенного) этого *Муравьева* называют *вешателем* (Нечкина-1, с.349; Нечкина-2, с.409). Существует анекдот, объясняющий это прозвище. После назначения М.Н.Муравьева на должность губернатора Гродненской губернии в 1831 г. его спросили, не родственник ли он повешенному декабристу С.Муравьеву-Апостолу. На что Михаил Иванович ответил, что происходит не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые сами вешают. В апреле 1866 года, после покушения Каракозова на Александра II, М.Н.Муравьев был назначен председателем следственной комиссии по розыску «преступного заговора», а затем развернулась кампания арестов среди литераторов и демократической интеллигенции. К тому же допросы многих из арестованных Муравьев вел лично (IV, 536). «Прозрачной» оказывается фраза, которой завершается разговор секретаря с акцизницей: «Давай-ка я его поскорее повешу!» (IV, 168). Глагол *вешать* отсылает к действиям графа и к его прозвищу, под которым он был известен в демократических кругах. Оправдана и саркастическая интонация героя: «Меня бог миловал, – а наши кое-кто наслаждались его беседой» (Там же). Так что секретарь Термосесов *вешает вешателя*.

Секретарь вспоминает в связи с Муравьевым и поэта *Некрасова*: «Он <...> Некрасова музу вдохновил» (IV, 168). Эти реальные исторические фигуры действительно связаны между собой. В апреле 1866

года Н.А.Некрасов, желая спасти «Современник» от закрытия, прочитал в Английском клубе М.Н.Муравьеву стихи, ему посвященные, которые вызвали широкий общественный резонанс. Г.З.Елисейев вспоминал, что поэт, обращаясь к Муравьеву, говорил: «Разыщи виновников и казни их» (Там же, 536).

Антропонимы общественно-исторических лиц романа характеризуются разнообразием форм. Например, император *Александр* называется *Александром*, *Александром Павловичем*, *Александром Благословенным*, *Александром Первым*, *Григорий Отрепьев – Гришкой Отрепьевым*, граф *Муравьев – Михайло Николаевич*. А царь *Петр I – Петром* в дневнике протопопа, тогда как помещица в разговоре о судьбе России именует его *Петрушей-воителем*: «Прихлопнули бы твои раскольники *Петрушу-воителя*, так и сидели бы мы на своей хваленной земле до сих пор не государством великим, вроде каких-нибудь толстогурых турецких болгар» (IV, 50). Употребление той или иной формы показывает отношение говорящего к деятельности этого лица.

Об интересе героев к политической и общественной жизни своего времени свидетельствует упоминание газеты «*Колокола*» *Искандера*. Так, протопоп делится своими впечатлениями о попавшем к нему в руки «*Колоколе*»: «Впервые читал у исправника заграничную русскую газету «*Колокол*» господина Искандера. Речь бойкая и весьма штилистическая, но по непривычке к смелости – дико» (IV, 63).

«*Колокол*» – это газета А.И.Герцена, которая издавалась в Англии, а потом в Швейцарии с 1 июля 1857 года по 1867 год. В России «*Колокол*» тоже выходил, но нелегально. Подчеркивается протопопом и запрещенность этого издания в России: «Что на почте письма подпечатывают и читают – сие никому не новость; но как же это рублевую ассигнацию вдовицы ловят, а «*Колокол*», который я беру у исправника, не ловят?» (IV, 64). Правда, как отмечают комментаторы, здесь у Н.С.Лескова неточность, так как дневниковая запись датируется 20-м мая 1857 года. Возможно, что эта ошибка была допущена писателем в ходе многочисленных переработок текста романа.

Прямое отношение к «*Колоколу*» имеет и запись Туберозова в дневнике о сочинении княгини Дашковой: «Читал «*Записки*» госпожи Дашковой и о Павле Петровиче; все заграничного издания. Очень все любопытно. С мнениями Дашковой во многом согласен, кроме что о Петре, – о нем думаю иначе» (IV, 64). Действительно, учитывая временные рамки дневника протопопа – 1831–1867 год – Туберозов мог читать «*Записки*» княгини Е.Р.Дашковой, впервые напечатанные в русском переводе Герценом в 1859 году. И, по-видимому, здесь протопоп не соглашается с общей отрицательной оценкой личности Петра I,

которую дает в своих «Записках» Дашкова.

О «Домашней беседе» вспоминает просвирия Препотенская. Эта газета издавалась В.И.Асоченским в 60–70-е годы XIX века. «Домашняя беседа» имеет непосредственное отношение к персонажу по имени Варнава Препотенский, т.к. в этой газете работал один из его реальных прототипов.

Важным предстает и употребление собственных имен в переносном смысле. Например, петербургский секретарь предлагает идти к победе дорогой *Макиавелли* и *Меттерниха*: «Это будет вами первая высказанная мысль, и она будет повторяться вместе с вашим именем, как повторяются мысли Макиавелли и Меттерниха» (IV, 173). Имена этих деятелей в мировой истории связаны с жестокостью в своем правлении (Отин 2004, с.219). Апеллируя к именам этих общественных деятелей, сам секретарь намекает на беспощадность своей программы и является носителем качеств, приписываемых данным личностям.

Цицероном иронично называют учителя за его пространные рассуждения, а *Вольтером* – губернского предводителя за свободомыслие и либеральность взглядов.

Сам Н.С.Лесков использовал эту функцию имени и в своих письмах. Например, в письме ко Льву Толстому 3 октября 1894 года он замечает: «Я очень огорчен, Лев Николаевич, тем, что с брошюрой Манассеиной вышла глупость. Я страстно хотел ответить на нее и думаю, что ответил бы удовлетворительно и *основательно*, держась почитаемого «отца церкви» *Исаака* Сирина (не Ефрема), но обстоятельства скорохватаи свертели так, что я и не увидел брошюры: а ответ на нее был написан не знаю каким *Цицероном* и с какою основательностью, но думаю, что это было сделано неумело и потому показались грубым и невозможным» (Лесков 1993, с.412). Как считает В.Н.Михайлов, в основе подобного переноса значений исторических имен собственных лежит «процесс метонимизации, вытекающей из их суггестивных свойств и обуславливающий сочетание с этими своеобразными единицами языка определенных признаков и оценок, которые отвлекаются от собственного имени и представляются им» (Михайлов 1966, с.63).

Выделяется и группа, представленная именами писателей, названиями их произведений и именами литературных героев. По мнению Н.С.Лескова, смысл писательства и служения ему состоит в том, чтобы побуждать к жизни. В 1891 году он пишет начинающему переводчику Б.М.Бубнову: «Мне кажется, что ты все думаешь, что более важна прелесть стиха, а не сила и ясность животворящей мыс-

ли... Это ошибка. Зови к жизни тех, кои уже столь давно умерли, что даже «смердят». Иначе на что все искусства и в их числе поэзия! Скука от всего этого» (XI, 515).

В тексте романа упоминаются как имена русских писателей, например: *Некрасов, Иван Крылов, Тургенев, Татищев*, – так и зарубежных: *Лафонтен, Бирон (Байрон), Джон Буниан, Стерна*.

Протопоп ссылается на слова известных личностей светской литературы: «Вспомяну вам слова светского, но светлого писателя господина *Татищева*: «А голодный, хотя бы и патриарх был, кусок хлеба возьмет, особливо предложенный!» (IV, 31). Или упоминает *Стерна* и его героя Санхе-Панса: «Припоминаю невольно давно читанную мною старую книжечку английского писателя, остроумнейшего пастора *Стерна*, под заглавием «Жизнь и мнения *Тристрама Шанди*» (IV, 80).

По мнению Л.П.Гроссмана, с Л.Стерном Н.С.Лесков знакомится через сочинения одного из популярнейших русских авторов 30–40-х годов А.Ф.Вельтмана, который сыграл известную роль в формировании стиля Н.С.Лескова. Сочинения А.Ф.Вельтмана были в библиотеке Масальского, которой широко пользовался в Орле молодой писатель. В плане построения повестей влияние этого автора на Н.С.Лескова сказалось в рваной и вольной композиции, идущей от «*Тристрама Шенди*» Л.Стерна. А.Ф.Вельтман любил говорить о своём «шендиизме», то есть об особом композиционном принципе, опровергающем все канонические правила построения повествования: хронологическую последовательность событий, цельную линию их логического развития. Он вслед за Л.Стерном признавал нарушение хронологии действия, перестановку глав, неожиданные авторские вмешательства, интригующие и внезапные переломы сюжета. Традиционная повествовательная система приобретала от всего этого новую острую форму. Н.С.Лесков, занимающийся проблемой занимательности формы, принял эту систему (Гроссман 1945, с. 263).

Исследователь Л.П.Гроссман обнаружил, что Н.С.Лесков в своих статьях за 1862 год не раз касается имени Л.Стерна и его романа: «<...> когда я прочёл *Тристрама Шенди*». И несколько позднее: «Русь вступила в фазу шендиизма, то есть соответствует идеалу стерновского «*Тристрама Шенди*» (Цит. по: Гроссман 1945, с.263). И к тому же, как добавляет Л.П.Гроссман, Н.С.Лесков неоднократно применял термин Вельтмана «шендиизм» к определению своей архитектоники (Там же).

Таким образом, по мнению героя «Соборян», для России наступают времена, когда целостность мира разрушается и привычный ход жизни меняет свое направление: «По окончании сего патентованного

нигилизма ныне начинается *шандиизм*, ибо и то и другое не есть учение, а есть особое умственное состояние, которое по Стернову определению, «растворяет сердце и легкие и вертит очень быстро многосложное колесо жизни» (IV, 80).

Умиляясь комичности общения карлика с кухаркиной замарашкой-девочкой (он сочиняет на птичьем языке сказку) протопоп вспоминает имена великих баснописцев: «Сему сочинению словесному птичьему улыбнулся. Это хотя бы даже господину Лафонтену или Ивану Крылову впору» (IV, 46).

Встречаются в романе и имена литературных персонажей: *Шанди* персонаж романа Л.Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шанди» (1759–1768), *Макдуф* (*Макбет*) из пьесы В.Шекспира, *Маша* из романа «Живая душа» Марко Вовчок, *Командор*, *Иродиада* из поэмы Гейне «Атта Троллъ», *Каин* Д.-Г.Байрона, *Франц-Венецыян* – персонаж «Истории о храбром рыцаре Францыле-Венецыане».

За свою «грандиозность» (IV, 87) фигура уездного лекаря сравнивается с *Командором*. Имена шекспировских героев возникают в разговоре о данном судьбой предназначении человеку при рождении: «Горе мое, Валерьян Николаевич, началось с минуты моего рождения, – заговорил Препотенский, – и заключается это горе главным образом в том, что я рожден моею матерью!». На что Валерьян Николаевич спокойно отвечает: «Утешьтесь, друг любезный, все люди рождены своими матерями, – проговорил, отирая со лба пот, Дарьянов. – Один Макдуф был вырезан из чрева, да и тот для того, чтобы Макбета не победил – женой рожденный» (IV, 101). *Макбету* в одноименной трагедии В.Шекспира ведьмы предсказывают, что он умрет от руки человека, не рожденного женщиной, таким оказался *Макдуф*, который был «из чрева вырезан, а не рожден» (IV, 533). Вообще Н.С.Лесков многократно цитировал в своих произведениях этого английского писателя, о чем свидетельствует наличие в его библиотеке «Полного собрания драматических сочинений» В.Шекспира, изданного в 1865–1868 г.г. Н.В.Гербелем и Н.А.Некрасовым, которое содержит много помет – очеркиваний и подчеркиваний, сделанных рукой писателя. Содержит пометы и трагедия «Макбет» (Афонин 1977, с.144).

Н.С.Лесков, интересующийся и мастерски владеющий имитацией слова в живой речи, не оставляет без внимания и восприятие имени в потоке речи. В разговоре дьякон Ахилла сравнивает себя с библейским *Каином*, тогда как в представлении акцизницы, яркой поклонницы светского образа жизни, это имя вызывает ассоциацию только с именем персонажа Байрона: акцизница, лишь услышав, что дьякон не желает быть Каином, т.е. как этот герой, но, напротив, не может под-

нять руку на человека, произносит: «Да вы еще понимаете ли, что вы лепечете? Вы еще знаете ли цену Каину-то? <...> Каин гордый деятель – он не помирится с жизнью подневольною. Вот <...> как его английский писатель Бирон изображает...» (IV, 21). Здесь имеется в виду *Каин* – персонаж, изображенный как смелый борец против религии одноименной философской драмы Д.-Г.Байрона. Таким образом, автор словно очерчивает сферу сознания каждого из двух персонажей, обозначая ее своими знаками – религиозными и светскими.

Живо откликается Н.С.Лесков в своем романе и на современные ему события литературной жизни XIX века. Он упоминает вышедший в 1867 году на страницах «Русского вестника» роман И.С.Тургенева «Дым»: «Вы читали Тургенева? «Дым»... Это дворянский писатель, и у него доказано, что в России все дым: «кнута, и того сами не выдумали» (IV, 192).

Не остается незамеченным появление в «Современнике» знаменитого романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?» и острая полемика, развернувшаяся вокруг него. Н.С.Лесков в «Северной пчеле» посвящает ему обширную статью «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?», которая выходит в мае 1863 года за подписью Николай Горохов. Эта статья Н.С.Лескова, по мнению редакции «Северной пчелы», должна была смягчить вышедший довольно жесткий отзыв реакционного критика Ф.М.Толстого «Лжемудрость героев Чернышевского».

В отклике Н.С.Лескова имеет место мысль писателя о «нигилизме» и «нигилистах» (X, 16). Учитывая время работы над первой редакцией «Соборян» – первая половина 1866 года, – он мог затронуть и продолжить эту тему в тексте «Соборян». Поэтому неслучайно именно в уста нигилиста Термосесова он вкладывает такую фразу: «В России сила *на службе*, а не в мастерских – у Веры Павловны» (IV, 162). А программу свою Термосесов определяет так: «На службе я настоящему делу служу; и сортирую людей: ты такой? – так тебя, а ты этакой? – тебя этак? Не наш ты? Я тебя приневолю, придушу, сокрушу» (IV, 162). Здесь писатель по сути дела перефразирует свое высказывание из статьи о позиции современных нигилистов: «Не с нами, так подлец» (X, 17).

Особое отношение Н.С.Лескова к этому роману Н.Г.Чернышевского подтверждает и тот факт, что он не раз затрагивает его и в ряде своих антинигилистических произведений, как например, «Русское общество в Париже», «Некуда», «На ножках», а в рассказе «Павлин» он даже вступает в прямую полемику с ним.

Протопоп все свои размышления по разным вопросам заносит в

дневник, который находится в *Евгениевском «Календаре»* и называется *Демикотоновая книга протопопа Туберозова*. Евгениевский «Календарь» – это «Церковный календарь» (1803), изданный Евгением Болховитиновым (Лебедев 1983, с.83).

Автор не случайно выбирает в качестве дневника для своего героя именно календарь. Календари интересовали Н.С.Лескова как доступное всем слоям общества и популярное в народе чтение. Как замечает Т.А.Алексеева, он неоднократно рассматривал их в своих статьях – «Календарь графа Толстого» (1887), «О пьесе и о народном календаре графа Л.Н.Толстого» (1887) и «Календарные обновы» (1886) (Алексеева 2000, с. 207).

Название самого дневника – *Демикотоновая книга* – образовано от навания ткани *демикотон* от франц. *demi* ‘половина’ *coton* ‘хлопок’ (Ганжина 1987, с.258; 212). Так называется ‘плотная хлопчатобумажная ткань’, на что, впрочем, и указывает сам автор: «Евгениевский «Календарь», переплетенный в толстый синий *демикотон*» (IV, 28).

Дневник воскрешал историю России недавнего времени, примерно с 1831 по 1864 год. Он представляет собой краткую запись важнейших исторических событий, характеризовавших русскую жизнь середины XIX века. История спрессована здесь в виде коротких заметок любопытствующего протопопа, повествующего о том, о чем он не мог говорить в своих проповедях.

Исследователь Л.В.Черепнин отметил, что всю свою жизнь Н.С.Лесков интересовался жизнеописанием духовных лиц, которым и «посвятил больше всего своих статей. Обычно он серьезно работал над этими статьями, стараясь документировать свое изложение» (Черепнин 1968, с.223).

Учитывая то, что в центре романа находится духовенство, нельзя обойти вниманием группу антропонимов представителей духовенства, а также названий их сочинений религиозно-нравственного содержания. Эти онимы свидетельствуют о широте религиозных взглядов не только героев, но и, конечно, самого автора. По замечанию Л.Н.Афониной, в библиотеке Н.С.Лескова хранится 25 книг религиозного содержания: пять различных (русских и зарубежных) изданий Нового Завета, в том числе одно на французском языке, двухтомное (лондонское) издание Ветхого Завета, Псалтырь, сочинения Фомы Кемпийского и Тихона Задонского, труды Ф.В.Фаррара по истории раннего христианства, молитва Кирилла Туровского и другие. Почти все они с большим вниманием читались и перечитывались Н.С.Лесковым, о чем свидетельствуют сотни его помет, особенно в книгах Вет-

хого Завета, в Евангелии, в Посланиях апостолов (Афонин 1977, с.153).

В романе встречаются имена следующих духовных деятелей: *Игнатий Лойола, Кирилл Белозерский, Мартин Лютер, Иннокентий Херсонский, Бажанов, преосвященный Гавриил, Димитрий Ростовский, Могила*.

Как правило, автор обращается к именам тех проповедников, в сочинениях которых содержалась открытая и резкая критика двора, высшего света и российских порядков. Протопоп вспоминает имена *Могилы и Димитрия Ростовского*: «Минули дни Могилы, Ростовского Димитрия и других светил светлых, а настали иные, когда не умнейший слабейшего в разуме наставляет, а обратно, дабы сим уму и чувству человеческому поругаться» (VI, 43). По форме эти строки, как замечает М.Ранчин, – цитата из «Слова о полку Игореве»: «Были вечи Трояни, минула лета Ярославля, были ...Ольговы». Здесь Туберозов, как и древнерусский автор, противопоставлял прежние счастливые времена горестным нынешним (Ранчин 1993, с.605). Петр Могила (1596–1647) – это митрополит Киевский, известный в делах духовного просвещения. Димитрий Туптало – это митрополит Ростовский (1651–1709) церковный писатель, духовный просветитель. Димитрий Ростовский известен тем, что в присутствии царя Петра I и его сановников смело обличал высший свет и говорил о тяжелом, унижительном положении народа (Афанасьев 1988, с.144).

Цитирует Туберозов и основателя и игумена Белозерского монастыря *Кирилла Белозерского* (1337–1427): «Какая огромная радость! Ксендзы по Литве учредили общества трезвости: они проповедуют против пьянства, и пьянство престаёт, и народ остепеняется, и откупщики-кровопийцы лопаются. Ах, как бы хотелось в сем роде проповедничать! В некоторых православных обществах заведено тоже. Боюсь, не утерплю и скажу слово! Говорил бы по мысли Кирилла Белозерского, како: «крестьяне ся пропивают, а души гибнут» (VI, 65). Поводом к обращению послужило не воплотившееся в жизнь учреждение «обществ трезвости» в России во время правления Александра II. Эти общества быстро распространились по Литве и на Жмуди, где откупщиками были евреи, и эти откупщики в здешних местах скоро и основательно разорились, но «вопить против христианской проповеди не посмели», да не придумали и никаких других средств, чтобы повредить распространению трезвости. Совсем не то видим, когда дело дошло до Калуги, где кто-то из местных духовных тоже было пожелал подражать ксендзам в призыве христиан к трезвости. Откупщики русского происхождения и православного предания исповедания тотчас

же нашли средство остановить эту попытку отрезвить народ словом христианского убеждения и положили трезвости прочный конец. Уста проповедников трезвости были запечатаны, но только не от иудеев» (Лесков 1993, с.204).

Как впоследствии в своей статье «Еврей в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу» за 1883 год, Н.С.Лесков напишет, что «откупщики-жиды оказались и ненаходчивыми и бессильными в сравнении с откупщиками из православного купечества и частью из знатного российского дворянства. И эта история нашла для себя избрание в хронике Н.С.Лескова «Соборяне» (Лесков 1993, с.204).

В романе упоминаются сочинения религиозного содержания: «*О сельском духовенстве*», *Промысел*, *Евангелие от Иоанна*, *Писание*, *кн.Царств*.

Свободно цитирует протопоп *Книгу царств*, толкование *Иннокентия Херсонского*, «*Духовный регламент*» Феофана Прокоповича.

Особое место в дневнике протопопа занимает «*Духовный регламент*» Феофана Прокоповича. Хотя «*Духовный регламент*» неоднократно цитируется в тексте «Соборян», но первая встреча Туберозова с ним отмечена в дневнике протопопа 4-го февраля – в его день рождения (Афанасьев 1988, с.145), словно знаменуя важный этап в духовном становлении старгородского священника: «*4-е февраля*. Вчера, без всякой особой с моей стороны просьбы, получил от келейника отца Троадия редкостнейшую книгу, которую, однако, даже обязан бы всегда знать, но которая издана как бы для того, чтоб ее в тайности хранить от тех, кто ее знать должен. Сие «*Духовный регламент*» (IV, 54). Так, Савелий Туберозов записывает в свою «демикотоновую книгу» выпад Феофана против архиерейских служителей, называемых не иначе как «лакомыми скотинами», которые, «как татары, на похищение устремляются». Протопоп сопровождает свою запись словами: «Великолепно, государь, великолепно!» (IV, 55). В работе И.А.Шляпкина зафиксировано высказывание самого Н.С.Лескова о языке «Соборян»: «Оригинальный язык «Соборян» ... почерпнут... из Духовного регламента и старых указов» (Шляпкин 1895, с.208).

«*Духовный регламент*» (1721) – это написанное Феофаном Прокоповичем и отредактированное Петром I Положение о церковном управлении и об утверждении вместо патриаршества духовной коллегии, позднее переименованной в синод. В эпоху Н.С.Лескова «*Духовный регламент*» был труднодоступным сочинением. Он не был запрещен, так как «нельзя было запретить государственный указ, перепечатанный к тому же в начале николаевского царствования (конец 1820-х годов). Но он был труднодоступен, а духовные власти дополнительно

всячески мешали знакомству с ним» (Афанасьев 1988, с.145). «Духовный регламент» содержит резкие критические и даже сатирические выпады против верхушки церкви, которая была склонна противиться петровским нововведениям против невежества и распущенности священников и монахов. Именно эта критическая и сатирическая струя делала «Духовный регламент» своеобразнейшим, оригинальнейшим, непохожим на другие узаконения документом и была главной причиной его ограниченного распространения. Но именно эти критические, сатирические моменты вычитывались из книги Савелием Туберозовым и более всего были ценимы самим Н.С.Лесковым.

Встречаются и другие редкие и запрещенные сочинения. Так, протопоп, желая выписать себе книгу «О сельском духовенстве», узнает, что это «книга запрещенная и в продаже ее нет» (IV, 70). И тут же с грустной иронией подмечает: «Вот поистине гениальная чья-то мысль! для нас, духовных, книга о духовенстве запрещена» (Там же).

Здесь имеется в виду книга священника И.С.Беллюстина «Описание сельского духовенства» (Париж, 1858), написанная по инициативе М.П.Погодина и им отредактированная (IV, 532). Эта книга была известной и живо обсуждалась в современной Н.С.Лескову журналистике, т.к. стала «своего рода громовым ударом для тогдашнего управления» (Габель 1977, с.649). Труд И.С. Беллюстина рисовал жизнь и материальное положение русского сельского духовенства самыми мрачными красками. Автор правдиво описал взяточничество и самоуправство консисторий и архиереев, бесправное и жалкое материальное положение сельского духовенства, отчужденность его от народа, неизбежное пресмыкательство перед поимщиками и полицией, – и книга, само собой запрещенная, стала одной из сенсационных. Автор «заставляет» своего героя интересоваться этой книгой и, после долгих розысков, восклицать: «О, сколько правды! сколько горькой, но благопотребнейшей правды!» (IV, 71).

Таким образом, автор не остается безучастным к событиям реальной жизни – протопоп делает запись о книге 29-го сентября 1861 года, что вполне естественно, так как само издание появляется в 1858 году. А.Белецкий утверждает, что у Н.С.Лескова была эта книга. Этот исследователь рассматривает труд И.С.Беллюстина в качестве одного из «побуждений» Н.С.Лескова к написанию «Соборян» (Цит. по: Габель 1977, с.649).

Туберозов с сожалением говорит о недоступности книги «*О подражании Христу*» для сельского духовенства: «Книги той духовному нищенству нашему достать негде» (IV, 31). Как указывает Л.Н.Афонин в своей работе «Книги из библиотеки Лескова в государ-

ственном музее И.С. Тургенева», здесь имеется в виду издание, которое особо ценил Н.С.Лесков: «О подражании Иисусу Христу, четыре книги, Фомы Кемпийского, перевод с латинского графа М.М.Сперанского» (Спб., 1835 г.). Эта книга неоднократно переводилась в России и рекомендовалась деятелям официальной церкви. Это издание было в библиотеке Н.С.Лескова и на страницах содержало более 70-ти его помет (Афонин 1977, с.153).

Н.С.Лесков высоко ценит силу художественного потенциала Библии. Так, он пишет по этому поводу С.Н.Терпигореву: «Выведи в конце путешествующего попа или диакона и резюмируй тип его словами из Библии – «Книги царств»: «Се Ровоам, сын Соломонь!»! <...>. Это бы надо бы поставить эпиграфом, но ты это упустил. – Поставь хоть в конце. Слово библейское очень картинное» (XI, 347).

Имена христианских апостолов и святых, легендарных героев библейской мифологии свидетельствуют о знании писателем текста Библии и других сочинений, бывших предметом живого интереса Лескова на протяжении всей его жизни.

Употребление конкретных библейских имен, по мнению О.М.Хмелевой, позволяет поднять взаимоотношения персонажей хроники до уровня макрокосмических отношений и раздвинуть пространство текста до Универсального Бытия. Кроме того, каждый оним представляет собой развернутую концептуальную метафору и значительно расширяет семантику языковой единицы (Хмелева 2004, с.245). Эти имена репрезентируют притчевые тексты, отражающие библейскую мифологию.

В романе употребляются следующие онимы-библеизмы: *Христос* (И.Х), *Каин*, *Авель*, *Хам*, *Сарра*, *Рахиль*, *Иаков*, *Соломон*, *Ровоам*, *Закхей Мытарь*, *Иуда-предатель*, *Пилат*, *Моисей*, *Вельзевул*, *Ирод*, *Израиль*, а также *Иона-пророк*, *тир Вальтасаров*, *вдовица Наинская*, *Вениамин малый*, *царь Сиона*, *жезл Ааронов*.

Используются и культонимы, обозначающие христианские реалии: *вера Христова*, *Христос*. Например, «во Христа крестимся, но еще во Христа не облакаемся» (IV, 59).

Выгравированная на трости протопопа Туберозова надпись «Жезл Ааронов расцвел» отличает его трость от подобной ей трости отца Захарии. По рассказу в книге Чисел, жезл Аарона расцвел и покрылся почками. Этим Бог утвердил первенство его потомков среди израильтян: «И кого Я изберу, того жезл расцветет; И так Я успокою ропот сынов Израилевых, которым они ропщут на вас» (Числа: 17, 5). Сделанная надпись возвышает протопопа над отцом Захарией, и тем самым указывает на его избранность.

Употребляются онимы-библейзмы в качестве сравнений. Карлик, взобравшись на китайскую пальму, сравнивает себя с Закхеем Мытарем, который, согласно евангельскому рассказу, чтобы увидеть Христа, направлявшегося в Иерихон, из-за своего маленького роста влез на смоковницу и был замечен Христом. В этой ситуации карлик был тоже замечен, как и Закхей-мытарь, но только императором, после чего его всюду возили и показывали как самого маленького карлика в Москве. Секретарь же уподобляет себя римскому прокуратору *Понтию Пилату*: «я как Пилат: еже писах – писах» (IV, 219). А обиженный дьякон, словно опасаясь своей возможной мести обидчику, заявляет: «Я только Каином быть не хочу, то бы я его...» (IV, 21).

Эффективно функционирование библейзмов в сравнениях, рельефно проявляющих признаки, приносимые именами, которые, в силу этого, имеют тенденцию к переносу своего значения: *утеха Израилева* (о долгожданном ребёнке Туберозовых), *Саррины лета* (о преклонном возрасте героини, у которой нет детей), *гонору с Араратскую гору* (о характере персонажа), *Гога с Магогом* (столкновение двух противостоящих сил – протопопа Туберозова и секретаря Термосесова), *Исход Израилев* (переселение героев – ироническая аллюзия на переселение евреев из Египта в Палестину), *Хам* (обвинение героя в непочтительности).

Используются некоторые онимы и в качестве перифраз. Так, *Соломон* именуется *царем Сиона*: «Роскошный царь Сиона» (IV, 41). Как известно, Сион – это гора, на который был построен храм Соломона, а царь Сиона – это Соломон. А Гомер называется певцом «Одиссеи»: «Певец «Одиссеи» недаром сказал, что «в минуту рождения каждый имя свое себе в сладостный дар» (Там же, 154).

Широко представлена в романе группа имен пророков, преподобных, великомучеников, особо чтимых на Руси: *Николай Угодник* (*Чудотворец*), *Димитрий Ростовский*, *Марой*, *Роман Чудотворец*, *Нифонт*, *Фомаида*, *Моисей Угрин* (*Моисей Мурин*), *Мефодий Песношский*, *Федор Тирон*, *Иоанн Воинственник*, *Артемий*, *Гурий*, *Самон*, *Авив*, *Вонифатий*, *Киприян*, *Устиния*, *Симеон*.

Эти имена репрезентируют мифологию христианства. Как правило, христиане обращаются к этим угодникам за помощью. В романе данные онимы сопровождаются комментарием самих героев: «об исцелении от отрясовичной болезни – преподобному Марою» (IV, 150), «от огрызной болезни – великомученику Артемию» (Там же), «О разрешении неплодству – Роману Чудотворцу; если возненавидит муж жену свою – мученикам Гурию, Самону и Авиву; об отогнании бесов – преподобному Нифонту; об избавлении от блудных страсти – препо-

добной Фомаиде» (Там же), «От винного запойства – мученику Вонифатию» (Там же), «О сохранении от злого очарования – священномученику Киприяну <...> и святой Устинии» (Там же), «Святой Симеон, разгадай мой сон» (IV, 112) .

Отметим греческую огласовку имени мученика *Вонифатий* (Бонифаций), которая не является случайной, а объясняется принадлежностью Н.С.Лескова к православной ветви христианства. Важным здесь предстает и ближайший контекст: «От винного запойства – мученику Вонифатию»(IV, 112).

Что касается *Симеона*, то отметим, что Н.С.Лескова интересовали мистические вопросы. Л.Н.Афонин указывает, что в личной библиотеке писателя был отмечен автографом «Ред<кость>» «Новый полный и подробный Сонник, означающий пространное истолкование и объяснение каждого сна, и какого еще Сонника до сего времени на русском языке не бывало; с приобщением старых баб забавной философии, выбранной из сочинений многих иностранных и в сногатадательной науке искусных мужей, как то: Платона, Птолемея, Алия, Албумазара, Артемидора, Варлаама и Иоанна Кенигсберга» 1818 года. В книге более 50 помет писателя» (Афонин 1977, с.143).

Сохраняется в тексте и «привязка» каждого из угодников к определенной дате: «И Иоанну Воинственнику, его же память празднуем десятого июля» (IV, 151). Так, дьякон, желая обозначить день завершения своей ссоры с протопопом, фиксирует его именем Мефодия Песношского: «Отныне мир и благоволение. Ныне которое число? <...> Сегодня четвертое июня, сегодня преподобного Мефодия Песношского, вот вы это себе так и запишите, что от этого дня у нас распочнется» (IV, 26).

Н.С.Лесков сохраняет и народно-мифологическую окраску антропонима. Фигура Николая Угодника, по замечанию многих исследований, тесно связана со славянской мифологией – он является заместителем славянского божества Перуна. Антропоним этого святого употребляется в истории с овсом, произошедшей между губернатором и протопопом. В народном представлении связь овса и Николая Угодника проявляется в том, что последнему этот злак приносился в качестве жертвенного подношения. Об этой связи свидетельствует обычай, упомянутый А.Н.Афанасьевым, в некоторых областях России оставлять на ниве горсть овсяных колосьев на бороду св. Николе или на Николин день (6-го декабря) сыпать овес для его коня (Афанасьев-З, с.247).

Таким образом, Н.С.Лесков сохраняет представления, связанные с фигурой Николая Чудотворца, являющегося составной частью не

только религиозной, но и мифологической системы знаний славянского народа.

Отдельную группу составляют названия праздников: *Светлое (Христово) воскресенье, Красная Горка, день св. Николая Угодника, Никола летний и зимний, Троицын день, Успение пресвятыя богородицы, День Преображения Господня, Воеводы и архистратига Михаила, Новый год, Петров день*. Религиозные праздники являются основными, так как действие романа разворачивается в среде духовенства. Упоминание того или иного праздника, как правило, фиксирует в романе дату определенного события. Например, «на день св. *Николая Угодника*, происходило разрушение Деевской староверческой часовни» (IV, 33), «на *летнего Николу*, на зимнего и на крещение я был трижды приглашаем служить к ней в плодомасовскую церковь» (IV, 55), «я и в сей праздник *Рождества* работаю» (IV, 56), «ж *Красной Горке* ждем последний ответ» (IV, 147), «Владыка на *Новый Год* оставил губернаторскую дочь, когда она подходила к благословению в рукавичке» (IV, 56).

Сохраняет автор и народные приметы, связанные с праздниками. Протопоп пишет в своем дневнике: «Словно влюбленные под *Петров день* солнце караулят, так и мы с нею, после пятилетнего брака своего, сегодняшнего солнца дождались, сидя под окном своим» (IV, 41). По великорусскому народному поверью, «на *Петров день* солнце «играет», и увидеть это предвещает счастье» (Горелов 1988, с.110). *Петров день* – 29 июня по старому стилю. Для Туберозовых этим счастьем было бы рождение долгожданного ребёнка. Вводя этот оним в текст, Н.С.Лесков, по мнению А.Амфитеатрова, основываясь на своем знании реальности, поправляет известное ограничительное заявление И.П.Сахарова: «Поселяне Тульской губернии выходят под *Петров день* караулить солнце, как оно будет играть на небе при восходе. Это верование, известное исландцам, сохранилось только в одной Тульской губернии, хотя «в петровские гулянья отправляются почти по всей Великой России с песнями, хороводами и реальными качелями» (Цит. по: Горелов 1988, с.110).

Присутствуют в романе и мифонимы. При описании внешности протопопа встречаем: «Волосы Туберозова густы, как грива матерого льва, и белы, как кудри *Фидиева Зевса*» (IV, 5). По замечанию комментаторов романа, здесь имеется в виду огромная (около 20 метров высоты) беломраморная статуя *Зевса* работы скульптора *Фидия* (V в. до н.э.). Голову этой статуи украшали обильные волосы, поднимавшиеся над лбом и ниспадавшие по бокам густыми прядями (IV, 525). Солнце именуется *Фебом*: «Светозарный Феб быстро выкатил на своей огнен-

ной колеснице еще выше на небо» (IV, 86). *Феб* – это одно из имен древнегреческого бога Аполлона как божества света.

Являясь знатоком живой русской речи, Н.С.Лесков не мог обойти вниманием фольклор. К взятым из фольклора именам можно отнести: *Иван Царевич, Серый Волк, Ратай веры, Милитрисы Кирбитьевны, Миша и Гриша*. После грозы Туберозов вспоминает легенду о Ратае веры – витязе, который, предчувствуя возможность попадания в плен к врагам, просит Христа «избавить от позорного плена» (IV, 225). Христос выполняет его просьбу, и на том месте, где молился витязь, «гремя и сверкая алмазною пеной, бил вверх высокою струей ключ студеной воды, сердито рвал ребра оврага и серебристым ручьем разбегался вдали по зеленому лугу» (IV, 225).

Антропони́мы, образующие устойчивые выражения, участвуют в стилизации устной речи. Помещица Плодомасова, понимая тщетность затянувшегося разговора о покупке крепостной карлицы, говорит немке-генеральше: «Однако что же это такое мы с тобою, матушка, делаем, ни Мишу, ни Гришу? Надо же, это на чем-нибудь кончить» (IV, 147). Антропони́мы *Миша* и *Гриша* входят в состав известного выражения *Ни Миша, ни Гриша*, имеющего смысл ‘ни то, ни другое’ (Михельсон-1, с.695). *Милитрисами Кирбитьевнами* помещица называет свою капризную прислугу: «Все эти Милитрисы Кирбитьевны квохчут, да в гостиницах по коридорам расхаживают, да знакомятся» (IV, 140). Как известно, именем *Милитрисы Кирбитьевны* – героини старинной лубочной сказки о Бове-королевиче – именуются капризные и «важные» персоны (Отин 2004, с.238).

Н.С.Лесков размышлял о природе романного жанра, которому и сам отдавал дань. Свою точку зрения он изложил в письме к Ф.И.Буслаеву: «Писатель <...> затевая ткань романа <...> должен быть еще и мыслитель, должен показать живые создания своей фантазии в отношении их к данному времени, среде и состоянию науки, искусства и весьма часто политики <...> у романа <...> написанного настоящим образом, по настоящим понятиям о произведении этого рода, не может быть отнято некоторое, – не скажу «поучительное», а толковое, разъясняющее смысл значение (X, 450–451). Тут же Н.С.Лесков отмечал, что для этого не нужна «та мерзость, которая называется «направлением», или «тенденцию» и «роману нет нужды насильственно придавать *служебного* значения, но оно должно быть в нем как органическое качество его сущности» (Там же).

Таким образом, широта и разнообразие имен, формирующих культурно-ономастический фон романа, позволяет говорить о том, что ориентация на достоверность повествования во многом определяет

художественную специфику произведений Н.С.Лескова. По мнению О.В..Анкундиновой, эта «декларируемая ориентация заставляет предположить возможность изменения в ходе рассказа позиции оппонентов в сторону согласия с автором-рассказчиком, что и составляет невыявленную, потенциально главную часть надсюжета» (Анкундинова 1988, с.50).

Массив рассмотренных выше онимов ярко свидетельствует о различных сферах компетенции Н.С.Лескова в таких областях, как философия, история, литература, мифология, фольклор, богословие. А высокая степень владения этим достоянием – удивительное сочетание углубленного изучения и яркой изобразительности – по праву закрепляют за Н.С.Лесковым славу великого мастера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При всем разнообразии критических суждений, высказанных и высказываемых о Н.С.Лескове как о мастере, одно утвердилось давно и прочно: он отличается особым характером языка своих произведений. Высказывалась даже мысль, что Н.С.Лесков – писатель более всего для филологов, потому что им интересно это богатство и разнообразие его лексики.

Роман «Соборяне» и в научной традиции, и в читательском восприятии, запечатленном в мемуарах и в переписке, часто выступает в роли самого репрезентативного произведения Н.С.Лескова, своего рода грамматики его художественного языка.

Ономастикон романа «Соборяне» и в целом ономастические данные показывают, что Н.С.Лесков прочно опирался на конкретные факты своей собственной биографии. Наблюдательность писателя, его стремление приблизить мир художественного произведения к реальной жизни обусловили во многом его творческую установку. В 1884 году в «Авторском признании» Н.С.Лесков отмечал: «Я большею частью списывал живые лица и передавал действительные истории <...> У меня есть наблюдательность и, может быть, есть некоторая способность анализировать чувства и побуждения, но у меня мало *фантазии*. Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплощать их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительное событие. Так почти написано все» (XI, 229).

Н.С.Лесков открыто заявляет в переписке о прототипах своих главных героев – протопопа *Савелия Туберозова* и дьякона *Ахиллы Десницына*. При этом он не переносит в текст реальный антропоним, а сохраняет и обыгрывает лишь какую-либо деталь или историю, связанную с его носителем. Прозвище горничной «*Эсперанса*» вскрывает печальный факт из жизни прототипа этой героини – няни писателя – она стала *надеждой* для своих родителей после потери старшей сестры. Значимой является и характеристика *Эсперансы*, которая актуализирует фамилию прототипа персонажа *Каландина*: «*Эсперанса* могла сколь угодно ей *трещать* и *чекотать*» (IV, 11). Интересно, что глаголы *щекотать* ‘говорить не умолкая’ и *каландать* ‘звенеть, звучать’ оказываются близкими. Упоминание названия журнала «*Домашняя беседа*» относительно учителя *Препотенского*, протягивает одну из ниточек к его реальному прототипу В.И.Асоченскому, возглавлявшему этот журнал, с позициями которого Н.С.Лесков был не согласен.

Многие имена собственные в романе демонстрируют игровое, артистическое отношение Н.С.Лескова к имени, которое на ономастическом уровне отражает стержневую особенность его поэтики, замеченную лесковедом, – «эксцентричность», выражающуюся в языковой «чрезмерности» и наклонности к «шутливости». Авторскую иронию над пристрастием светского общества к иностранной культуре, ее повсеместно распространившимся штампам, реализует зооним *Каквас*. Оригинальность этой клички щенка, основанная на ее этимологии ‘как Вас’, противопоставлена типичности и «скуке» таких кличек, как «*Милорды*», «*Барбосы*», «*Шарлотки*», «*Шпиц*» (IV, 271).

Характерно для Н.С.Лескова и то, что он заставляет читателя пристально взглянуть в некоторые онимы, тем самым словно начиная игру по «расшифровке» имени с себя, которую затем должен продолжить уже сам читатель в одиночку, привлекая лишь свою фантазию и знания. Как правило, это нарочитые именны́е каламбуры, будто бы созданные в процессе живой речи: например, *Лимона Ивановна*. «Учитель хотел один раз сказать даме: «*Матрена Ивановна*, дайте мне лимончика», да вдруг выговорил: «*Лимона Ивановна*, дайте мне матреничка!» (IV, 197).

Н.С.Лесков порой инициирует читателя к самостоятельному размышлению по поводу имени героя, дав лишь характеристику персонажа, но при этом, не назвав сам антропоним: «Был у нас на ревизии новый губернатор <...> человек русский и по обхождению и по фамилии» (IV, 77). Очевидно, что автор рассчитывал на то, что круг вариантов, подобранный читателем, имеющим представление о национальной антропонимии, будет явно не обширен. К одному из вариантов этой целенаправленной игры относится и авторский комментарий, например: «кучер *Комарь* <...> давно уже утративший свое крестное имя и от всех называемый *Комарём*» (IV, 87), и комментарий героями своих или чужих имен: протопоп воспринимает свою неправильно написанную фамилию – *Туберкулов* вместо *Туберозов* – как умышленное оскорбление: «Фамилия моя переверстана с явным умыслом оскорбить меня» (IV, 206), – скажет протопоп Савелий. При этом «искаженный» вариант все-таки остается семантически связанным с настоящей фамилией Туберозов, учитывая «цветочное» происхождение: как слово «*туберкулы*» (от лат. *tuberculum*), так и слово «*туберозистость*» (от лат. *tuberosus*) являются медицинскими терминами, обозначающими различные виды поражения тканей (их бугристость) при заболевании туберкулезом. Известно, что эта болезнь характерна как для организмов растительного мира, так и для человека.

Характерной чертой подачи онимов в творчестве Н.С.Лескова является их «расшифровка» ближайшим контекстом. Вместе с ближ-

ним контекстом в частности и общим в целом имя собственное много-сторонне поддерживает образную структуру произведения, реализацию конкретной художественной задачи автора. Данная черта проявляется в фамилии акцизницы *Бизюкиной*, капитана *Повердовни*, лекаря *Пуговкина*, монументщика *Попыгина*. Так, основным качеством героини по фамилии *Бизюкина*, основанной на диалектном слове со значением ‘*подслеповатый*’, является сильное стремление к внешнему антуражу, которое оборачивается ее слепотой по отношению к людям, в руках которых она становится марионеткой. Таким образом, определенная прозрачность семантики имени дополняется «разъяснениями» контекстом. Ближайший контекст актуализирует в произведении необходимые ассоциации, что позволяет исключить какую-либо неопределенность и наиболее полно интерпретировать образ.

Практически все антропонимические единицы, представленные в романе, являются системно организованными. Фамилии протопопа *Туберозова*, образованной от названия цветка *тубероза* ‘розовый куст’, соответствует фамилия его духовной ученицы *Серболова*, близкая ей в семантическом отношении: *Серболова* < от *сербалина* ‘дикая роза’. Имена родных братьев – *Ахилла* и *Финогеша* – оказываются соотносены через мотив воинства, учитывая, что имя *Ахилла* имеет прямое отношение к богатырю-воину древнегреческого эпоса, а имя *Финоген* также содержит в своей семантике идею войны – *Финоген* < *Афиноген* из греч. *Атена* ‘*Афина*’. *Афина*, как известно, была богиней войны и победы. Подчеркнутая многодетность отца Захарии благодаря ониму *Иаков*, вызывает в памяти прозвище этой библейской фигуры – «*запник*», которое актуализирует сему ‘*пята*’ и, тем самым, объединяет на именном уровне двух персонажей-священнослужителей – отца Захарию и дьякона Ахиллу.

Свидетельством системной организации ономастического пространства романа является и связь антропонимических единиц не только с топонимами, а также с хрематонимами, мифонимами и другими разрядами онимов, участвующих в формировании культурно-ономастического фона. За счет аллюзивно-ассоциативных связей таких имен писатель избавлен от необходимости изображать предысторию своих персонажей, заново описывать их характеры и эволюцию их взглядов. Петербургский секретарь Измаил Термосесов предлагает ревизору идти к победе дорогой *Макиавелли* и *Меттерниха*: «Это будет вами первая высказанная мысль, и она будет повторяться вместе с вашим именем, как повторяются мысли Макиавелли и Меттерниха» (IV, 173). Имена этих общественных деятелей в мировой истории связаны с жестокостью в формах правления. Апеллируя к их именам, сам

секретарь намекает на беспощадность своей программы и является носителем качеств, приписываемых данным личностям. Значительная часть смысловой структуры историко-культурного контекста переносится в текст романа, чем и достигается большая смысловая компрессия текста.

В целом именник романа соответствует русской антропонимической традиции и отражает ее социальную дифференциацию в российском обществе через разнообразие форм обращения.

Для ономастикона романа характерно то, что, вплетаясь в художественную ткань произведения, имена собственные реализуют дополнительные сведения, ассоциативные штрихи, порой недоступные при первом прочтении. Выявление и соединение этих смысловых штрихов являет собой собирание мозаики, которое в итоге станет ключом к пониманию образа героя и общей авторской концепции романа.

Таким образом, все имена собственные в романе Н.С.Лескова «Соборяне» находятся в гармоничной системе, в которой каждое из имен работает на все произведение в целом. Анализ ономастикона романа показал, что автор прекрасно распределил и «высветил» ономастический материал текста. Н.С.Лесков бережно относился к имени, мастерски используя в полной мере его потенциальные возможности и скрытые резервы.

ИСТОЧНИКИ

Лесков, Н.С. Собр. соч. в XI-ти т. / Н.С. Лесков. – М.: Художественная литература, 1956–1958.

Достоевский, Ф.М. Рязеный // Достоевский Ф.М. Полное собрание соч. – СПб.: Издание А.Ф. Маркса. – СПб.: Тип А.Ф. Маркса, 1895. – (Бесплатное приложение к журналу «Нива» на 1895 год). – Т.9. Ч.1–2: (Критические статьи; Дневник писателя за 1873 год; Из журнала «Гражданин»); Политические статьи. – 1895. С. 266–282.

Бытие // Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. – М.: Российское библейское общество, 2003. – 928 с.

Лесков, А. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям / А. Лесков. – М.: Гослитиздат, 1954. – 684 с.

Майорова, О.Е. «Божедомы. Повесть лет временных». Рукописная редакция хроники «Соборяне» / О.Е. Майорова // Незданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблум. – М.: ИМЛИ РАН, Б.г. – (Литературное наследство. Т.101). Кн.1. – 1997. – С. 53–223.

Пушкин, А.С. Полное собр. соч.: В 17-ти т. / А.С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1994-. – Т.6: Евгений Онегин / Под ред. Б.В.Томашевского. – 1995. – 700 с.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева, Т.А. Лесков в «Петербургской газете» / Т.А. Алексеева // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблюм. – Кн. 2. – М.: ИМЛИ РАН, Б.г. – (Литературное наследство. Т.101). 2000. – С. 204–222.

Алексина, Р.М. Орловские источники сюжетов Лескова (по документам государственного архива Орловской области) / Р.М.Алексина // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблюм. Кн.1. – М.: ИМЛИ РАН, Б.г. – (Литературное наследство. Т.101). 1997. – С. 594–611.

Альтман, М.С. Достоевский. По вехам имен / М.С. Альтман. – Саратов, 1975. – 280 с.

Анкундинова, О.В. Эстетические функции сюжета в рассказах Н.С.Лескова «Кстати» (О принципах достоверности) / О.В. Анкундинова // Творчество Н.С.Лескова: Межвузовский сборник научных трудов. – Курск: КГПИ, 1988. – С. 50–67.

Аннинский, Л. Русский космос Николая Лескова / Л. Аннинский // Лесков Н.С. Собр. соч. в 6-ти тт. – М.: АО Экран, 1997. – Т.4. – С. 5–74.

Аннинский, Л. Скитанье «Соборян» / Л. Аннинский // Октябрь. – 1985. – № 3. – С. 192–202.

Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В трех томах / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – Т.1. – 416 с. – Т.2. – 400 с. – Т.3 – 414 с.

Афанасьев, Э.Л. Лесков и русская литература XIII века / Э.Л. Афанасьев // Лесков и русская литература. – М.: Наука, 1988. – С. 136–148.

Афонин, Л.Н. Книги из библиотеки Лескова в государственном музее И.С. Тургенева / Л.Н. Афонин // Литературное наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860 – 1890-х годов. Т.87. – М., 1977. – С. 130–158.

Баканурский, А. Жизнь, игра, театральность (исследование в трех актах с прологом и эпилогом.) / А. Баканурский. – Одесса: Студия «Негоциант», 2004. – 272 с.

Барковская, Ю.В. Имя Господа Иисуса Христа на страницах Н.С.Лескова // Язык. Культура. Личность: Межвузовский сборник научных трудов (Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Язык и культура в контексте культур»): В 2-х чч. Ч.2. – М.: МАНПО, 2004. – С. 79–81.

Барковская, Ю.В. Мифологические и христианские имена собственные в поздних текстах Н.С.Лескова: автореферат дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.В. Барковская. – М., 2005. – 21 с.

Барковская, Ю.В. Тенденция в выборе имени библейского героя («Гора» Н.С.Лескова) // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МПУ, 2002. – С. 208–211.

Бахтин, М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. – 2-изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.

Белинский, В.Г. Герой нашего времени: Сочинение М.Лермонтова / В.Г. Белинский // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – М., 1954. – Т.4. –С. 193–270.

Белкин, А.А. Русские скоморохи / А.А. Белкин. – М.: Наука, 1975. –192 с.

Бем, А. Личные имена у Достоевского / А. Бем // Сборник в честь на проф. Л.Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му (1863–1933). – София, 1933. – С. 409–434.

Бицилли, П.М. Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка / П.М.Бицилли // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. – М.: Наследие, 1996. – С. 249–341.

Бицилли, П.М. Из наблюдений над русской ономастикой как культурно-историческом источником П.М.Бицилли // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. – М.: Наследие, 1996. – С. 626– 632.

Блисковский, З.Д. Муки заголовка / З.Д. Блисковский. – М.: «Книга», 1972. – 160 с.

Богданов, К.А. Очерки по антропологии молчания / К.А.Богданов.– Спб.: Ното Тасенс. РХГИ, 1997. – 352 с.

Борхсениус, Е. И. Мои воспоминания о Николае Семеновиче Лескове / Е.И. Борхсениус // В мире Лескова: [Сб. ст.] / Сост. В. Богданов. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 342–359.

Булгаков, С.Н. Философия имени / С.Н.Булгаков. – Спб.: Наука, 1998. – 448 с.

Бушмин, А.С. Имя литературного героя / А.С.Бушмин // Страницы истории русской литературы. – М., 1971. – С. 86–91.

Васильев, Л.В. (Васильев В.) Что значит фамилия Тентетников / Л.В. Васильев // Русский филологический вестник. – Т.61. – № 2. – Варшава, 1909. – С. 223–226.

Видуэцкая, И.П. Достоевский и Лесков // Русская литература. – 1975. – № 4. – С. 127–137.

Видуэцкая, И.П. Прошлое и настоящее в художественном мире Лескова / И.П. Видуэцкая // Лесков и русская литература: [Сб. ст.] / Отв. ред. К.Н. Ломунов. – М.: Наука, 1988. – С. 76–93.

Виноградов, В.В. Достоевский и Лесков в 70-е годы XIX в. (Анонимная рецензия Ф.М.Достоевского на «Соборян» Лескова) // Виноградов В.В. Проблемы авторства и теория стилей. М., 1961. – С. 487–555.

Виноградов, В.В. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII–XIX вв. / В.В.Виноградов // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. – М., 1946. – Т.5. – Вып. 3. – С. 223–238.

Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Академии наук СССР. – 1963. – 256 с.

Виноградов, В.В. Стиль Пушкина / В.В. Виноградов. – М., 1941. – 704 с.

Виноградов, В.В. Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский / В.В. Виноградов. – Л.: Academia, 1929. – 391 с.

Волынский, А.С. Н.С.Лесков / А.С. Волынский. – Петербург: Эпоха, 1923. – 219 с..

Вязовская, В.В. О фамилии и прототипе главного героя романа Н.С.Лескова «Соборяне» / В.В. Вязовская // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Международный сборник научных трудов. Вып. 27. – Воронеж: Воронежский гос. университет, 2004. – С. 304–311.

Вязовская, В.В. Типы ономастических единиц в романе Н.С.Лескова «Соборяне» / В.В. Вязовская // Проблемы языковой подготовки студентов: подходы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Воронеж. гос. технол. акад.– Воронеж: ВГТА, 2006. – С.31–34.

Вязовская, В.В. Туберозов, Десницын, Бенефактов / В.В.Вязовская // Русская речь. – 2007. – № 4. – С. 96–99.

Габель, М.О. Академик А.И.Белецкий – исследователь Н.С.Лескова / М.О. Габель // Литературное наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860 – 1890-х годов. Т.87. – М., 1977. – С. 631–655.

Гебель, В. Н.С.Лесков в творческой лаборатории / В. Гебель. – М.: Советский писатель, 1945. – 221 с.

Горбаневский, М.В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды / М.В. Горбаневский. – М.: Изд-во УДН, 1988. – 88 с.

Горелов, А. А. Н.С.Лесков и народная культура / А.А. Горелов. – Л.: Наука, 1988. – 294 с.

Горелов, А. Н.С.Лесков и Н.А.Некрасов / А. Горелов // Русская литература. – 1986. – № 3. – С. 55–70.

Горнфельд, А.Г. Об одной фамилии у Льва Толстого / А.Г. Горнфельд // Горнфельд А.Г. О русских писателях. – Т.1. – СПб., 1912. – С. 255–61.

Горький, А.М. Несобранные литературно-критические статьи / М. Горький. – М.: Худож. литература, 1941. – 545 с.

Горький, М. Лев Толстой / М. Горький. Собр. соч. в 30-ти т. – М.: Госиздат. худож. литературы, 1949-. – Т. 14. – 1951. – С. 253–301.

Графский, В.Г. Политические и правовые взгляды русских народников (истoki и эволюция) / В.Г. Графский. – М.: Наука, 1993. – 319 с.

Грелов, А.А. Из дописательской биографии Н.С.Лескова / А.А.Грелов // Прометей. Т.13. – М., 1983. – С.143–167.

Громов, В.А. Лесков – сотрудник артельного журнал «Век» / В.А. Громов // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблюм. – М.: ИМЛИ РАН, Б.г. – (Литературное наследство. Т.101). Кн.2. – 2000. – С. 125–151.

Громов, П., Эйхенбаум, Б.М. Н.С.Лесков (Очерк творчества) // Лесков Н.С. Собр. соч. в XI-ти т. – М.: Художественная литература, 1956–1958. – Т.1. – 1956. – С. 5–60.

Гроссман, Л.П. Н.С.Лесков: Жизнь – Творчество – Поэтика / Л.П. Гроссман. – М.: Гослитиздат, 1945. – 319 с.

Гуминский, В. Органическое взаимодействие (От «Леди Макбет...» к «Соборянам») / В. Гуминский // В мире Лескова: [Сб. ст.] / Сост. В. Богданов. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 233–260.

Гусев, В.Е. Эстетика фольклора / В.Е. Гусев. – Л.: «Наука», 1967. – 319 с.

Долженков, П.Н. «Запечатленный ангел» Н.С.Лескова: «Очеловеченное евангелие» / П.Н. Долженков // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 233–260.

Другов, Б.М. Лесков – мастер сюжета / Б.М. Другов // Литературная учеба. – 1936. – № 11. – С. 74–92.

Другов, Б.М. Н.С.Лесков. Очерк творчества / Б.М. Другов. – М.: Госиздат. художеств. литературы, 1957. – 200 с.

Дыханова, Б.С. В зеркалах устного слова. (Народное самосознание и его стилевое воплощение в поэтике Н.С. Лескова). / Б.С. Дыханова. – Воронеж: Изд-во Воронежского педуниверситета, 1994. – 192 с.

Евдокимова, О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С.Лескова / О.В. Евдокимова. – СПб.: Алетейя, 2001. – 314 с.

Евсеев, Т.В. Прозвищные наименования в произведениях Н.С.Лескова // Начало пути. Сборник научных работ молодых ученых и аспирантов филологического факультета ВГУ. Вып. 1. Языкознание. – Воронеж, 2002. – С. 20–24.

Еловская, Л.Ю. Наименования икон в произведениях Н.С.Лескова / Л.Ю. Еловская // Средства номинации и предикации в русском языке. М., 2001. – С. 149–151.

Кавайон, Данило. Лесков в Италии / Данило Кавайон // Незданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблум. – М.: ИМЛИ РАН, Б.г. – (Литературное наследство. Т.101). Кн.2. – 2000. – С. 505–524.

Калинкин, В.М. Поэтика онима / В.М. Калинкин. – Донецк, 1999. – 408 с.

Калинкин, В.М. Поэтонимосфера: поиски новых путей в теории литературной ономастики / В. М. Калинкин // Ономастика Поволжья. Тезисы докладов IX международной конференции.– Волгоград: Перемена, 2002. – С. 38–41.

Калинкин, В.М. Функции и взаимодействие поэтонимов и перифраз в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин» / В.М. Калинкин // Литературное произведение: слово и бытие. – Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 307–324.

Карпенко, Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.

Карская, Т.С. Заметки о языке в записных книжках Лескова // Незданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблум. Кн.1. – М.: ИМЛИ РАН, Б.г. – (Литературное наследство. Т.101). 1997. – С.582–592.

Касаткина, Т. О творческой природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» / Т. Касаткина. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 489 с.

Кедров, В. Фольклорно-мифологические мотивы в творчестве Н.С.Лескова / В. Кедров // В мире Лескова: [Сб. ст.] / Сост. В. Богданов. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 58–73.

Клишина, О.С. Языковая компонента в этническом самосознании Российского общества XIX в. (по произведениям Н.С.Лескова) / О.С. Клишина // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2002. – № 4. – С. 105–111.

Ковалев, Г.Ф. Писатель. Имя. Текст / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 304 с.

Ковалев, Г.Ф. Ономастическое комментирование на уроках словесности : учеб. пособие для учителя русского языка / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж, 2005. – 214 с.

Ковалев, Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях (Русская литература) / Г.Ф. Ковалев // Библиография ономастики русской литературы. – Воронеж: ВГУ, 2006. – С.3–21.

Ковалев, Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: ВГУ, 2006_а. – 212 с.

Ковалев, Н.С. Концептуализация антропонимов в художественном тексте как метод их лингвокогнитивного исследования / Н.С. Ковалев // Ономастика Поволжья. Тезисы докладов IX международной конференции. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.48–53.

Ковалева, Е.В. Ложное комментирование художественного текста (на материале произведений Н.С.Лескова) / Е.В. Ковалева // Дергачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы междунар. науч. конференции. В 2 ч. / Сост. А.В.Подчиненов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001. – Ч.1. – С. 99–104.

Ковалева, Ю. Н. Онимы как средство формирования концепта «путь» в повести Н.С.Лескова «Запечатленный ангел» / Ю.Н. Ковалева // Ономастика Поволжья. Тезисы докладов IX международной конференции. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.70–72.

Кондратьева, Т.Н. М.В.Ломоносов о собственных именах как стилистическом средстве / Т.Н. Кондратьева // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения). Вып. 1. – Казань: Изд-во Казанского университета. – 1967. – С. 97–115.

Кондратьева, Т.Н. Метаморфозы собственного имени: Опыт словаря / Т.Н.Кондратьева. – Казань, 1983. – 110 с.

Коринфинский, А.А. Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / А.А. Коринфинский. – М.: Московский рабочий, 1994. – 560 с. – (Клуб любителей истории отечества).

Кузьмин, А.В. Инородец в творчестве Н.С. Лескова: проблема изображения и оценки / А.В. Кузьмин. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 126 с.

Кузьмин, А.В. Об именах персонажей в поэтике Н.С.Лескова / А.В. Кузьмин // Филология в XXI веке: проблемы и методы исследования. – СПб., 2004. – С. 163–168.

Лавринец, П.М. Н.С.Лесков и его связи с Польшей / П.М. Лавринец // Вестник Моск. Университета. Сер. 9, филология. – 1999. – № 1. – С. 132–137.

Лавринец, П.М. Роман Ю.И.Крашевского «Графиня Козель» в переводе Н.С.Лескова / П.М. Лавринец // Филологические науки. – 1991. – № 1. – С. 101–107.

Лебедев, Е. Лесков и XVIII век / Е. Лебедев // В мире Лескова: [Сб. ст.] / Сост. В. Богданов. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 74–94.

Леденева, В.В. Разговорные имена существительные в роли предикатов, характеризующих лицо, в контекстах произведений Н.С.Лескова 90-х годов / В.В. Леденева // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты. Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: изд-во Саратовского педагогического института, 2000. – С. 173–178.

Лесков, Н.С. Жития как литературный источник / Н.С. Лесков // Новое время. – 1882. – № 2323.

Лесков, Н.С. Календарь графа Толстого / Н.С. Лесков // Русское богатство. – 1887. – № 2. – С. 195–207.

Лесков, Н.С. Мирные толки о весьма немирных историях / Н.С. Лесков // Лесков Н.С. Собрание сочинений в бтт. – М.: АО Экран, 1993. – Т. 3. – С. 142–149.

Лесков, Н.С. О русских именах / Н.С. Лесков // Новости и биржевая газета. – 1883. – № 245. – С.2.

Лесков, Н.С. Особы духовного происхождения и в светском быту иначе уважаются / Н.С. Лесков // Лесков Н.С. Собр. соч. в XI-ти тт. – М.: Художественная литература, 1956–1958. – Т. VII. – 1958. – С. 337–339.

Лихачев, Д. С. Особенности поэтики произведений Н.С.Лескова / Д.С. Лихачев // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3-х тт. Т.3. – Л.: Художественная литература, 1987. – С. 327–337.

Лихачев, Д.С., Панченко, А.М., Поньрко, Н.В. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко – Л.: «Наука», 1984. – 295 с.

Ломоносов, М.В. Полн. собр. соч. / М.В. Ломоносов. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950-. – Т. VII. Труды по филологии (1739–1758). – М., 1952. – 995 с.

Лужановский, А.В. Документальность – жанровый признак рассказов Лескова / А.В. Лужановский // Вопросы литературы. – 1980. – № 4. – С. 144–150.

Лысова, Т.В. Фамилии православного духовенства (структурно-семантическое описание ареальных антропонимиконов): автореферат дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.В. Лысова. – Тамбов, 2001. – 24 с.

Магазаник, Э.Б. Ономапозитика, или «говорящие имена в литературе» / Э.Б. Магазаник. – Ташкент: Изд-во «Фан» УЗССР, 1978. – 148 с.

Маслова, М. И. Любовь созидаящая и любовь разрушающая в ранних произведениях Н.С.Лескова / М.И.Маслова // Русская литература. – 2002. – № 4. – С. 148–157.

Матвеев А.К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд / А.К. Матвеев // Вопросы ономастики. – Екатеринбург, 2005. – № 2. – С. 5–10.

Минц, З.Г., Лотман, Ю.М. Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин – Достоевский – Блок) / З.Г. Минц, Ю.М. Лотман // Типология литературных взаимодействий: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение / Отв. ред. З.Г. Минц. – Тарту, 1983. (Ученые зап. Тартуского ун-та. Вып. 620) – С. 35–41.

Михайлов, В.Н. Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи / В.Н.Михайлов. – Симферополь, 1981. – 28 с.

Михайлов, В.Н. Собственные имена как стилистическая категория в русском языке / В.Н.Михайлов. – Луцк, 1965. – 56 с.

Михайлов, В.Н. Специфика собственных имен в художественном тексте / В.Н. Михайлов // Филологические науки. – 1987. – № 6. – С.78–82.

Михайлов, В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен собственных в русской литературе / В.Н.Михайлов // Филологические науки. – 1966. – № 2. – С. 54–66.

Мосалева, Г.В. К вопросу о поэтике названий и имен в творчестве Н.С. Лескова / Г.В. Мосалева // Кормановские чтения. – Ижевск, 1994. – Вып. 1. – С. 178–183.

Мудрова, Н. В. Поэтика онимов повести Н.С.Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» // Ономастика Поволжья. IX. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 61–63.

Мюллер де Морог Инесс. Лесков во Франции и в романской Швейцарии / Инесс Мюллер де Морог // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблум. – М.: ИМЛИ РАН, Б.г. – (Литературное наследство. Т.101). Кн.2. – 2000. – С. 524–533.

Набоков, В.В. Лекции по русской литературе / В.В. Набоков / Пер. с англ.; предисловие Ив. Толстого. – М.: Издательство Независимая Газета, 1998. – 440 с. – (Серия «Литературоведение»).

Наседкина, В. Н. Имя собственное и подтекст (на материале повести Н.С.Лескова «Очарованный странник») / В.Н. Наседкина // Материалы юбилейной конференции, посвященной 60-летию филологического факультета ВГУ. Воронеж, 2002.–. Вып. 1.– Языкознание. – С.130–136.

Наседкина, В. Н., Расторгуева, В.С. Текстовые функции имен собственных в именовании главного персонажа (Повесть Н.С.Лескова «Очарованный странник») // Русская словесность: Теория и практика. – Липецк, 1999. – С. 39–49.

Наседкина, В.Н. «Родство ... духовного паче плотского» (О языковой реализации идеи «единства рода человеческого» в повести Н.С.Лескова «Очарованный странник») / В.Н. Наседкина // Проблемы межкультурной коммуникации: материалы международной научно-практической конференции (1–2 февраля 2007 г.). – Липецк.: ЛГПУ, 2007. – С. 79–98.

Наседкина, В.Н. О лингвистическом выражении авторского подтекста в художественном произведении (На материале повести Н.С.Лескова «Очарованный странник») / В.Н. Наседкина // Русская классика: проблемы интерпретации. Материалы XIII Барышниковских чтений. – Липецк, 2006. – С. 300–305.

Нечкина, М.В. Движение декабристов / М.В. Нечкина; Акад. наук СССР, Ин-т истории; отв. ред. Е.В. Тарле. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. 1. – 480 с.; – Т. 2. – 504 с.

Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 189 с.

Никонов, В.А. Имена персонажей / В.А. Никонов // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти В.В. Виноградова. – Л.: Наука, 1971. – С. 407–419.

Пеньковский, А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении / А.Б. Пеньковский. – М.: «Индрик», 1999. – 520 с.

Пеньковский, А.Б. Очерки по русской семантике / А.Б. Пеньковский. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464с.– (Studia philologica).

Плещунов, Н.С. Романы Лескова «Некуда» и «Соборяне» / Н.С. Плещунов. – Баку: Азернешр, 1963. – 191 с.

Порошенков, Е.П. Художественный мир Н.С.Лескова : учеб. пособие для студентов филологических факультетов педагогических вузов / Е.П. Порошенков. – Борисоглебск, 1994. – 76 с.

Протопопов, М. Большой талант (Собрание сочинений Н.С.Лескова. Десять томов. СПб., 1889–1891 гг.) / М. Протопопов // М.Протопопов. Критические статьи. – М.: Издание С. Скимунта, 1902. – С.180–212.

Прыжов, И. Русские кликуши // Прыжов И. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии / И. Прыжов; под ред. Л.Я. Лурье; вступ. статья Л.Я. Лурье. – Спб.: «ЭЗРО», 1996; М.: «ИНТРАДА», 1996. – 214 с.

Пульхритудова, Е.М. Достоевский и Лесков. (К истории творческих взаимоотношений) / Е.М. Пульхритудова // Достоевский и русские писатели: Традиции. Новаторство. Мастерство: [Сб. ст.] / Сост. В.Я. Кирпотин – М.: Советский писатель, 1971. – С. 81–138.

Пушкарева, В.С. Христианская символика имени героя в повести Н.С.Лескова «Очарованный странник» / В.С. Пушкарева // Литература и христианство. – Белгород, 2000. – С. 59–61.

Ранчин, А. Примечания // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 6тт. – М.: АО Экран, 1993. – Т. 4. – С. 600–619.

Ранчин, А.М. Две редакции «Очерков в письмах» Лескова «Русское общество в Париже» (1863–1867) // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблум. – М.: ИМЛИ РАН, Б.г. – (Литературное наследство. Т.101), 2000. – Кн.2. – С. 263–269.

Ранчин, А.М. К поэтике имен и фамилий персонажей Н.С.Лескова / А.М. Ранчин // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орлов-

ского гос. ун-та. Материалы. Вып. 1. Н.С. Лесков.— Орел, 2001. — С. 91–97.

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. — М.: «Гнозис», 2004. — 318 с.

Семенов, В. Николай Лесков — время и книги / В. Семенов. — М.: Современник, 1981. — 302 с.

Серман, И.З. «Протопоп Аввакум в творчестве Н.С.Лескова» / И.З. Серман // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы / Ан СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом.); Отв. ред. В.И. Малышев. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. XIV. — С. 404–407.

Синяева, Н.М. Имя «Петербург» в контексте повести Н.С.Лескова «Дама и фефела» / Н.М. Синяева // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка. — М., 2002.— С. 211–214.

Синяева, Н.М. Роль имен собственных в определении культурно-исторических вех в произведении / Н.М. Синяева // Средства номинации и предикации в русском языке. — М., 2001. — С. 141–143.

Смирнова, А.И. Имена в художественном мире В.П.Астафьева / А.И. Смирнова // Ономастика Поволжья. Тезисы докладов IX международной конференции.— Волгоград: Перемена, 2002. — С. 76–79.

Старыгина, Н.Н. Творчество Лескова в 1880–1890-е годы. Неосуществленные замыслы / Н.Н. Старыгина // Незданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблум. Кн.1. — М.: ИМЛИ РАН, Б.г. — (Литературное наследство. Т.101). 1997. — С. 382–398.

Столярова, И.В. В поисках идеала / И.В. Столярова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. — 231 с.

Суперанская, А.В., Суслова, А.В. Современные русские фамилии / А.В. Суперанская, А.В. Суслова. — М.: Наука, 1981. — 176 с.

Супрун, В.И. Ономастическая синтагматика и парадигматика художественного текста (на материале рассказа В.М.Шукшина «Даешь сердце») / В.И. Супрун // Шукшинские чтения: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.М.Шукшина. — Волгоград: Перемена, 1998. — С. 31–36.

Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. — Волгоград, 2000. — 122 с.

Татаркин, В.Е. Наблюдения над антропонимией произведений Н.С. Лескова / В.Е. Татаркин // «Поэтика» литературных гнезд. – Тула, 2005. – С. 66–70.

Телегин, С.М. Жизнь мифа в художественном мире Достоевского и Лескова / С.М. Телегин. – М.: Карьера, 1995. – 96 с.

Троицкий, В.Ю. Лесков – художник / В.Ю. Троицкий. – М.: Наука, 1974. – 215 с.

Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А.А. Холодовича. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 372 с.

Туниманов, В.А. Письма Николая Лескова / В.А. Туниманов // Русская литература. – 1994. – № 2. – С. 48–66.

Тынянов, Ю.Н. Архаисты и новаторы / Ю.Н. Тынянов. – Л.: Прибой, 1929. – 581 с.

Тынянов, Ю.Н. Сюжет «Горя от ума» / Ю.Н. Тынянов // Литературное наследство. Т. 47–48. – М., 1946. – С. 148–188.

Успенский, Б.А. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б.А. Успенский. – М., 1996. – 605 с.

Успенский, Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского / Б.А. Успенский. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 245 с.

Фаресов, А.И. Против течений: Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем / А.И. Фаресов. – Спб.: Тип. М. Меркушева, 1904. – 411 с.

Федосов, А. Лесковские руины / А. Федосов // Труд. – 2005. – 15 февраля. – С.5.

Флоренский, П.А. Имена: Сочинения / П.А. Флоренский. – М.: ЗАО ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. – 912 с. – (Серия «Антология мысли»).

Фомин А.А. Имя как прием: реминисцентный оним в художественном тексте / А.А.Фомин // Изв. Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 6. Языкознание. – 2003. – № 28. – С. 167–181.

Фомин, А.А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы / А.А. Фомин // Вопросы ономастики. – Екатеринбург, 2004. – № 1. – С. 108–120.

Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 104 с.

Хмелева, О.М. Библиейские имена в концептуальном пространстве «Соборян» Н.С. Лескова / О.М. Хмелева // Проблемы региональной ономастики. – Майкоп, 2004. – С. 244–247.

Хмелева, О.М. Ономастикон «Соборян» Н.С.Лескова / О.М. Хмелева // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания. – Ставрополь, 2004. – Ч.2. Лингвистика. – С. 144–146.

Цимбаева, Е. Исторический контекст в художественном образе (Дворянское общество в романе «Война и мир») / Е. Цимбаева // Вопросы литературы. – 2004. – № 5. – С. 179–197.

Черепнин, Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы / Л.В. Черепнин. – М.: Издательство «Мысль», 1968. – 383 с.

Чернов, Н. Орловские литературные места / Н. Чернов. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1970. – 191 с.

Чернышев, В.И. Имена действующих лиц в сказках Пушкина о царе Салтане, о Золотом Петушке, о Мертвой Царевне (Салтан, Гвидон, Дадон, Чернавка) // Чернышев В.И. // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 6. – Спб., 1908. – С. 128–132.

Черюкина, Г.Л. Об одной мифологеме в романе Н.С.Лескова «На ножках» в связи с проблемой говорящих собственных имен / Г.Л. Черюкина // Литература в диалоге культур. – Ростов н/Д., 2003. – С.141–144.

Чехомова, О.Ю. Изобразительный статус имени персонажа (на материале повести Н.С.Лескова «Юдоль») / О.Ю. Чехомова // Средства номинации и предикации в русском языке. – М., 2001. – С.145–147.

Чуднова, Л. «Кличка по шерсти»: Роль и место заголовка в поэтике Лескова / Л. Чуднова // Литературная учеба. – 1981. – № 3. – С. 210–213.

Чуднова, Л.Г. Лесков в Петербурге / Л.Г. Чуднова. – Л.: Лениздат, 1975. – 256 с.

Шагинян, Р.П., Магазаник, Э.П. Экспрессия собственных имен в русской художественной литературе / Р.П. Шагинян, Э.П. Магазаник // Труды Узбекского ун-та им. А.Навои. – Самарканд, 1958. – Вып. 93. – С. 103–126.

Шахов, Н. Н.С.Лесков и Курский край / Н. Шахов // Политический диалог. – 1990. – Декабрь №24 (1078). – С. 17–21.

Шкута, Г.А. Мифопоэтика имени в рассказе Н.С.Лескова «Котин Доилец и Платонида» / Г.А. Шкута // Ономастическое пространство и национальная культура.– Улан-удэ, 2006. – С. 182–184.

Шкута, Г.А. Фольклорные и древнерусские сюжеты и мотивы в творчестве Н.С.Лескова: мифопоэтический аспект: дис. ...канд. филол. наук: 10.01.01 / Г. А. Шкута. – Новосибирск, 2005. – 215 с.

Шляпкин, А.И. К биографии Н.С.Лескова / А.И.Шляпкин // Русская старина. – 1895. – № 12. – С. 205–215.

Эджертон, Вильям. «Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов. (О реальной основе «Некуда» и «Загадочный человек»)» / Вильям Эджертон // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблум. – М.: ИМЛИ РАН, Б.г. – (Литературное наследство. Т.101). Кн.1. – 1997. – С. 614–637.

Эджертон, Вильям. Лесков в Англии и Америке / Вильям Эджертон // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблум. – М.: ИМЛИ РАН, Б.г. – (Литературное наследство. Т.101). Кн.2. – 2000. – С. 485–504.

Эйхенбаум, Б. «Чрезмерный» писатель (К 100-летию рождения Н.Лескова) / Б. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б. О прозе. – Л., 1969. – С.327–345.

Эйхенбаум, Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя / Б.М. Эйхенбаум // Поэтика: Сб. по теории поэтического языка. – Пг., 1919. – С.151–165.

Szysko T. Mikołaj Leskow i jego związki z Polską / T. Szysko. – Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1996. – 191 с.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

Агбунов, М. Античные мифы и легенды. Мифологический словарь / М. Агбунов. – М.: МИКИС, 1994. – 368 с.

Апостолос-Каппадона, Диана Словарь христианского искусства = Dictionary of Christian art: справочное издание / Диана Апостолос-Каппадона; перевод с англ. А. Ивановой. – Челябинск: Изд-во «Урал ЛТД», 2000. – 272 с.

Ашукин, Н.С., Ашукина, М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. – 4-е изд., доп. – М.: Худож. лит., 1988. – 528 с.

Библейская энциклопедия / Труд и изд. Архимандрита Никифора.– [Репринт. издание].– М.: Издат. центр «Терра», 1990. – 902 с.

Библейско-биографический словарь или Жизнеописание всех лиц, упомянутых в Священных книгах Ветхого и Нового Заветов, и других имевших какое-либо влияние на распространение церкви Божией на земле / Сост. Ф.И. Яцкевич, Г.Я. Благовещенский. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 909 с.

Большая советская энциклопедия. [В 30-ти т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969-. – Т. 1. – 1969. – 608 с.; – Т. 26. – 1977. – 622 с.

Веселовский, С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974. – 382 с.

Ганжина, И.М. Словарь современных русских фамилий / И.М. Ганжина. – М.: АСТ, Астрель, 2001. – 672 с.

Ганшина, К.А. Французско-русский словарь: 51 000 слов / К.А. Ганшина.– 10-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1987. – 972 с.

Грушко, Е.А., Медведев, Ю.Н. Словарь имен / Е.А. Грушко, Ю.Н. Медведев. – Нижний Новгород: «Русский купец» и «Братья славне», 1996. – 695 с.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, Медиа, 2006. – Т.1: (А–З). – 2006. – 699 с.; – Т.2: (И–О). – 779 с.; – Т.3: (П). – 555 с.; – Т.4: (Р–V). – 683 с.

Даль, В.И.Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: «ННН». – 1994. – 116 с.

Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь: около 50 000 слов / И.Х. Дворецкий. – 3 изд., испр.– М.: Русский язык. – 1986. – 840 с.

Древнегреческо-русский словарь: Около 70 000 слов / Сост. И.Х. Дворецкий. – М.: Госизд. иностранных и национ. словарей, 1958. – Т.1: (А–Л). – 1044 с.; – Т.2: (М–Ω). – 1902 с.

Кочергина, В.А. Санскритско-русский словарь: Около 30000 слов / Под. ред. В.И. Кальянова. – 3 изд., испр. и доп. – М.: Филология, 1996. – 944 с.

Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима / Под. ред. Л.А. Гулидова. – Воронеж: ИПФ «Воронеж», 1993. – 608 с.

Испанско-русский словарь: 70 000 слов / Н.В. Загорская, Н.Н. Курчаткина, Б.П. Наумович и др.; Под ред. Б.П. Нарумова. – М.: Рус. яз., 1988. – 832 с.

Михельсон, М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2-х т. / М.И. Михельсон / М.: ТЕРРА, 1997. – Т. 1. – 800 с.; – Т. 2. – 832 с.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2004. – 412 с.

Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен: Более 3000 единиц / Н.А. Петровский. – 6-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, Астрель, 2000. – 480 с.

Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

Русские имена в исторических лицах, церковных и народных праздниках, пословицах и приметах / Сост. Н.И. Решетников. – М., Париж, 2002. – 464 с.

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С.Брилева, Н.П.Вольская, Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных. – М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.

Словарь орловских говоров / Научн. ред. Т.В. Бахвалова. – Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1989-. – Вып. 1. – 160 с.; Вып. 5. – 160 с.; Вып. 9. – Орел: ОГПИ, 1998 – 122 с.

Словарь персонажей русской литературы: Вторая половина XVIII–XIX в. – М.-СПб.: Университетская книга, 2000. – 362 с. – (Summa culturologiae).

Современный словарь иностранных слов: Ок. 20 000 слов. – 2-е изд., стер.– М.: «Русский язык», 1999. – 742 с.

Сомов, В.П. Словарь редких и забытых слов / В.П. Сомов. – М.: Гуманит. издат. центр «ВЛАДОС», 1996. – 763 с.

Суперанская, А.В. Словарь русских личных имен / А.В.Суперанская. – М., Изд-во Эксмо, 2003. – 544 с. – (Библиотека словарей).

Тороп, Ф. Популярная энциклопедия русских православных имен / Ф. Тороп. – Москва: Белый волк, 1999. – 259 с.

Тресиддер, Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-пресс, 1999. – 448 с.

Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – М.: Русский путь, 2004. – 904 с.

Унбегаун, Б.О. Русские фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б.А. Успенского. – М.: Прогресс, 1989. – 440 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; Под ред. и предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986-. – Т. 2: (Е–Муж). – 1986. – 671 с.

Федосюк, Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь / Ю.А. Федосюк. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 240 с.

Финско-русский словарь: Ок. 82 000 слов / Сост. И. Вахро, А. Щербаков; под. ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. – Таллинн: Лорис, 1996. – 816 с.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. АН СССР О.Н. Трубачева. – М.: Изд-во «Наука», 1974-. – Вып. 10: (*klepač–*konь). – 1983. – 200 с.

УКАЗАТЕЛЬ ОНИМОВ

- Ааронов жезл* – библ., 126
Авель – библ. 126
Авив – мученик 130
Аксинья₁ – мать Ермошки, крепостного мальчишки акцизницы Бизюкиной Дарьи Николаевны 37
Аксинья₂ – работница Туберозовых 99
Александр – декабрист. Кого из декабристов Александра имеет в виду Н.С.Лесков, неизвестно 116
Александр Благословенный – см. Александр Первый
Александр см. Александр – Первый
Александр Павлович – см. Александр Первый
Александр Первый – император (1801–1825). В эпоху царствования Александра I активно обсуждался вопрос об обсуждении крепостных крестьян, но на практике Александр I ограничился изданием указа, дававшего помещикам право освобождать крестьян с земель, не имевшего серьезных последствий («Указ о вольных хлебопашцах» 1804) 114–115, 117
Александрина – см. Серболова Александра Ивановна
Алексей – отец (также персонаж хроники Н.С.Лескова «Старые годы в селе Плодомасове» (1865) 103
Алеша – семинарист, сын Бенефактова Захарии 62, 63
Англия – страна лордов, родина Стерна (Л.Стерна) и Бирона (Г.-Д. Байрона). В представлениях героев, в отличие от России, характеризуется наличием четкой судебной системы
крест св. Анны – орден, полученный протопопом Туберозовым. Орден, учреждённый в 1735 г. как частная награда. В 1797 г. введён императором Павлом I в иерархию государственных наград Российской империи для отличия широкого круга государственных чиновников и военных. Всего орденом Св. Анны награждены сотни тысяч человек
Араратская гора – библ. 127
Арий – один из известнейших еретиков (256–336 г.), основоположник арианства. Он отрицал догмат о равенстве всех трех лиц Троицы. Учение Ария было осуждено как еретическое вселенскими Никейским (325 г.) и Константинопольским (381 г.) соборами
Артемий – великомученик 127
Афанасий Иванович – консисторский секретарь 37, 105
Ахилла-воин – см. Десницын Ахилла Андреич

- Ахилла-дьякон* – см. Десницын Ахилла Андреич
- Ахиллес* – см. Десницын Ахилла Андреич. Так протопоп Туберозов называет дьякона Ахиллу.
- Ахилла₁* – см. Десницын Ахилла Андреич
- Ахилла₂* – царь Ахилла. Дьякон Ахилла смотрит в Петербурге оперетту с участием царя Ахиллы. Царь Ахилла – оперетты Ж.Оффенбаха «Прекрасная Елена» (1864). В оперетте пародируется сюжет и образы мифов о Троянской войне, в том числе и Ахиллес 57
- Бажанов* – дьякон Ахилла, бас Старгорода, не желает заискивать перед Бажановым, тайно приехавшим в Старгород, чтобы набрать «для царской певческой басов». Василий Борисович Бажанов (1800–1883), духовник царской семьи, имел высшее священническое звание протопресвитера 123
- Батавина гора* – возвышенность в Старгороде недалеко от дома Туберозовых
- Белозерский Кирилл* – протопоп Туберозов вспоминает имя основатель и игумен Белозерского монастыря (1337–1427) в связи с проблемой пьянства на Руси 123
- Бенефактов Захария* – священник 40, 42–43, 56, 59–61, 63, 69–70, 73,
- Бизюкин акцизник* – 87, 92
- Бизюкина Дарья Николаевна* – жена акцизника Бизюкина 80, 88–90, 92, 134
- Бизюкиниша* – см. Бизюкина
- Бирон* – о Бироне говорит акцизница Бизюкина, имея в виду его героя Каина. Д.-Г. Байрон (1788–1824), английский поэт-романтик, автор философской драмы «Каин» (1821) 119, 121
- Благодухово* – село, из которого приезжает протопоп Туберозов 49–50
- Богоявленский* – протопоп 103
- Бонапарте Наполеон* – Наполеон I, Наполеон Бонапарт (1769–1821), выдающийся французский полководец и государственный деятель 114–115
- Борноволоков Афанасий Федосеич* – ревизор из Петербурга 38, 75, 80, 82–83, 85–89, 106–107, 110
- Бундиан* – Бэньян Джон (1628–1688), английский писатель и проповедник. Принадлежал к одной из английских христианских сект, после запрета сект стал «подпольным» проповедником. Автор книги «Путь паломника», в которой в иносказательной форме представил пороки современной ему Англии и изобразил поиск и обретение героем блаженной, истинной жизни – Небесного Града. Про-

топоп Туберозов мог читать русский перевод его книги: «Сочинения Иоанна Бюниана» (1819) 119

Ваганьково кладбище – символ возможной смерти помещицы Плодомасовой из-за ее переживаний по поводу неудавшейся сделки с немкой-генеральшей Вихиоровой. Одно из самых обширных и известных московских кладбищ (1771г.)

Вальтасаров пир – библ. 126

Варнашенка – см. Препотенский Варнава Васильевич

Вельзевул – библ. 126

Венгерская кампания – майор Повердовня участвовал в этой компании – действия российской армии против революционной Венгрии в 1848 г.

Вениамин малый – библ., см. Израилевой утети, Вениамина малого

Вера Павловна – героиня романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?» (1863), упомянутая секретарем относительно людей, занявших якобы прочное положение. Имеются в виду мастерские на артельных началах, которые создавались демократической интеллигенцией в 1860-х годах по примеру героини романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?» Веры Павловны. По-видимому, Н.С.Лесков имеет в виду статью Ю.Г.Жуковского «Затруднения женского дела» (1863), в которой отрицалось общественное значение подобных мастерских 107–108

Вихиорова Каролина Карловна – помещица, немка-генеральша 109–110

Вольтер – см. Туганов Пармен Семеныч

Вольтер – Предводитель Туганов почитает Вольтера. Вольтер, Франсуа-Мари Аруэ де (1694–1778), французский философ, романист, историк, драматург и поэт эпохи Просвещения, один из величайших французских писателей 93, 114

Вонифатий мученик 127–128

Глеб Степанович бывший дворецкий помещицы Плодомасовой Марфы Андреевны 104

Глич княжеский управитель 104

Гога с Магогом библ. 127

Голицын – о встрече с этим советником рассказывает карлик спртопопу Туберозову. Николай Дмитриевич Голицын (1850–1925), князь, действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета. С 1885 по 1903г. архангельский, калужский, тверской губернатор. В войну председатель комитета по оказанию

помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах 103, 114

Гонорский – заболевший учитель, за которого учитель математики Препотенский читает историю детям 111

Горчаков – секретарь, видимо, имеет в виду отпор, который дал А.М.Горчаков дипломатическому вмешательству Англии, Франции и Австрии во взаимоотношения России и Польши во время польского восстания 1863 г.. Князь Горчаков Александр Михайлович (1798—1883); в 1867 году ему присвоено было звание государственного канцлера (высший чин по табели о рангах) 114–115

Гостинный ряд – в Гостинный ряд купцы приглашают дьякона Ахиллу служить молебен за «денежное подарение». Центр торговли г. Петербурга.

Грацианский Иродион – протопоп, переведенный в Старгород на место Туберозова 49, 62–63

Гриша – антропоним, входящий в состав выражения ‘делаем ни Мишу, ни Гришу?’ 130

Гурий – мученик 127

Данилка – мешанин 82, 98

Данило – см. Данилка

Данка Нефалимка – так дьякон Ахилла называет акцизницу Бизюкину Дарью Николаевну; см. Бизюкина Дарья Николаевна

Дарьянов Валерьян Николаевич – помещик, дальний кузен помещицы Серболовой Александры Ивановны 37, 52, 71, 74–75, 85, 120

Дашкова – протопоп читает «Записки» Дашковой. Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова (1743–1810), урождённая графиня Воронцова, в замужестве княгиня Дашкова. Подруга и сподвижница императрицы Екатерины II, участница государственного переворота 1762 года. Одна из заметных личностей Российского Просвещения. В её мемуарах содержатся ценные сведения о времени правления Петра III и о воцарении Екатерины II («Мемуары княгини Дашковой», изданы в 1840 г. в Лондоне) 114, 117–118

Деевская молеельня – см. Деевская староверческая часовня

Деевская староверческая часовня – смысл упоминания объясняется в первой редакции «Соборян» в «Чающих движения воды» («Отечественные записки», 1867, март, с.188, 192), в которой рассказывается о купце Семене Дмитриевиче Дееве, наставнике старгородских раскольников. В доме Деева помещалась раскольникья молеельня, и ее разрушение описывает Туберозов в «Соборянах» 129

Дементий – бурмистр помещицы Марфы Андреевны Плодомасовой 104

Демикотоновая книга протопопа Туберозова – дневник протопопа Туберозова 122, 124

Десницын Ахилла Андреич – дьякон 40, 43, 46, 48, 52–59, 61, 70, 73, 82, 88, 90, 103, 106, 111–112, 120, 132, 134

Дионис – вероятно, Дионисий Старший (432–367 до н.э.), тиран города Сиракуз на острове Сицилия, талантливый организатор и полководец, отличавшийся крайней подозрительностью и жестокостью. Дьякон Ахилла называет Дионисом, тираном сиракузским, секретаря Термосесова 81, 83, 114

Димитрий – дьякон Ахилла имеет в виду Дмитрия Ивановича (1582–1591), царевича, князя углицкого, младшего сына Ивана Грозного от Марии Фёдоровны Нагой. Он был убит в в период политического кризиса в России (Смутное время). Канонизирован в 1606 как благоверный царевич *Димитрий Углицкий* (день памяти – 15 мая ст. ст., в XXI веке – 28 мая н. ст.)

Димитрий Ростовский – протопоп Туберозов с сожалением говорит о прошедших временах, когда были смелые борцы за веру. Димитрий Туптало, митрополит Ростовский (1651–1709), церковный писатель, духовный просветитель. Известен тем, что в присутствии царя Петра I и его сановников смело обличал высший свет и говорил о тяжелом, унижительном положении народа 123, 127

Духовный регламент – положение о церковном управлении и об утверждении вместо патриаршества духовной коллегии, позднее переименованной в синод, написанное Феофаном Прокоповичем и отредактированное Петром I (1721). Протопоп Туберозов часто обращается к этому документу 124–125

Евангелие от Иоанна – Протопоп Туберозов цитирует в своем дневнике. Четвёртая книга Нового Завета. Написана в 90-х годах I в. н. э. апостолом Иоанном, «возлюбленным учеником» Иисуса Христа, который позже был назван Иоанном Богословом. Отличается по содержанию от остальных трёх. По преданию, ученики Иоанна Богослова попросили своего учителя рассказать о жизни Иисуса то, что не вошло в синоптические Евангелия. Их записи и составили Евангелие от Иоанна 124

Евгениевский «Календарь» – «Церковный календарь» (1803), изданный профессором Петербургской духовной академии Евгением Болховитиным (1767–1837). Этот календарь протопоп Туберозов использует в качестве своего дневника 122

Европа – страны, завоеванные Наполеоном в 1812 г.

Евтихеич – пономарь 103

Екатерина – императрица Екатерина II Великая (1729–1796). Помещица Плодомасова Марфа Андреевна современница этой императрице. Период её правления часто считают «золотым веком» Российской Империи (1762–1796). Сенат Российской империи преподнёс ей эпитеты Екатерины Великой и Матери Отечества. Екатерина является лидером среди всех российских императоров по продолжительности жизни и сроку правления 114–115

Елизавета – Елизавета Петровна (1709–1761), российская императрица (1741–1761), дочь Петра I и Марты Скавронской. Помещица Плодомасова жила в период правления Елизаветы Петровны 114–115

Ермошка – крепостной мальчишка акцизницы Дарьи Николаевны Бизюкиной 92, 99

Ефимыч – дьячок 103

Закхей Мытарь – библ. 101, 126–127

Запад – страны Западной Европы

Заречье – район Старгорода

Зевс – см. Фидиев Зевс

И.Х. – Иисус Христос 126

Иаков – библ. 60–61, 88, 126, 134

Иван Афанасьевич – крепостной карлик, брат Николая Афанасьевича 72

Иван Царевич – секретарь Термосесов предлагает князю Борноволокову занять позицию этого сказочного героя, т.е. подчиняться во всем ему (секретарю) 79, 87, 130

Иванов – солдат 112

Иванов Николай Иванович – адресат, вымышленный секретарем Термосесовым 112

Иверская божья мать – находится в одном из храмов Старгорода. Иверская икона Богоматери почитается как чудотворная. Икона является списком с древнего образа, который хранится в Греции на горе Афон, в Иверском монастыре.

Израилев исход – библ. 127

Израилевой утехи, Вениамина малого – библ. 60, 126–127

Иоанна Воина – икона святого мученика Иоанна Воина. Была украдена солдатом из Покровской церкви в Старгороде

- Иоанн Воинственник* – у этого святой мученик просит помощи солдат. На Руси св. Иоанн почитался покровителем военных и помощником ратников в битвах за Отечество. 127
- Иона-пророк* – библ. 126
- Иродиада* – этим именем секретарь Термосесов называет акцизницу Бизюкину. Персонаж поэмы Г.Гейне «Атта Троль» (1841) 90, 120
- Ирод-царь* – библ. 126
- Исаакиевский собор* – крупнейший православный храм Петербурга, из которого дьякон Ахилла молится за Туберозова 115
- Искандер* – псевдоним А.И.Герцена. Протопоп упоминает Искандера в связи с чтением его газеты «Колокол» 55, 117
- Испания* – вероятно, речь идет о восстаниях в армии и флоте Испании в 1868 году, закончившихся победой либералов и низвержением в 1869 году королевы Изабеллы
- Иуда-предатель* – библ. 126
- Кавказ* – место службы майора Повердовни 96
- Казанский собор* – в романе место захоронения Кутузова. Дьякон Ахилла, будучи в Петербурге, молится из этого собора за протопопа Туберозова. Казанский кафедральный собор (собор Казанской Божией Матери) один из крупнейших православных храмов в России 115
- Казимирович Альберт* – поляк, жандармский полковник тайной полиции Старгорода 111
- Каин₁* – библ. 120, 121, 126, 127
- Каин₂* – персонаж драмы Д.-Г.Байрона «Каин» (1821) 120–121; см. Бирон
- Каквас* – кличка щенка дьякона Десницына Ахиллы 37, 133
- Кальярский* – персонаж, лишь единожды упомянутый в «Соборях». Август Кальярский герой первой редакции «Соборян» «Чающие движения воды» (1867) 106, 111
- Киев* – религиозный центр России, сосредоточение христианских святынь. Протопопица обещает пойти пешком в Киев, если у нее родится ребенок
- Киприян* – мученик 127–128
- Кленыхин* – карлик Николай Афанасьевич встретился в графом Кленыхиным на балу. Петр Андреевич Клейнмихель (1793–1869), генерал-адъютант, член Государственного Совета и дежурного генерала штаба Его Величества. П.А.Клейнмихель принимал участие в работе комиссий по реформированию армии и флота 104

Командор – дьякон Ахилла сравнивается автором с статуей Командора, персонажем трагедии А.С.Пушкина «Каменный гость» (1830) 120

Комарёнок – будущий ребенок кучера Комаря 100

Комариха – см. Фелисата

Комарь – крепостной кучер Порохонцева Воина Васильевича 38, 100, 133

Конаркевич Алоизий – ссыльный поляк, ксендз 110–111

Кондратий – протопоп Туберозов, сам не зная того, отслужил панихиду по декабристу Кондратию. Кондратий Федорович Рылеев (1795–1826), русский поэт, общественный деятель, декабрист. Он один из пяти руководителей декабрьского восстания 1825г., подвергшийся смертной казни 116

Кордай д'Армон Шарлота – Шарлотта Корде д'Армон (1768–1793), французская дворянка, убийца Марата. Протопоп цитирует ее письмо к Барбару, написанное в день казни 115

Котин – см. Пизонский Константин

Кочубей – Ахилла, отвозя прошение за Туберозова, сравнивает себя с Кочубеем, персонажем поэмы А.С.Пушкина «Полтава» (1828–1829)

Красная Горка – праздник, обозначает дату события. С распространением христианства был приурочен к первому воскресенью после Пасхи (так называемому Фомину воскресенью или Фомину дню). Иногда праздновался на следующий день – в понедельник, иногда – в Юрьев день (день весеннего выгона скота). Красная горка символизирует полный приход весны 129

Крылов Иван – за свой талант к сочинительству маленьких лукавых рассказов карлик Никола Афанасьевич сравнивается Туберозовым с баснописцем Иваном Андреевичем Крыловым (1769–1844) 119–120

Купидон – миф. 56

Кутузов – святое место. Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1747–1813), прославленный русский полководец, генерал-фельдмаршал (с 1812), светлейший князь (с 1812). Герой Отечественной войны 1812 года 114–115

Лафонтен – упоминается протопопом Туберозовым касательно таланта калика Николая Афанасьевича сочинять короткие лукавые Рассказы. Жан де Лафонтен (1621–1695), знаменитый французский баснописец 119–120

Лимона Ивановна см. Матрена Ивановна

- Литва* – страна. Упоминается в связи с учреждением первых обществ трезвости 123
- Лойоле Игнатий* – протопоп Туберозов говорит об этой личности в связи с тем, что, как и считал Лойоле, порой обманы и преступления оправданы, если они служат на благо церкви. Католический святой (ок. 1491–1556), основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов) 123
- Лукиян* – дьячок 103
- Лютер* – представитель лютеранской церкви, противопоставленной в романе православной. Мартин Лютер (1483–1546), основоположник Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма (лютеранства), переводчик Библии на немецкий язык. Среди главных мотивов его богословия – спасение только верой 123
- Лялин Алиоша* – сын старого бакалейщика Лялина 37, 69, 105
- Лялины* – братья-бакалейщики 105
- Лялин* – бакалейщик, отец Алиоши Лялина 37
- Магог* – см. Гога с Магогом
- Мазепа* – человек, попавший под анафему церкви. Иван Степанович Мазепа, также Мазепа-Колединский (ок.1639–1709), гетман Украины с 1687, преемник гетмана Самойловича. Внес большой вклад в защиту православия в Украине. Выразитель стремления казаческой старшины к отделению от России 114
- Макдуф* – помещик Валерьян Николаевич Дарьянов приводит историю учителю Варнаве Препотенскому (осуждаемого за историю с костями) о Макбете, которому в одноименной трагедии В.Шекспира ведьмы предсказывают, что он умрет от руки человека, не рожденного женщиной; таким оказался Макдуф, который был «из чрева вырезан, а не рожден». Макбет, персонаж трагедии В.Шекспира «Макбет» (1606) 120
- Макиавелли* – секретарь Термосесов предлагает идти к победе дорогой Макиавелли. Николо Макиавелли (1469–1527), итальянский мыслитель, писатель, политический деятель. Он считал, что в основе политического поведения лежат выгода и сила, в политике следует опираться на силу, а не на мораль, которой можно и пренебречь при наличии благой цели. Отсюда следовал вывод, что в политике цель оправдывает средства. 83–84, 114, 118, 134
- Макимилиан* – секретарь Термосесов, заметив нерадостное настроение акцизницы Бизюкиной, иронизирует над ней, интересуясь, не носит ли она траур по этому императору. Максимилиан Робеспьер (1832–1867), император, посаженный на мексиканский престол

- Наполеоном III, был взят в плен республиканскими войсками и, по приговору военного суда, расстрелян 19 июня 1867г. 114
- Марко Вочок* – литературный псевдоним Вилинской Марии Александровой (1833–1907), украинская и русская писательница и поэтесса, переводчица. Автор романа «Живая душа» (1868). Н.С.Лесков крайне отрицательно воспринял этот роман «Живая душа» 40, 91, 120
- Марой* – преподобный 127
- Марфа* – служанка акцизницы Бизюкиной Дарьи Николаевны 73, 99
- Марья Афанасьевна*– крепостная карлица помещицы Плодомасовой Марфы Андреевны, сестра карлика Николая Афанасьевича 101
- Матрена Ивановна* – героиня, у которой учитель Препотенский просит лимончика 37, 133
- Махмуд* – вероятно, Махмуд II (1785–1839), османский султан. В 1820–30-х гг. провел ряд прогрессивных реформ, в том числе и уничтожение янычирского корпуса, ликвидацию военно-ленной системы и др. Царствование Махмуда II сопровождалось междоусобными войнами 114
- Маши* – персонаж романа М.Вовчок «Живая душа» (1868) 89–91, 120; см. Марко Вовчок, «Живая душа»
- Метта Ивановна* – крепостная чухончка-карлица 108–109
- Меттерних* – секретарь Термосесов сторонник методов Меттерниха. Клеменс Меттерних (1773–1859), австрийский государственный деятель, канцлер в 1821–1848 гг.. Апологет полицейских методов управления, свергнутый революцией 1848 г. 83–84, 114, 118, 134
- Милитрисы Кирбительевны* – так называет свою капризную прислугу помещица Марфа Андреевна. Милитриса Кирбительевна, героиня старинной лубочной сказки о Бове-королевиче 130
- Михаил* (день) – праздник, день архистратига и воеводы Михаила. Архангел Михаил, архистратиг, полководец воевода верных Богу ангелов, победоносный враг Сатаны, победитель зла. Считается покровителем воинов, бьющихся за правое дело 129
- Михайло Николаевич* – см. Муравьев
- Миша* – см. Гриша 132
- Могила* – Протопоп Туберозов сожалеет том, что перевелись духовные борцы подобные этой личности. Петр Могила (1596–1647), митрополит Киевский, известный в делах духовного просвещения 123
- Моисей Мурин* – см. Моисей Угрин
- Моисей Угрин* – преподобный 126
- Моисей* – библ. 126–127

- Молвоша* – сын дурочки Насти, которого воспитывает Константин Пизонский 64, 106
- Мордоконаки* – аристократка откупщицей породы, петербургская дама 74–75, 94
- Морозов Иван* – обозначение русского человека вообще, этим именем называет себя дьякон Ахилла 112
- Москва* – город, противопоставлен Петербургу по принципу святой / греховный город 39, 78
- Мрачковский* – капитан, переведенный на новое место в Старгород 37
- Муравьев* – секретарь намекает на историю, связанную с графом Муравьевым. Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866), русский государственный деятель. Известен в политических кругах под прозвищем «Муравьев-вешатель»¹¹⁴, 116–117
- Надежда Степановна* – отставная горничная дьякона Десницына Ахиллы 100–101, 132
- Наинская вдовица* – библ. 126
- Настя* – дурочка (юродивая), мать Молвоши 67, 106
- Наталья Николаевна* протопопица, жена Савелия Туберозова 63
- Неаполь* – имеется в виду реакционный город, противопоставленный застывшему Старгороду. Неаполь до 1860г. был столицей королевства Обеих Сицилий, самого реакционного из итальянских государств. После объединения Италии (1861) в Неаполе вместо полицейско-церковной диктатуры был введен конституционный правопорядок и созданы условия для развития просвещения
- Невский* – улица в Петербурге, на которой дьякон Ахилла хочет купить щенка взамен своего погибшего
- Некрасова муза* – муза поэта Н.А.Некрасова (1821–1878). О ней говорит секретарь Термосесов в связи с графом М.Н.Муравьевым 116
- Никитская церковь* – церковь, к которой относится просвирия Марфа Николаевна Препотенская. Препотенские живут рядом с этой церковью. Вероятно, Никитская церковь (XVIIIв.) г.Орла. Н.С.Лесков неоднократно говорил о ней в своих письмах
- Никола* – см. Николай Афанасьевич
- Никола летний, зимний* – религиозный праздник (9 мая и 6 декабря по ст. стилю) 129
- Николай* – отец 103
- Николай* – см. Николай Афанасьевич
- Николай Афанасьевич* – крепостной карлик помещицы Плодомасовой 37, 72–73, 101–104, 107–108, 115

Николай Угодник – святитель Николай Мирликийский, Чудотворец, христианский святой, епископ из Византии. Жил в городе Мира древней Ликии Римской империи. По преданию, во время Вселенского собора ударил по лицу своего оппонента Ария. Этот факт запечатлен в «Соборянах». Считается покровителем моряков, купцов и детей 127–129

Николай Чудотворец – см. Николай Угодник

Нина – петербургская кузина ревизора Борноволокова Афанасия Федосеича 106–107

Нифонт – преподобный 127–128

Новый год – праздник 129

Ока – упоминается в связи с голодом в Старгороде. Река, в месте слияния которой с рекой Орлик основан г.Орел, родной город Н.С.Лескова. Писатель, великолепно знавший историю Орла, в одной из своих статей обратил внимание горожан на высокий обрыв над Окой, назвав его «тургеневский бережок»

Ольга Арсентьевна – жена городничего Порохонцева Воина Васильевича 88

Отрепьев Григорий – дьякон *Ахилла* обозначает этим именем человека, попавшего под анафему церкви. Григорий Отрепьев (мирское имя Юрий Богданович), монах, дьяк Чудова монастыря. Выдавал себя за чудом спасшегося сына Ивана IV Дмитрия 58, 114, 117

Павел₁ – Павел Иванович Пестель (1793–1826), декабрист. Протопоп Туберозов, сам того не зная, отслужил панихиду по этому и другим декабристам. Он. Был повешен с четырьмя другими декабристами в Петропавловской крепости 13 июля 1826 116

Павел₂ – Павел I Петрович (1754–1801), император России (1796–1801) из династии Романовых, сын Петра III Федоровича и Екатерины II Алексеевны. Протопоп Туберозов не соглашается с оценкой деятельности этого императора, данной Дашковой в своих записках 114, 117

Павел₃ – пономарь 103

Павел₄ – апостол Павел (5?–64), один из апостолов в христианстве. Ап. Павлу приписывается авторство нескольких апокрифических книг, сам он является действующим лицом ряда новозаветных апокрифов

Павел Петрович – см. Павел₂

Павлюкан – дьячок 62–63

Панин – какого из братьев Паниных – Никиту Ивановича (1718–1783), русского дипломата, или Петра Ивановича (1721–1789), военного деятеля, имеет в виду Н.С.Лесков неизвестно 114

Панса см. Санхе-Пансе

Песношского Мефодия день – праздник. Обозначает день когда дьякон Ахилла объявляет всем мир, а учителю Варнаве Препотенскому – войну 127

Петербург – город, культурный центр России 18–19 в. противопоставлен Старгороду: столичный / провинциальный город 39, 57, 62, 70, 74–75, 77–78, 80, 87, 90, 94, 106–107, 112, 115, 134

Петр I – русский царь и первый император Российской империи (с 1721). Один из самых выдающихся государственных деятелей в мировой истории, определивший направление развития России в XVIII в. 114–115, 117–118

Петр – см. Петр I

Петров день – день летнего солнцестояния (12 июля (29 июня) 129

Петровки – пост, указывает на время события. Петров (Апостольский) пост, также «Петровки», «Петрово говейно» – православный пост, установленный в память о святых апостолах Петре и Павле, которые постились, готовя себя для евангельской проповеди. Начинается через неделю после дня Святой Троицы, в понедельник, после девятого воскресения по Пасхе, а заканчивается в день Петра и Павла – 12 (29 июня по ст. ст.) может продолжаться от 6 до 8 недель 102

Петруша-воитель – см. Петр

Пизонский Константин – недоучка духовного звания 64–67, 106

Пилат – библ. 83, 126–127

Писание – Священное Писание, религиозные иудейские и христианские книги, составляющие Библию, согласно вероучению написанные по «внушению Бога». В иудаизме к Священному Писанию относят лишь Ветхий Завет (Танах), в христианстве – и Ветхий и Новый Заветы. Протопоп цитирует св. Писание в своем дневнике 124

Питер – м. Петербург

Плодомасов Алексей Никитич – помещик, муж Плодомасовой Марфы Андреевны 71, 73, 96

Плодомасова Марфа Андреевна – помещица, которая живет в селе Плодомасово (также персонаж хроники «Старые годы в селе Плодомасово» (1896) 71–72, 101, 103–4, 108, 115, 130

Плодомасовка – см. Плодомасово

- Плодомасово село*, в котором живет помещица Марфа Андреевна Плодомасова 71–72
- Повердовня* – майор-инвалид 94–94, 97, 112, 134
- Покровская церковь* – здесь находилась икона Иоанна Воина, украденная солдатом. Покровская церковь есть в г.Орле, упомянута Н.С.Лесковым и в других произведениях, например, в рассказе «Грабеж» (1887)
- Польша* – страна, которая упоминается в связи с политическими событиями 1863 г., последствия которых коснулись Россию 106, 109, 111, 115
- Попыгин* – русский монументщик, сделавший памятник протопопу Савелию Туберозову 98–99, 134
- Порохонцев Воин Васильевич* – городничий, ротмистр 87–88
- Препотенская Марфа Николаевна* – никитская просвирия, мать учителя Варнавы Васильевича Препотенского 73
- Препотенский Варнава Васильевич* – учитель математики 37, 39, 53, 68–70, 111, 115, 118, 120, 132
- Промысел* – божественная деятельность в мировой жизни, сохраняющая мир и направляющая его к предназначенной ему цели бытия. Христианское учение о промысле подробно раскрыто в Св. Писании и в священном предании. Алиоша Лялин истолковывает Промысел по-своему (признает Бога-творца, но не признает Бога-промыслителя), чем отвергает Захарию Бенедиктова в ужас
- Прохор* – дьячок 103
- Пугачев* – карлик Николай Афанасьевич подчеркивает решительность своей помещицы Марфы Андреевны Плодомасовой, говоря, что та с Пугачевым спорила. Емельян Иванович Пугачев (1742–1775), донской казак, предводитель Крестьянской войны (1773–1775). 114–115
- Пуговкин* – лекарь 95–96, 134
- Рахиль* – библ. 60, 126
- Ревель* – город, отличающийся «либеральными» порядками по сравнению со Старгородом. Н.С.Лесков часто бывал в Ревеле. Этот город упоминается и в других текстах Н.С.Лескова: например, в «Колыванском муже» (1888) в связи с проблемой национального вопроса 39
- Ровоам* – библ. 126
- Роман Чудотворец святой* 127
- Россия* – государство 117

Русь – славянская нация в целом и государство в историческом представлении Н.С.Лескова

Садовая – улица в Москве. Секретарь Термосесов шантажирует князя Бороноволокова, упоминая их встречу на этой улице

Самарская губерния – секретарь Термосесов пишет в подложном письме, что он якобы получил наследство в Самарской губернии 40

Самон– мученик 127

Санхе-Пансе – Санчо Панса, персонаж романа М.Сервантеса «Дон Кихот» (1604). К этому персонажу обращается протопоп Туберозов в связи с чтением романа Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» 119

Сарра – библ. 126–127

Светлое Христово воскресенье – праздник Светлого Христова Воскресения. Главное событие года для православных христиан и самый большой православный праздник. В этот день христиане торжествуют избавление через Христа 129

Севск – русский город вообще. Дьякон Ахилла, желая подчеркнуть свое русское происхождение, говорит, что он Иван Морозов из Севска. Севск – город в Черноземье. Отец Н.С.Лескова окончил духовную семинарию в Севске 39, 112

Серболова Александра Ивановна – помещица, духовная дочь протопопа Туберозова Савелия 46, 71, 74–75, 134

Сергеев – солдат 112

Сергей – дьячок 103

Серый Волк – персонаж русской народной сказки. Секретарь Термосесов играет роль этого персонажа – решает все проблемы самыми «невероятными» способами 79, 87, 130

Сибирь – название части азиатской территории России. Употребляется в значении «страны изгнания», места ссылки и каторги. По мнению секретаря Термосесова, все воры находятся в Сибири

Симеон – святой 127–128

Сион – библ. 126–127

Сирах – Иисус сын Сирахов (II в. до н.э.), автор сборника изречений «Книга премудрости Иисуса сына Сирахова», входящего в Библию

Соломон– библ. 42, 47, 126–127

Спаса образ – икона Нерукотворенного Спаса. Находится в доме протопопа Туберозова. Народное предание почитает ее чудотворной и по времени происхождения относит к 1152г.

Старгород – город, в котором разворачивается действие «Соборян» 38, 44, 46, 49, 54, 59, 62, 65, 67, 75, 77, 79, 81, 85–88, 98, 106, 110

Старый Город – см. Старгород

Стерн – Лоуренс Стерн (1713–1768), известный английский писатель, юморист, священник. Его первый роман «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» (1759–1768) принес ему широкую известность. Н.С.Лескова привлекала манера письма Л.Стерна, о чем он не раз высказывался в своих письмах 1119–120

Татищев – Василий Никитич Татищев (1686–1750), русский государственный деятель и историк, сторонник свободомыслия в религиозных вопросах. Протопоп Туберозов цитирует его «Духовную» (1773) – систематическое изложение его взглядов общеполитического и морального содержания. Туберозов скорее всего цитирует ее по книге Нила Попова «В.Н.Татищев и его время» (1861) 119

Ташкент – отдаленное место в России, место ссылки. В Ташкент, по мнению протопопа Туберозова, необходимо отправить учителя Препотенского

Термосесов Измаил Петрович – секретарь из Петербурга 38, 44, 46, 68, 75–91, 94, 98, 106, 110, 115–116, 121, 127, 134

Тимониха – см. Тимонова

Тимонов Тимофей Иванович – почтмейстер 96–98

Тимонова – жена почтмейстера Тимонова Тимофея Ивановича 97–97

Тирон Федор – мученик 127

Троадий – цензор, проверяющий все проповеди протопопа Туберозова Савелия 105, 124

Туберкулов – см. Туберозов Савелий Ефимыч

Туберозов Савелий Ефимыч – протопоп, переведенный из села Благодухова в Старгород 37–38, 40–52, 55–61, 64, 67–68, 70, 73, 75, 78–79, 81, 83, 85–86, 90, 95, 103, 105, 114–117, 122–119, 130, 132–134

Туганов Пармен Семенович – губернский предводитель 42, 87, 92–94, 96, 114

Тургенев – Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883), русский писатель поэт. В «Соборянах» – автор романа «Дым». Земляк Н.С.Лескова – родился в селе Спасское-Лутовиново Орловской губернии 119, 121

Турица – судоходная река, на которой стоит Старгород

Успение пресвятыя богородицы – праздник, один из главных богородичных праздников. Принадлежит к числу двенадесятых. Посвящен Успению – праведной кончине Божией матери и отмечается 15 августа (28 августа по нов. ст.) 129

Устиния – святая 127–128

- Фатеж* – родной город Натальи Николаевны, жены протопопа Савелия Туберозова. Реальный город Орловской губернии 39
- Феб* – миф. 56–57, 130
- Фёклинька* – девочка, помогающая по хозяйству Туберозовым 99
- Фелисата* – крепостная городничего Порохонцева Воина Васильевича, жена кучера Комаря 99–100
- Фидиев Зевс* – огромная (около 20 метров высоты) беломраморная статуя *Зевса* работы скульптора *Фидия* (V в. до н.э.). Голову этой статуи украшали обильные волосы, поднимавшиеся над лбом и ниспадавшие по бокам густыми прядями 129
- Финогеша* – родной брат Ахиллы Десницына 56, 106, 134
- Фомаида* – преподобная 127, 128
- Франц-Венецьянец* – Француз–Венецыан, персонаж лубочной героической сказки «История о храбром рыцаре Францыле-Венецыане» (1787) 120
- Хам* – библ. 126–127
- Херсонский Иннокентий (и его толкование)* – Иннокентий (Борисов) (1800–1857), русский церковный деятель, архиепископ Херсонский и Таврический, выдающийся богослов и оратор. По-видимому, в романе обращается к его сочинению «Последние дни земной жизни господина нашего Иисуса Христа, изображенные по сказанию всех четырех евангелистов» 125
- кн. Царств* – Книги Царств, четыре исторических книги Ветхого Завета. Известные ныне четыре книги Царств в древнем еврейском кодексе священных книг составляли только две книги. Одна из них, в состав которой входили нынешние первая и вторая, называлась книга Самуила, другая, состоявшая из нынешних третьей и четвертой, – книга Царей. Деление на четыре книги было у alexandрийских переводчиков, впрочем, православная церковь удержала древнее деление на две книги 124, 126
- Цицерон* – Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.), древнеримский политик и философ, блестящий оратор. Этим именем секретарь Термососов иронично называет учителя Варнаву Препотенского, имея в виду его мнимое красноречие 114, 118
- Чемерницкий Игнатий* – ссыльный поляк 110–111
- Черташенька* – см. Препотенский Варнава Васильевич

Шанди – персонаж романа Л.Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шанди» (1759–1768) 120; см. Стерн

Эсперанса – см. Надежда Степановна

Яков – отец 103

«*Ах, мороз, морозец, молодец ты русский!*» – романс на стихи И.И.Башмакова (И.Ваненко). Этот романс поет одетый в русскую рубашку сын городничего Мрачновского

«*Барбосы*» – см. «Милорды»

«*Бижу*» – см. «Милорды»

«*Домашняя беседа*» – еженедельная газета (1858–1877), издававшаяся В.И.Аскоченским. Н.С.Лесков был не согласен с В.И.Аскоченским по ряду вопросов, что отразилось в их публицистической полемике 69–71, 118, 132

«*Дым*» – роман И.С.Тургенева (1867) 121; см. Тургенев

«*Живая душа*» – роман Марко Вовчок (1868) 91, 120; см. Марко Вовчок

«*Жизнь за царя*» – опера, которую слушает дьякон Ахилла в Петербурге. Под этим названием до 1917 года шла опера Глинки «Иван Сусанин».

«*Жизнь и мнения Тристрама Шанди*» – см. Стерн

«*Жужу*» – см. «Милорды»

«*Записки*» *госпожи Дашковой* «Записки» – «Мемуары княгини Дашковой», изданы в 1840 г. в Лондоне. Являются одним из важнейших мемуарных источников по российской истории второй половины XVIII в., т.к. автором их была непосредственная свидетельница и участница многих ключевых событий эпохи Екатерины II. В русском переводе были напечатаны А.И.Герценом в 1859 году. Протопоп Туберозов мог читать в «Полярной звезде на 1857 год» подробное изложение ее записок, сделанное А.И.Герценом: «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова» 117; см. Дашкова

«*Карло*» – см. «Милорды»

«*Катанья*» – см. «Милорды»

«*Колокол*» – газета А.И.Герцена, которая издавалась в Англии, а потом в Швейцарии с 1 июля 1857 года по 1867 год. В России «Колокол» тоже выходил, но нелегально. Протопоп Туберозов читает эту газету 117

- «*Корольков верх*» – место у опушки леса. Здесь протопопа Туберозова настигает гроза. Также упоминается в романе Н.С.Лескова «На ножах» (1870–1871) как «роковое место»
- «*Милорды*», «*Барбосы*», «*Шарлотки*», «*Фани*», «*Жужу*» и «*Бижу*», «*Карло*» или «*Катанья*», «*Шниц*» – типичные клички барских собак 37, 133
- «*О подражании Христу*» – книга «О подражании Иисусу Христу, четыре книги, Фомы Кемпийского, перевод с латинского графа М.М.Сперанского» (Спб., 1835г.). Эта книга переводилась в России и рекомендовалась деятелям официальной церкви. Это издание было в библиотеке Н.С.Лескова 125–126
- «*О сельском духовенстве*» – имеется в виду книга священника И.С. Беллюстина «Описание сельского духовенства» (Париж, 1858), написанная по инициативе М.П.Погодина и им отредактированная. Протопоп сожалеет о ее малодоступности. Книга рисовала жизнь и материальное положение русского сельского духовенства самыми мрачными красками, поэтому она была запрещена к распространению в России. Однако она стала известна и живо обсуждалась в современной Н.С.Лескову журналистике 124–124
- «*Одиссеи*» *певец* – имеется в виду Гомер, легендарный древнегреческий поэт-сказитель, автор «Одиссеи» 25, 85, 127
- «*Петров крест*» – растение, одно из редких и таинственных, видеть которое случалось далеко не каждому, – практически вся его жизнь проходит под землёй. В романе «Петров крест» – магический знак, который увидел протопоп Туберозов перед грозой
- «*Фани*» – см. «Милорды»
- «*Шарлотки*» – см. «Милорды»
- «*Шниц*» – см. «Милорды»
- «*Russie*» – Россия, страна удивительная и «непознаваемая» в глазах петербургской аристократки госпожи Мордоконаки. «Bon Dieu, voila la veritable Russie!» – фраза, которую произносит госпожа Мордоконаки после прочтения посвященных ей нелепых стихов капитана Повердовни

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I	
ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОНОМАСТИКИ	
1. К ЭТАПАМ РАЗВИТИЯ	
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОНОМАСТИКИ.....	6
2. ОНОМАСТИКА Н.С.ЛЕСКОВА	
В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ.....	13
ГЛАВА II	
Н.С.ЛЕСКОВ И ИМЯ.....	25
ГЛАВА III	
ОНОМАСТИКА РОМАНА Н.С.ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ»	
1.АНТРОПОНИМЫ	
ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ.....	40
2. АНТРОПОНИМЫ	
ВТОРОСТЕПЕННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ.....	62
3. АНТРОПОНИМЫ	
ВНЕСЦЕНИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ.....	103
4. КУЛЬТУРНО-ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ФОН	112
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	132
ИСТОЧНИКИ.....	136
ЛИТЕРАТУРА.....	137
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ.....	151
УКАЗАТЕЛЬ ОНИМОВ.....	154

Научное издание

В. В. ВЯЗОВСКАЯ

ОНОМАСТИКА
РОМАНА Н. С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ»

Монография

Подписано к печати 23.10.2007. Формат 60 x 84 1/16.

Усл. печ. л. 10,23. Тираж 1000 экз. Заказ № 621.

ООО Издательство «Научная книга»
394077, г. Воронеж, ул. Маршала Жукова, 3-244
[http:// www.sbook.ru](http://www.sbook.ru)

Отпечатано в ООО ИПЦ «Научная книга»
г. Воронеж, пр-т Труда, д. 48.
тел. (4732) 205-715, 29-79-69
E-mail: ipc@sbook.ru